А. С. ПАНКРАТОВЪ.

ИЩУЩІЕ БОГА

Цѣна 1 рубль.

53331

Тип. Скоропечатни А.А. Левенсона
Москва, Трехпрудный пер.
1911.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Религіозные портреты:

Стр.

Безсмертный 3
Пророчица 15
Крестьяне - опрощенцы 22
Жизнь по совѣсти (толстовецъ А. И. Архангельскій) 29
«Братъ Сергѣй» (С. Поповъ) 41
А. М. Бодянскій 59
Князь Д. А. Хилковъ 88
Николай Толстой (къ исторіи уніатства въ Россіи) 110
Игра въ религію (о. Евстаѳій Сусалевъ) 132
За старую вѣру (Ѳ. Е. Мельниковъ) 138
Старообрядческій сектантъ (Ѳ. И. Смирновъ) . . 154
«Во имя Бога» 166
Бурханизмъ 173
Приложеніе: Отецъ Матѳей (духовникъ Н. В. Гоголя) . 181

Посвящаю

дорогой памяти моего отца.

Безсмертный.

I.

«Большіе ряды» были залиты солнечнымъ свѣтомъ, заласканы тепломъ. Угрюмые дома хотѣли было задержать своимъ мертвымъ видомъ свѣжее дыханіе оживающей природы. Но не могли. Оно проникло даже въ грудь безжизненного, умирающаго Ивана Ивановича Морозова.

Остро чувствовалъ Морозовъ весну. Онъ ощущалъ ее всѣмъ своимъ больнымъ, надорваннымъ сердцемъ, остаткомъ страсти разбитой груди, въ которой догорала жизнь. Но не одно солнце и свѣжесть поднимали его духъ. Что солнце? Онъ зналъ его давно, каждую весну чувствовалъ, какъ оно сначала зажигаетъ въ немъ кровь, а потомъ обезсиливаетъ и душитъ. Онъ привыкъ къ его обману. Но нынѣшняя весна дала ему ощущенье безконечнаго счастья, безумной радости. Онъ никогда не былъ такъ здоровъ душой.

Правда, онъ надорванно кашляетъ; кашляетъ такъ, что прохожіе останавливаются и испуганно бѣгутъ отъ него. Въ груди его цѣлая симфонія звуковъ смерти... Но безкровныя, синеватыя губы все же складываются въ горделивую, торжествующую улыбку и шепчутъ:

— Вотъ они проходятъ мимо меня и не знаютъ ничего. И мнѣ ихъ безконечно жаль, этихъ здоровыхъ, но слѣпыхъ

---

*) Въ Москвѣ есть небольшая группа такъ называемыхъ «безсмертниковъ»,—сектантовъ, вѣрующихъ въ безсмертіе своего тѣла. Ихъ родоначальникъ—мелкій комиссіонеръ И. И. Морозовъ.

кротовъ! Цѣлая вереница, толпа, все человѣчество... идутъ и не замѣчаютъ, что около нихъ стоитъ человѣкъ, который никогда, никогда не умретъ, ибо вѣруетъ...

Онъ по старой привычкѣ стоитъ сейчасъ около «фонтана слезъ», но никакой комиссіи не ждетъ и даже не думаетъ о деньгахъ, имѣніяхъ, домахъ, покупателяхъ и продавцахъ... Что ему дома и деньги, когда въ его душѣ горитъ безцѣнный брильянтъ?

Временами, движимый неотступной мыслью, онъ срывается съ мѣста, и возбужденный ходитъ по «рядамъ». Но ни людей онъ не замѣчаетъ, ни стѣнъ. Зачѣмъ ему все это, когда внутри его алымъ цвѣткомъ расцвѣла воскресшая жизнь и возродились всѣ радости и надежды человѣческія...

II.

Лѣтъ двадцать видѣли около фонтана маленькую, невзрачную фигурку Морозова всегда въ темномъ, поношенномъ пальто, тепломъ шарфѣ и картузѣ. Онъ или медленно, согнувшись, двигался взадъ и впередъ, или стоялъ, какъ изваяніе, засунувъ руки въ карманы. Всегда въ его глазахъ отражалась какая-то затаенная мысль. Казалось, что только тѣло его присутствуетъ въ этой тѣснотѣ жизни, а душа летаетъ гдѣ-то въ свободномъ пространствѣ...

Какъ ни тускла была дѣйствительная жизнь Морозова, въ головѣ его всегда носились грандіозные планы. Сначала онъ хотѣлъ мстить. Былъ онъ когда-то богатъ. На Балчугѣ былъ у него колоніальный магазинъ въ два раствора. Но, какъ водится, его подвели. И не кто-нибудь, а своя же жена съ приказчикомъ. Разорился Морозовъ и пришелъ къ фонтану.

— Но я еще покажу себя,—говорилъ онъ своему пріятелю Сычугову.— Они думаютъ, что покончили со мной! Нѣтъ!

Онъ уже потерялъ слѣдъ своей жены, не зналъ, живы ли даже она и приказчикъ, но мечталъ, какъ онъ придетъ къ нимъ съ туго набитымъ бумажникомъ и скажетъ:

«А, здѣсь вы, голубчики?!» Онъ не представлялъ, что онъ имъ сдѣлаетъ, но рисовалъ картину, какъ они испугаются, будутъ умолять, а онъ останется непреклоненъ. О, онъ сумѣетъ отомстить! Радость переживалъ онъ при одной мысли объ этомъ торжествѣ.

— Накрою ихъ, голубчиковъ! Вотъ только одно дѣло обмозгую и получу куртажъ.

Онъ искренно вѣрилъ, что дѣло это существуетъ. А между тѣмъ, «дѣла» не было. Были фантазіи и безпросвѣтная нужда, которая загнала Морозова въ уголъ подвала и заставляла часто голодать.

Уже долгіе годы стоялъ Морозовъ у фонтана. Отъ муки вѣчнаго напряженія мозга, постояннаго пребыванія въ области фантазіи, онъ временами совершенно терялъ изъ-подъ ногъ дѣйствительную жизнь. Всегда тихій, задумчивый, онъ срывался иногда безпричинно съ мѣста и начиналъ метаться по «рядамъ». Находилъ такого же, какъ онъ самъ, горемыку, отводилъ его въ сторону и говорилъ:

— У меня есть тамбовскій помѣщикъ, ищетъ домъ.

— А у меня есть продавецъ,—отвѣчалъ тотъ.—Только домъ милліонный.

— Такой и надо.

Доставали гривенникъ и шли въ «Гусевскую дыру».

— Надо поговорить, дѣло вѣрное...

Занимали кабинетъ. Осматривались,—не подслушиваетъ ли кто? Много, вѣдь, желающихъ разбогатѣть. И хотя ясно, что никто не подслушивалъ, они все-таки, наклонялись другъ къ другу и начинали шептаться. Говорили, говорили... Но иногда, взглянувъ пристально другъ-другу въ глаза, вдругъ останавливались...

— Врешь, вѣдь?—читали они другъ у друга въ глазахъ.

Но обманъ такъ хорошъ, мечта такъ сладка, что они продолжали говорить. Расходились поздно, съ дѣловымъ видомъ, «до завтра».

А утромъ стояли на своихъ мѣстахъ у фонтана, тихіе, угрюмые, какъ съ похмелья. Другъ на друга не смотрѣли. И молчали долго,—до новой вспышки фантазіи.

III.

Лѣтъ пять, какъ Морозовъ заболѣлъ. Жизнь впроголодь сдѣлала свое разрушительное дѣло. Всѣ знали, что кромѣ больного сердца, Морозовъ страдаетъ еще и чахоткой, что жить ему осталось мало. Онъ таялъ на глазахъ у всѣхъ.

Зналъ объ этомъ Сычуговъ, единственный человѣкъ, предъ которымъ раскрывалась больная душа Морозова. Зналъ и относился къ нему бережно. Вмѣстѣ пріятели заинтересовались религіозными вопросами. Морозовъ, въ предчувствіи скораго, страшнаго конца съ жадностью впитывалъ въ себя мягкое, умиленное религіозное настроеніе. У него уже опредѣленно, во весь свой гигантскій ростъ, всталъ вопросъ о смыслѣ жизни. И часто, когда пріятели сидѣли въ своей любимой чайной на Маросейкѣ, Морозовъ изливалъ Сычугову горечь своихъ прежнихъ заблужденій и страстей.

— Дѣло наше купеческое,—проклятое дѣло...

Онъ до сихъ поръ еще не могъ привыкнуть къ мысли, что онъ давно уже не «купецъ».

— Намъ всѣ завидуютъ, говорятъ, богачи. А мы хуже нищихъ. Ей-Богу, хуже. Я стою вотъ у фонтана и вижу иногда, какъ пройдетъ купецъ къ себѣ въ магазинъ и вниманія на тебя не оборотитъ. А вѣдь, знакомы были, у Макарія встрѣчались. Да я не къ тому... Вижу я его и думаю: знаю я тебя, голубчикъ, на душѣ твоей камень, хоть ты и смотришь весело... Какой ты богачъ? Иной всю жизнь людей обманываетъ, грѣха на душу наберетъ столько, что больше некуда. А для чего? Новый домъ построить. Ну, построилъ; кажись, можно бы успокоиться. Нѣтъ, продолжаетъ обманывать — нужно другой домъ строить. Ни радости, ни ласки, ни покоя мы не видимъ. Цѣлый вѣкъ мечемся, а для чего—сами не знаемъ. Родятся, растутъ дѣти,—мы не видимъ... Ангелокъ радость свою показываетъ, улыбается свѣту, а намъ некогда посмотрѣть, нужно ѣхать по дѣлу. Проживемъ въ такой бѣлой го-

рячкѣ жизнь и какъ станемъ подводить балансы, анъ и не знаемъ—зачѣмъ жили? Неужели затѣмъ, чтобы дома строить? Да пропади они пропадомъ. Я стою вотъ у фонтана, думаю и хочется мнѣ иногда влѣзть на Ивана Великаго, ударить въ Царь-Колоколъ, выстрѣлить въ Царь-Пушку, чтобы земля задрожала и совѣсть людская проснулась. Хочется крикнуть съ Ивана Великаго всей торговой Москвѣ: «остановитесь! Христомъ Богомъ молю, остановитесь, пока еще не поздно. Бросьте наживу, посмотрите въ душу, чѣмъ живетъ она. Верните къ себѣ радость простой Божьей жизни. Не гонитесь за грошами, вы упускаете «тысячи»... Но знаю, что никто меня не послушаетъ... Скажутъ: когда былъ богатъ, такъ не разсуждалъ, а гольтепѣ мало ли что въ голову придетъ..

— А ты, дѣйствительно, когда былъ богатъ, такъ не думалъ?—спрашивалъ Сычуговъ.

— Не думалъ. Некогда было думать. Вставалъ въ шесть часовъ утра и до поздней ночи бѣгалъ, колотился, вносилъ деньги въ банкъ, бралъ изъ банка, учитывалъ векселя, думалъ, гдѣ бы занять денегъ. Когда же тутъ думать о другомъ?

— Съ какой же минуты ты сталъ думать иначе?

— Какъ сталъ нищимъ. Я какъ-будто проснулся, а вокругъ меня черепки отъ моей прежней жизни. Весь въ нутро ушелъ я и чувствую, что какъ-будто только начинаю жить: во все всматриваюсь, все оцѣниваю... И жить стало любопытно. И все меньше и меньше требую отъ жизни благъ. И спокойнѣе у меня становится на сердцѣ, какъ-будто я великую схиму принялъ...

На лицѣ его игралъ румянецъ смерти. И Сычугову тяжело было слушать эти «позднія» мысли...

А Морозовъ приходилъ домой, и передъ нимъ, въ его мрачномъ углу, вставалъ ужасный кошмаръ скораго конца. Онъ зналъ о своей болѣзни, и хотя принималъ всевозможные пилюли и порошки, совѣтовался съ докторами, но на выздоровленіе потерялъ всякую надежду. Каждой весной онъ болѣзненно-чутко прислушивался къ неров-

му біенію своего сердца и спрашивалъ роковое будущее:

— Когда? Неужели нынѣ?

Слабый, разбитый, раздавленный страшной неизбѣжностью, голосъ его внезапно обрывался, и грудь наполнялась рыданьями. Онъ готовъ былъ на колѣняхъ умолять кого-то о пощадѣ, звать на помощь.

— Господи,—молился онъ у себя за занавѣской,—пронеси мимо меня чашу сію! Еще хоть годъ, одинъ только годъ!

Онъ много думалъ о жизни и смерти. Читалъ. Бесѣдовалъ. Временами онъ чувствовалъ, что это притупляло остроту приближающагося, разрушало въ немъ страхъ смерти. Книги и люди ему уясняли смыслъ существованія и давали какъ-будто разумныя основанія смерти. Онъ стихалъ и забывался. Но потомъ налеталъ шквалъ, и тонкую пленку книжной философіи разрывалъ на части дикій, стихійный протестъ противъ всякаго «смысла» и всѣхъ «основаній». Протестъ во имя жизни, солнца, голубого неба, весны...

Въ такія минуты сердце Морозова судорожно трепетало, и все маленькое, щуплое тѣльце его извивалось или въ безсильныхъ рыданьяхъ и мольбѣ о пощадѣ, или въ страшномъ, циническомъ проклятіи небу...

Такъ ждалъ онъ смерти. И чувствовалъ, что она подходитъ къ нему все ближе и ближе... Иногда ночью онъ просыпался отъ душившаго его кашля и съ ужасомъ замѣчалъ, какъ вздрагивала пестрая занавѣска его постели.

— О н а...—шептали его губы.

Онъ зналъ, что эта «она» подходитъ къ его изголовью,—страшная, желтая, съ косой...

IV.

И вдругъ—воскресенье! Въ ту минуту, когда все уже рушилось, не было никакой надежды, съ неба неожиданно слетѣлъ тихій ангелъ и передалъ Морозову слова Великаго Учителя:

— Встань, возьми одръ свой и иди!

Однажды его ухо поймало текстъ священнаго писанія Онъ не помнилъ гдѣ: въ церкви, въ моленной сектантовъ. или...

— Или, можетъ-быть, Господь вложилъ мнѣ свое божественное слово Духомъ Святымъ, чтобы я проповѣдовалъ истину?—говорилъ онъ.

Текстъ этотъ механически прилипъ къ сознанію Морозова, какъ пылинка къ подошвѣ. Онъ долго равнодушно повторялъ его. Потомъ, стоя у фонтана, началъ вдумываться въ смыслъ его, и тогда его страдающее, худое лицо вдругъ выдавливало изъ себя горькую отравленную улыбку.

«Всякій живущій, вѣрующій въ Меня, не умретъ. Вѣришь ли этому?»

— Не вѣрю,—зло отвѣчалъ Иванъ Ивановичъ.

Какъ онъ можетъ вѣрить, когда каждый день изъ его тѣла уходитъ кусками жизнь? Когда догораетъ фитиль и лампадка вотъ-вотъ померкнетъ? Это не сосѣдъ умираетъ, а онъ. Это у него лихорадочные глаза, высокая температура, липкій потъ, удушливый кашель и эти зловѣщія кровяныя пятна на платкахъ... О, какой грубой, жестокой насмѣшкой, оскорбленіемъ звучатъ эти спокойно-холодныя слова писанія: «Вѣрующій въ меня не умретъ!..» Это не евангельская любовь, а мучительная казнь.

— Но, можетъ-быть, я просто не вѣрю или мало вѣрю? Вѣдь, только вѣрующій не умретъ.

Но до него жили на землѣ милліарды людей. И всѣ они умерли. Неужели никто изъ нихъ не вѣрилъ настолько, чтобы жить вѣчно? Были, вѣдь, святые, но и они умирали. Почему же онъ, комиссіонеръ Иванъ Морозовъ, останется жить вѣчно? Почему?

Онъ желчно смѣялся. Но въ то же время чувствовалъ, какъ какая-то нечеловѣческая сила приковала его къ этой мысли навѣкъ. Его обычно робкая, трепещущая душа подъ чьимъ-то сильнымъ вліяніемъ грозно, настойчиво потребовала этой вѣры.

— Вѣрь! Вѣрь! Вѣрь! — кто-то шепталъ ему въ уши.

Этотъ «кто-то» указывалъ ему на солнце, на міръ, захлебывающійся отъ радости жизни, и говорилъ.

— Ты повѣришь! Ты долженъ повѣрить!

Никто изъ обитателей подвала не зналъ, что происходитъ за занавѣской постели Морозова. Думали, что тамъ просто, какъ всѣ, умираетъ человѣкъ: въ безсиліи, въ страданіи. А, между тѣмъ, въ воскресшей душѣ Морозова уже развѣвалось побѣдное, торжествующее знамя... Онъ уже не только чувствовалъ, онъ вскорѣ же сталъ точно и опредѣленно знать, что «всякій, вѣрующій въ Бога, не умретъ». И никто въ мірѣ,—приди хоть Самъ Богъ,—не могъ разувѣрить его въ этомъ.

Онъ осторожно навелъ Сычугова на мысль о безсмертіи. Не хотѣлъ сказать прямо о своей радости. Не пойметъ,—здоровый, вѣдь!

Такъ и случилось. Сычуговъ не понялъ его, отыскалъ текстъ въ писаніи и объяснилъ его Морозову такъ:

— Здѣсь говорится о безсмертіи за гробомъ, о царствѣ небесномъ...

Морозовъ презрительно улыбнулся. Онъ зналъ это объясненіе. Такъ объясняютъ всѣ, надъ кѣмъ еще не занесена рука смерти. У нихъ вездѣ духовные, переносные смыслы и аллегоріи. У нихъ все «просто и ясно». Истину человѣкъ можетъ познать только въ предсмертномъ страданіи. А они здоровые и потому лѣнивые мыслью и сердцемъ. Какъ придетъ къ нимъ эта истина, когда ихъ внѣшняя оболочка толще ихъ души?..

— Нѣтъ, не такъ,—увѣренно сказалъ Морозовъ.

— Какъ же?—удивился Сычуговъ.

«Сказать или нѣтъ?—раздумывалъ Морозовъ.—Можетъ-быть, не пришло еще время возвѣстить истину народамъ?»

И Морозовъ вмѣсто отвѣта презрительно улыбнулся. И съ этой улыбкой ушелъ отъ Сычугова. И когда шелъ, думалъ, что никто въ мірѣ не объяснитъ ему этотъ загадочный для всѣхъ текстъ, кромѣ его самого, ибо ни у кого нѣтъ настолько стертой границы между жизнью и смертью.

Скоро Морозова перестали видѣть въ «рядахъ». Онъ лежалъ въ своемъ углу и съ трудомъ поднимался съ постели. Но работа его мысли шла независимо отъ тѣла. Внутри его прозрачной оболочки горѣлъ пожаръ грандіозной, нечеловѣческой мысли. Онъ пришелъ къ твердому убѣжденію, что его жизнь особенная, исключительная. Милліоны лѣтъ существуетъ земля. Милліарды людей поглотила она, торжествующая. Но лишь немногія высшія человѣческія существа побѣдили ее. Они не слились съ землей, а остались жить вѣчно.

Безсмертенъ и онъ, Морозовъ.

— Но, вѣдь, нужна вѣра?—шепталъ ему кто-то.—А развѣ я не вѣрю?—отвѣчалъ онъ. Можетъ ли не вѣрить человѣкъ, висящій надъ бездной и ухватившійся за кустъ? Онъ вѣритъ мучительно, агонически. Это вѣра-мука, вѣра-страданье.

По ночамъ онъ почти не спалъ, долго и тяжко кашлялъ.

— О, Господи,—откликался на его кашель сосѣдъ по подвалу,—скоро ли уберетъ его Богъ?

Но Морозовъ этого не могъ слышать. Звуки дѣйствительной жизни до него уже не долетали. Онъ весь ушелъ въ туманную даль безконечнаго... Его глаза горѣли острымъ огнемъ. Иногда дума его была такой необычайной силы, что поднимала его съ постели. И онъ шелъ куда-то, какъ лунатикъ, никого не видя, ничего не сознавая. Въ такія минуты этотъ восковой остатокъ человѣка походилъ на привидѣніе.

Однажды, въ моментъ такого подъема, онъ вышелъ изъ комнаты и очутился на дворѣ. На него пахнуло свѣжей весенней ночью. Онъ сразу опьянѣлъ и зашатался. Инстинктивно прислонился къ стѣнѣ забора и, порывисто дыша, взглянулъ на яркое, звѣздное небо. И вдругъ почувствовалъ, что его маленькое сердце стало шириться, расти и приняло въ себя какую-то огромную міровую силу, могучую, свободную. Отъ страха предчувствія онъ упалъ. И когда лежалъ въ грязи, то ясно услыхалъ шумный разговоръ земли, почувствовалъ ея гигантское дыханіе. Вдругъ,

среди милліардовъ стонущихъ звуковъ, выдѣлился голосъ, который изрекъ:

— Ты побѣдилъ и потому никогда не умрешь!

Отъ края земли до края былъ слышенъ этотъ голосъ. Морозовъ зналъ, кому принадлежатъ эти слова; благоговѣніемъ и слезами наполнилось его сердце...

...Утромъ его подняли. Онъ былъ безъ чувствъ. Изо рта текла кровь. Цѣлый день онъ лежалъ, какъ мертвый, безъ движенія, но потомъ очнулся и долго вспоминалъ, что произошло. Вспомнилъ и младенчески засмѣялся. У него осталось впечалѣніе, что тамъ, у забора, ночью онъ подслушалъ какую-то великую тайну вселенной. Въ этой тайнѣ—весь секретъ жизни и прекращеніе человѣческихъ страданій. Нужно было спѣшить возвѣстить эту тайну людямъ. Скорѣе... скорѣе... они, вѣдь, напрасно страдаютъ. Глаза его горѣли фосфорическимъ свѣтомъ.

Онъ попробовалъ встать, но въ безсиліи повалился на подушку. Это раздражило его.

— Кроты слѣпые!—говорилъ онъ кому-то, хотя никого около постели не было. — Скрыта отъ васъ правда жизни...

V.

На другой день Морозовъ всталъ, кое-какъ одѣлся и, шатаясь, въ какомъ-то туманѣ, дошелъ до извозчика и пріѣхалъ въ трактиръ, гдѣ обычно собираются сектанты для религіозныхъ разговоровъ. Худой, съ обостреннымъ, землистымъ лицомъ, какъ призракъ, появился онъ среди нихъ. Всѣ замолкли, когда увидали его. Онъ обвелъ своимъ страннымъ взоромъ бесѣдующихъ и грузно, всѣмъ тѣломъ, опустился на стулъ.

— Все говорите?—почти прошепталъ онъ.—Зачѣмъ говорите?

Сбѣжались половые. Въ дверяхъ столпились. Всѣ со страхомъ и любопытствомъ смотрѣли на Морозова. Онъ долго глубоко дышалъ.

Наконецъ, поднялся и глухимъ голосомъ заговорилъ:

— Спасеніе въ васъ, въ вашей вѣрѣ!..

Закашлялся, но скоро оправился.

— Если хотите жить вѣчно, не вѣрьте въ смерть! Вамъ съ пеленокъ привили эту вѣру, запугали ею, пріучили думать, что если человѣкъ родился, то онъ долженъ и умереть. Слѣпые! Не вѣрьте этому! Вы безсмертны... Ибо сказано въ писаніи: «всякъ, вѣрующій въ меня, не умретъ». Это не я говорю, говоритъ самъ Богъ. Развѣ вы не вѣрите Господу Богу? Не мнѣ вѣрьте, Ему вѣрьте! Это Онъ, Всемогущій, обѣщалъ вамъ безсмертіе.

Онъ тяжело, порывисто дышалъ. Крупныя капли пота выступили на его лбу.

— Но, вѣдь, Господь обѣщалъ безсмертіе души, а не тѣла,—тихо среди томительной паузы проронилъ кто-то.

— Волы, привыкшіе къ ярму,—рѣзко закричалъ Морозовъ.—Долго ли вы будете ходить на веревкѣ своихъ пастуховъ? Кланяться человѣческой глупости? Развѣ не въ васъ Господь заложилъ желаніе вѣчной жизни? Зачѣмъ же вы промѣняли это на страхъ смерти? Вамъ твердятъ о жизни за гробомъ. Зачѣмъ она вамъ нужна? Скажите, зачѣмъ? Вѣдь, вы ее не знаете и знать не можете? Это обманъ, это сѣть смерти. Она ловитъ васъ на этомъ, а вы летите къ ней, какъ глупыя бабочки къ огню. Слышите вы, сидящіе здѣсь! А черезъ васъ и все человѣчество! *Слышите,—никакой загробной жизни нѣтъ! Все блаженство здѣсь, — на землѣ. Что можетъ быть прекраснѣе этой земной жизни? Знаете ли вы что-нибудь лучше ея? Не знаете! Куда же стремитесь?* Устраивайтесь крѣпче здѣсь, на землѣ! Отгоните отъ себя смерть! Вы безсмертны. Это сказалъ самъ Господь Богъ, сотворивый насъ. Ему ли не вѣрить? Проснитесь! Въ вашихъ рукахъ величайшее блаженство!

Онъ пластомъ упалъ на стулъ и сталъ жадно пить воздухъ. Кто-то догадался и растворилъ окно.

— Но, вѣдь, мы же всѣ умремъ,—сказалъ кто-то.

— Отъ того, что не вѣрите.

— Кто же вѣрилъ?

— Кто вѣрилъ, тотъ остался жить вѣчно... Въ горахъ

Индіи скрылись блаженные люди отъ грѣшнаго человѣчества, увѣровавшаго въ смерть... Тамъ ихъ ищите!

— Ну, а ты? Ты вѣришь?—спросилъ вдругъ старикъ, сидѣвшій рядомъ съ Морозовымъ.

— Вѣрю.

— И значитъ...

— Да, не умру,—прервалъ его Морозовъ. Слышите вы! Я не умру. Никогда, никогда не умру.

Онъ началъ кричать и бить кулакомъ по столу. Ему безумно захотѣлось влить свою вѣру въ ихъ равнодушныя головы и сердца.

— Никогда, никогда не умру! Слышите! Запомните!

Вдругъ лицо его поблѣднѣло, онъ закрылъ глаза и рухнулся на полъ. Грязный, посыпанный опилками, полъ окрасился кровью. Морозовъ судорожно двигалъ ногами. Изъ груди его вырывался клокотъ.

Отвезли въ больницу.

Къ вечеру онъ открылъ глаза. Докторъ предложилъ ему выпить валерьяновыхъ капель. Морозовъ строго посмотрѣлъ ему въ лицо и тихо проговорилъ:

— Не надо!

— Выпей, тебѣ будетъ лучше!

— Не нужна ваша помощь безсмертному,—твердо сказалъ больной.

Утромъ онъ почувствовалъ себя лучше. Привсталъ и строгимъ, сухимъ голосомъ говорилъ сидѣлкѣ:

— Они не вѣрятъ... Но вотъ я приду и пусть они вложатъ персты свои въ раны мои!..

— Я чувствую, какъ Господь вливаетъ въ меня силу безсмертья! Вотъ я поднимаюсь... ухожу... Но мнѣ будетъ нечего дѣлать среди смертныхъ... Горы и пустыни скроютъ меня отъ міра...

Потомъ онъ какъ-будто успокоился. Закрылъ глаза. Сидѣлка слышала, какъ онъ тихо произнесъ:

— Я не умру, ибо вѣрю...

Глубоко вздохнулъ и стихъ навѣки.

Пророчица.

Братіе, купите Евангеліе!

— Почемъ отдаешь, старуха?

— Четвертакъ.

— Врешь!

Мастеровой, привыкшій къ торговымъ обманамъ, жесткими, сухими глазами смотритъ на книгоношу-женщину. Ея глаза загораются. Она выпрямляется и отвѣчаетъ съ достоинствомъ:

— Вретъ дьяволъ, а я дочь Бога.

Мастеровой сначала изумленъ, а потомъ смѣется дрянненькимъ смѣхомъ.

— Нонѣ всякія тоже и Евангеліе продаютъ...

Но старуха не слушаетъ. Она уже около двери вагона. Оттуда свѣтятся ея острые глаза и слышится проникающій голосъ:

— Братіе, вотъ слово Божіе. Купите!

Тяжелъ трудъ книгоноши британскаго библейскаго общества. Оплачивается онъ грошами. Едва-едва 15 рублей въ мѣсяцъ комисіонныхъ зарабатываетъ книгоноша. Марья Евтихіевна всю свою долгую жизнь жила впроголодь, въ какомъ-то углу, на Зацѣпѣ. Незадолго до смерти ей дали помимо комисіонныхъ пенсіи 3 рубля и то съ какимъ трудомъ удалось выхлопотать эти жалкіе три рубля.

Очень трудно протиснуть въ народъ «книгу жизни». «Господа» отворачиваются. А простой народъ теменъ:

— Эту книгу намъ попъ въ церкви прочтетъ, а самимъ

намъ читать некогда, мы народъ занятой, рабочій. Опять же на это полагается Великій постъ, а нонѣ масляница.

Покупаютъ больше Ната Пинкертона, да разную подозрительную глупость нынѣшнихъ лубочниковъ.

— Забавно,—говорятъ.

Приходится старухѣ терпѣть брань пьяныхъ людей, ядовитыя насмѣшки рабочихъ. Приходится бояться, какъ бы, благодаря лишнему слову, не попасть куда-нибудь... Книгоноши британскаго общества вмѣстѣ съ обществомъ въ большомъ подозрѣніи. Евангеліе, думаютъ о нихъ, книга о двухъ концахъ. Какъ его понимать, какъ объяснять. А то, вѣдь, и книга жизни можетъ оказаться прокламаціей, бунтующей противъ современнаго устройства. И, оказывается, самое лучшее его не читать...

— Мы всегда на чеку,—говорилъ мнѣ старый московскій книгоноша С. В. Васильевъ, по вѣроисповѣданію секстантъ-евангелистъ.—Говоримъ и не проговариваемся. И все-таки попадаемся...

Марья Евтихіевна смотрѣла на свою профессію, какъ на порученіе самого Бога.

— Христосъ вручилъ мнѣ продажу своей божественной книги,—съ гордостью и достоинствомъ говорила она.

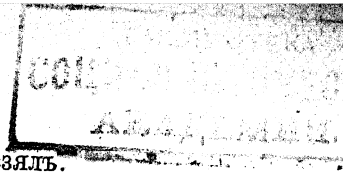
Только Христосъ ея руководитель и начальникъ. Никакого земного начальства она не хотѣла знать. Всѣ на землѣ для нея были равны, ея братья.

Лѣтъ 35 тому назадъ она была горничной въ богатомъ домѣ. Случайно познакомилась съ двумя первыми московскими книгоношами—С. В. Васильевымъ и Э. И. Синицынымъ *).

С. В. Васильевъ до сихъ поръ живъ. Крѣпкій, заросшій сѣдой, кудлатой бородой, старикъ. Христосъ, любовь и народъ—у него постоянно на языкѣ. Онъ ходитъ по трактирамъ, по рынкамъ, забирается въ самые темные углы Москвы, гдѣ голодъ и самые страшные пороки свили себѣ гнѣздо. Вездѣ говоритъ:

---

*) См. мою первую книгу: «Ищущіе Бога», стран. 14. А. П.



— Богъ меня спасъ и ничего за это не взялъ.

— Братіе, весь смыслъ вашей жизни въ Евангеліи. Купите!

Иногда его гонятъ:

— Намъ ѣсть нечего...

Иногда смѣются, иногда покупаютъ.

Э. И. Синицынъ когда-то работалъ у водочника Смирнова, но изъ Евангелія понялъ, какому «дьявольскому дѣлу» онъ служитъ. Бросилъ Смирнова и сталъ книгоношей.

Ходили два этихъ крѣпкихъ, сильныхъ человѣка по Москвѣ и вмѣстѣ съ книжкой Евангелія разносили свое чистое, радостное настроеніе. Жили въ подвалѣ за полтора рубля въ мѣсяцъ, а говорили всѣмъ:

— Мы ничего не имѣемъ, но всѣмъ владѣемъ.

— Весь міръ нашъ. Всѣ его радости—наши радости. Зачѣмъ намъ золото, когда самъ Богъ на насъ смотритъ и улыбается?

Они не учили, не проповѣдывали, а только ободряли. Въ тяжелое, съ безчисленнымъ множествомъ темныхъ, противорѣчивыхъ текстовъ, словопреніе о догматахъ и обрядахъ, какъ клинъ въ дерево, врѣзывался голосъ ихъ:

— Братіе, зачѣмъ это сраженіе текстами? Не всѣ ли мы дѣти Отца нашего небеснаго? И не обязаны ли мы любить другъ друга?

Къ этимъ людямъ и пристала дѣвушка Марья Андреева, уйдя отъ господъ, съ теплаго, обезпеченнаго мѣста въ сырой подвалъ. Она читала Евангеліе и прониклась имъ. Забиралась въ темные подвалы къ рабочему люду и вносила въ его угарную жизнь свѣтлый лучъ своего чистаго настроенія.

И она, какъ два ея товарища, не учила, а только ободряла, поднимала духъ. Не разрѣшала казуистическіе вопросы Св. Писанія, а говорила просто:

— Радуйтесь! Не я говорю, а говоритъ во мнѣ Господь!

И странно—въ ея устахъ это простое слово было не пустое. Оно врѣзывалось въ сердца тѣхъ людей, которые были глухи къ этимъ словамъ, когда они исходили изъ другихъ устъ...

Ее можно было видѣть на улицѣ или въ трактирѣ окруженной толпой. Сухая, худая, подъ конецъ жизни блѣдная отъ болѣзней, съ палящими проникновенными глазами пророчицы, она кричала «во весь истошный голосъ» и жестикулировала, какъ будто гнѣвно обличала. Но подходишь ближе и слышишь простое, но страстное восклицаніе:

— Христосъ воскресе, братіе! Вѣруйте черезъ меня, немощную!

И всѣмъ становилось отъ этихъ словъ хорошо.

Она такъ пропиталась евангельскимъ настроеніемъ, такъ часто произносила слова Христовой заповѣди, что все земное къ ней какъ-то не шло. Она стала казаться странной, не отъ міра сего женщиной. Страстная рѣчь и черные лихорадочные глаза усиливали впечатлѣніе. Иногда можно было думать о религіозной маніи. Но разумная рѣчь разсѣивала всякія подозрѣнія.

Евангеліе научило ее не различать вѣроисповѣдныхъ перегородокъ.

— Въ чемъ призванъ, въ томъ и оставайся!

По паспорту она была православной. Но таинствъ и обрядовъ не исполняла. Но она не была ни евангелистка, ни какая-нибудь другая сектантка. Ее можно было встрѣтить и въ моленной баптистовъ, и въ «Ямѣ», и въ православномъ храмѣ.

У ней была своя религія. Простая, какъ солнечный день, религія ребенка, тянущагося къ свѣту и къ матери.

Бывала она и на миссіонерскихъ собесѣдованіяхъ. Нетерпѣливо останавливала длинную, испещренную текстами, рѣчь миссіонера простымъ возгласомъ:

— Господь заповѣдалъ любовь.

Это часто не шло къ дѣлу, было повтореніемъ азбучной истины, но въ глубинѣ ея сердца и въ душѣ всѣхъ простыхъ слушателей этотъ возгласъ непремѣнно отвѣчалъ на что-то, рѣшалъ какой-то мучительный вопросъ, разсѣивалъ сомнѣнія. Миссіонеры не знали сначала, кто она: ихъ лагеря или— противника. Тексты у ней евангельскіе, но духъ чужой, не

церковный. За ней слѣдили. Старая книгоноша была на подозрѣніи.

Среди простого, рабочаго народа она была своя... Ее всѣ знали, сначала только слушали, потомъ стали уважать, и затѣмъ приглашать на домъ послушать изъ ея своеобразныхъ устъ слово Божіе, утѣшить, дать совѣтъ.

Однажды ей устроили засаду. Посадили за занавѣску дьякона. Когда она заговорила о жизни Христа, раздался трубный звукъ:

— Женщина да молчитъ.

Но она не испугалась.

— Христосъ послалъ Магдалину: «Иди, скажи братьямъ моимъ»,—процитировала она текстъ Евангелія.

— Апостолъ Павелъ не велѣлъ женщинѣ учить,— сослался на авторитетъ дьяконъ.

— Я и не учу, а возвѣщаю. Не священникъ ли меня послалъ на проповѣдь, когда крестилъ и мазалъ елеемъ подошвы ногъ и уста?

Необычная жизнь и евангельское настроеніе создали въ ея слушателяхъ увѣренность, что Марья Евтихіевна— избранный Богомъ человѣкъ.

— Она прозорливая,—увѣряли нѣкоторые.

Уже послѣ ея смерти одинъ рабочій, близкій къ ней, разсказывалъ мнѣ.

— Однажды пріѣхалъ за ней одинъ рабочій: «жена умираетъ, поѣдемъ скорѣе, Марья Евтихіевна».—«Подожди, не умретъ»,—отвѣчаетъ. Наконецъ, поѣхала.

— «Зачѣмъ звали?»

— «Помолись!»

— «А вы сами не умѣете?»

— «Наша молитва до Бога не доходитъ».

— «Хорошо, молитесь вы здѣсь, а я въ отдѣльной комнатѣ».

Не любила на глазахъ у всѣхъ молиться. Послѣ молитвы вышла, поцѣловала умирающую и та по скорости выздровѣла.

— Но, вѣдь, это чудо, Андрей Ѳедоровичъ,—говорю я разсказчику.

— Она вѣрила въ чудо.

Но Марья Евтихіевна не называла это чудомъ.

— Для нея это было такой же естественностью,— говорилъ рабочій,—какъ фунтъ хлѣба купить.

Она скорѣе могла сомнѣваться въ своемъ собственномъ существованіи, чѣмъ въ бытіи Бога и божественности Евангелія. Такъ какъ она чувствовала силу своей вѣры въ Него, то говорила просто:

— Если я вѣрю, какъ же Богъ не сдѣлаетъ? Если не сдѣлаетъ, значитъ Его нѣтъ? Но Онъ есть и, значитъ, по молитвѣ моей Онъ дастъ мнѣ все.

Кремневая, стальная вѣра, безъ тѣни сомнѣній.

Мнѣ передавали только о трехъ случаяхъ такихъ «чудесъ» Маріи Евтихіевны. Это простая, искренняя выдумка темныхъ людей, вѣчно требующихъ у Бога чудесъ? Важно не это. Важна та близость духовнаго человѣка къ Богу, какая создается путемъ воспитанія его въ евангельскомъ настроеніи.

У старой книгоноши было свое религіозное міровоззрѣніе. Она была «безсмертница». Въ Москвѣ есть кружокъ «безсмертниковъ» вѣрующихъ въ свое неумирающее тѣло.

И Марія Евтихіевна подъ конецъ своей жизни также увѣровала въ безсмертіе своего тѣла, но безсмертіе ея было другое: оно нѣжнѣе, тоньше и вытекало изъ ея крѣпкой вѣры въ воскресшаго Христа.

— Она была Симеоновой вѣры,— опредѣляли близко знавшіе ее.

Какъ Симеонъ Богопріимецъ говорилъ: «Не умру, пока не увижу Христа»,—такъ и Марья Евтихіевна заявила незадолго передъ смертью:

— Не умру, пока не увижу воскресенія Христова.

Она, дѣйствительно, умерла уже послѣ «воскресенія Христова». Умерла «на славномъ посту», съ Евангеліемъ въ рукахъ, въ чужомъ домѣ, куда пришла по зову «возвѣстить ученіе Христово».

Воскресеніе Христово она объясняла по своему.

— Христосъ предвозвѣщалъ пробужденіе народа.

До революціи она говорила:

— Мы находимся сейчасъ передъ утромъ «третьяго дня», когда жены мvроносицы ждали воскресенія Христа. Я, жена мvроносица, также жду воскресенія народа.

Это воскресеніе есть конституціонный порядокъ въ Россіи. Народъ проснулся, воскресъ. Она читала думскія рѣчи и видѣла, что на Руси стали говорить правду во всеуслышаніе.

— Начался судъ,—говорила она.

Правда и судъ надъ старымъ порядкомъ знаменуютъ воскресеніе народа.

Тогда она спокойно сказала:

— Нынѣ отпущаеши...

Въ 1910 году она умерла. Ей было уже 75 лѣтъ.

Въ томъ кругу простого народа, который близко зналъ Марію Евтихіевну, осталось глубокое впечатлѣніе отъ нея. Теперь около ея имени ходятъ легенды. Какъ всегда въ той средѣ, самое обычное выросло до грандіозныхъ размѣровъ.

— Она не простая была,—разсказывалъ мнѣ одинъ рабочій таинственно.

— Она была прислугой?

— Нѣтъ. Изъ княжескаго она рода... И лицо у нея не наше, не простое...

— Какъ же она попала въ книгоноши?

— Насильно ее выдали замужъ за солдата. Евангеліе проповѣдовала; это не понравилось въ княжескомъ дворцѣ. Мужъ потомъ бросилъ ее, она и пришла къ намъ вмѣстѣ съ дочерью...

У Марьи Евтихіевны, дѣйствительно, была дочь, всегда больная, уже старуха.

Крестьяне опрощенцы.

I.

Садъ Ивана Васильевича Писцова виситъ надъ Волгой. Съ балкона его домика видна на далекое пространство и сама великая рѣка, и красивая зарѣчная сторона. Тянутся одинъ за другимъ пароходы съ груженными баржами и нефтянками. Сюда, на балконъ, долетаетъ ихъ тяжелое, угрюмое шипѣніе. У зеленаго острова, разрѣзавшаго Волгу вдоль, темнѣетъ длинная полоска плотовъ. Тамъ идетъ работа гномовъ, шестами борющихся съ теченіемъ. Иногда гудокъ пассажирскаго парохода будитъ сонный, напоенный зноемъ, воздухъ.

— Чаю мы не пьемъ,—привѣтливо говоритъ Иванъ Васильевичъ. — Позвольте угостить васъ квасомъ?.. Чѣмъ богаты...

У него спокойный, радушный голосъ и некрасивое, но замѣчательно пріятное крестьянское лицо.

— Чай—роскошь, да и для здоровья вреденъ. Все несчастье нашей жизни зависитъ, главнымъ образомъ, отъ того, что человѣкъ развилъ въ себѣ много совершенно ненужныхъ и вредныхъ потребностей. Оттого и жить ему тяжело, что много у него расходовъ на эти потребности. Между тѣмъ, жизнь должна быть проста. Человѣкъ долженъ воздерживаться онъ излишествъ.

— Вы считаете эти излишества грѣхомъ?—спросилъ я.

— Нѣтъ. Табакъ, чай, вино, мясо сами по себѣ не грѣшны. Но они, во-первыхъ, вредны для здоровья, а во-вто-

рыхъ, требуютъ усиленной работы, чтобъ ихъ купить. Но стоитъ ли работать, чтобы пріобрѣсти вредныя вещи? Вѣдь, цѣль жизни не работа, а спасеніе души. А у насъ нѣтъ времени подумать о душѣ, мы все работаемъ, чтобъ имѣть водку, табакъ, чай, сахаръ, мясо, кумачную обнову. У васъ, господъ, къ этому списку ненужныхъ вещей прибавляется еще свой, очень длинный. Наконецъ, хотя сами эти предметы и негрѣшны, но неизмѣнно всегда ведутъ къ грѣху обмана и всякой другой несправедливости. У насъ теперь вся торговля построена на обманѣ. Жизнь дорожаетъ, и человѣкъ, пріученный къ вину, чаю, табаку, всѣми средствами старается достать ихъ. Обманываетъ и дѣлаетъ все скверное. Теперь на базаръ выйти нельзя: втридорога безсовѣстно запрашиваютъ. Мы такихъ торговцевъ избѣгаемъ и ищемъ, гдѣ по совѣсти торгуютъ, безъ запроса. Излишества создаютъ неравенство, а при неравенствѣ не можетъ быть справедливости. Живи люди въ простыхъ жилищахъ, ѣшь простую растительную пищу,—они были бы въ равныхъ условіяхъ, хотя бы у однихъ были накоплены милліоны, а у другихъ не было ничего. Да при простой жизни и милліоны не нужны.

Рѣчь у Ивана Васильевича простая, ясная, разумная. Его хочется слушать. Иногда лицо его озаряется улыбкой, и тогда оно дѣлается еще пріятнѣй.

— Посмотрите, какъ живутъ въ деревнѣ! Голодаютъ, маются, крикомъ-кричатъ... А вотъ, я знаю, въ нашемъ селѣ лѣтъ 40 тому назадъ было всего три двора съ самоварами и жили тогда крѣпко, надежно; теперь трехъ дворовъ безъ самоваровъ не найдешь, а живутъ впроголодь. Въ книгахъ пишутъ: это культура, а по-моему, это просто нищета и одно горе.

— Ну, не отъ однихъ же самоваровъ?

— Разумѣется. Земли стало меньше, людей больше, налоги донимаютъ. Но зачѣмъ же ко всему этому прибавлять еще вино, табакъ, жамки, обновы?

— Вы забыли: неурожаи у насъ часты,—говорю я.

— А что же, неурожаевъ не было прежде? Были. Но

ихъ переносили легко и поэтому мало о нихъ говорили. При простой жизни расходовъ меньше, сбереженій больше. Вчера одинъ, искушая меня, говорилъ: «Значитъ, нѣтъ Бога, если землю посѣщаетъ засуха. Развѣ Богъ можетъ творить зло?» А другой ему отвѣчалъ по-церковному: «Это, молъ, въ наказаніе людямъ за грѣхи». А мнѣ думается, что Богъ здѣсь ни при чемъ. У природы есть свои законы, ихъ нужно изучать и къ нимъ приспосабливаться. У человѣка есть полная возможность бороться съ неурожаемъ сбереженіями отъ урожайныхъ годовъ. Въ прошломъ году у насъ Богъ уродилъ яблоки, а нынѣ ихъ нѣтъ. Я зналъ, что можетъ быть неурожай, и обезпечился. Но сбереженія возможны только при простой жизни. Попробуйте выкинуть изъ крестьянскаго обихода расходъ на водку, табакъ, чай, лавочныя обновы,—вы увидете, что ему при всей тяготѣ жизни жить все-таки будетъ можно. Затѣмъ, только при простой жизни возможно жить по совѣсти. Вотъ мы, когда продаемъ яблоки, цѣну не заламываемъ. Сосѣди намъ и говорятъ: «Вамъ можно дешево торговать, у васъ расходовъ мало!» А мы въ отвѣтъ: «Сдѣлайте такъ, чтобъ и у васъ расходовъ было мало!»—«Не можемъ,—говорятъ,—привыкли» Намъ завидуютъ, надъ нами смѣются. А у насъ, благодареніе Богу, все есть. Сѣли мы на полторы десятины, а теперь у меня съ братомъ восемь десятинъ сада. Между тѣмъ, за всѣ сорокъ лѣтъ, какъ мы сидимъ здѣсь, было только четыре урожая...

— Людямъ обѣщаютъ царство небесное,—говорилъ онъ чрезъ минуту,—но будетъ ли оно, или нѣтъ,—намъ не дано знать. Можно и сомнѣваться.

А вотъ въ томъ, что люди простой жизнью могли бы создать себѣ царство небесное на землѣ,—въ этомъ я убѣжденъ.

— Но не создаютъ?

— Трудно ждать сейчасъ. Теперь все идетъ вразбродъ. Время тяжелое. Опрокинута телѣга,—какъ говоритъ Толстой. Зло все усиливается. Вездѣ воровство и насиліе. Человѣкъ крикомъ-кричитъ, мать-земля стономъ-стонетъ. Но

вѣчно такое положеніе не можетъ продолжаться... Если вы впотьмахъ ударитесь головой объ одну стѣну, потомъ о другую, то, навѣрно, будете искать выхода. А выходъ одинъ,—въ возвращеніи къ простой жизни. Зла скопится такъ много, что дышать станетъ нечѣмъ. Человѣчеству нужно будетъ или кончить жизнь, или сбросить съ себя обузу излишествъ и начать простую жизнь, ближе къ природѣ. Оно сброситъ и сразу вздохнетъ свободно. Тогда только у людей и будетъ истинная свобода. И я наблюдаю,—къ тому идетъ. Сама природа говоритъ человѣку: возвращайся къ простой жизни! Она даетъ неурожаи, устанавливаетъ дороговизну и заставляетъ человѣка этимъ самымъ поститься, лишаться чего-нибудь. Мясо у насъ когда-нибудь дойдетъ до такой цѣны, что люди перестанутъ его ѣсть.

Въ Иванѣ Васильевичѣ подкупаетъ его «почвенность», жизненность, отсутствіе головной идеи. Его нравственные принципы вытекаютъ изъ экономическаго идеала, имъ до извѣстной степени осуществленнаго, а не наоборотъ. Поражаетъ въ этомъ простомъ, полуграмотномъ человѣкѣ, вышедшемъ, какъ мы увидимъ ниже, изъ суроваго старообрядчества,—поражаетъ его удивительная широта взгляда. Всю жизнь,—до 52 лѣтъ,—онъ прожилъ въ опрощенствѣ, а между тѣмъ, не только не ввелъ его въ узкую коробочку догмата, какъ бываетъ это съ интеллигентами-богоискателями, а допустилъ примѣненіе своего основного взгляда сообразно индивидуальности и условіямъ жизни.

— Мы, вѣдь, ничего отъ человѣка не требуемъ,—говорилъ онъ.—Не приказываемъ: ѣшь то-то, а не то-то, ходи такъ, а не этакъ. Избави Богъ! Мы сами все ищемъ, изъ каждаго блата изыскиваемъ злато. Вѣдь и простую жизнь, воздержаніе, мы приписываемъ каждому по возможности, по силамъ. Мы не аскеты. Мы только пробуемъ, до какого предѣла можетъ дойти человѣкъ въ воздержаніи, безъ ущерба для здоровья. Тутъ барыня ваша московская была у насъ, все спрашивала: «Неужели же нельзя мяса ѣсть?» Я говорю: «Отчего же, можно, но не всѣмъ, иному нельзя, потому—вредно». «Ну, а мнѣ?»—

говоритъ.—«Тебѣ,—отвѣчаю,—нельзя». Она закрыла лицо руками и долго такъ сидѣла. Потомъ сказала: «Да, вѣрно, мнѣ нельзя». А была она молода и красива, хоть и замужняя, но съ мужемъ не жила.

Религіозныя воззрѣнія Ивана Васильевича очень просты.

— Всѣ вѣры хороши,—говорилъ онъ,—если пріятны для вѣрующаго. Вѣра есть дѣло совѣсти, и никто туда лѣзть не долженъ.

— Сами вы числитесь православнымъ?

— Да, но въ церковь рѣдко ходимъ. Молиться мы можемъ дома. И молимся. У насъ есть иконы. А учиться въ церкви нельзя, такъ какъ невозможно ничего спросить. Учиться лучше дома...

— Таинства признаете?

— Признаю... Но думаю, что лучше поступитъ тотъ, кто не обѣщается въ крещеніи и сдѣлаетъ, чѣмъ тотъ, кто обѣщается, когда крестится, и ничего не сдѣлаетъ...

— Бываете у исповѣди и причастія?

— Нѣтъ. Вотъ мальчонка учится, тотъ бываетъ. Я никого не неволю. Пусть ходятъ, если хотятъ. Пусть вѣруютъ по-церковному, если будетъ пріятна имъ эта вѣра.

— А у васъ священники бываютъ?

— Нѣтъ. Сначала ходили, но всѣ мои приставали къ нимъ съ вопросами, а это имъ не нравилось.

— А какъ относились миссіонеры къ вамъ?

— Когда не знали, обвиняли, какъ водится, въ хлыстовствѣ. А когда узнали, то оставили въ покоѣ.

II.

Опрощенство Писцовыхъ имѣетъ свою любопытную исторію. Иванъ Васильевичъ Писцовъ—одинъ изъ трехъ братьевъ. Ихъ отецъ, Василій Ивановичъ, былъ основатель опрощенства*). Эта идея возникла въ немъ гораздо ранѣе

*) В. И. Писцова посѣтилъ извѣстный изслѣдователь сектанства А. С. Пругавинъ. См. его интересную книгу: «Религіозные отщепенцы».

Толстовскаго опрощенства. Писцовъ началъ осуществлять простую жизнь, не зная о Толстомъ.

Онъ былъ крѣпостной графа Сологуба, автора «Тарантаса». Жилъ онъ въ с. Никольскомъ, на р. Черемшанѣ. Какъ разсказываетъ Иванъ Васильевичъ, жители этого села были старообрядцы, но это не мѣшало имъ ходить къ синодскому священнику въ церковь.

— Какъ такъ?—удивился я.

— Это очень странно. Но было именно такъ. Какъ изначала это повелось, не знаю, но я засталъ время, когда всѣ мы открыто крестились двуперстно и ходили въ церковь, гдѣ священникъ молился троеперстно. Онъ было началъ поучать, но наши ему сказали: «Вотъ что, батька, мы умремъ за свой крестъ, такъ какъ такимъ крестомъ насъ благословили отцы». Священникъ отсталъ. Если бы онъ воздвигъ гоненіе, то лишился бы прихода. Но онъ былъ уменъ и человѣкъ хорошій,—сорокъ лѣтъ у насъ служилъ,—и дѣло всегда шло хорошо. Мы ходили въ церковь, исповѣдывались и причащались, но молились двуперстно. Но была и у насъ кучка, которая не въ одномъ двуперстіи видѣла разницу между православіемъ и старообрядчествомъ. Эта кучка выдѣлилась въ Спасово согласіе. Отецъ мой былъ сначала ближе къ этой кучкѣ. Онъ часто ловилъ священника на послабленіи богатымъ, особенно помѣщику, и указывалъ ему: «Развѣ это хорошо, батюшка?» Тотъ отвѣчалъ: «Помѣщикомъ мы живемъ, что же дѣлать?» Но не нашелъ отецъ справедливости и въ старообрядчествѣ. И ушелъ отъ нихъ въ книги и въ свои мысли. Много читалъ,—у насъ было до 2,000 книгъ. Искалъ, какъ жить. Заболѣлъ отъ заботъ и рѣшилъ, что все въ жизни суета, «за страстями не угоняешься». Бросилъ торговлю, спустилъ скупщику за безцѣнокъ все лишнее, ненужное: мебель, шубы, посуду, экипажи,—переѣхалъ въ Симбирскъ и началъ заниматься садоводствомъ.

Опрощеніе Писцовъ началъ съ одежды. Онъ одѣлся самъ и одѣлъ всю семью въ самодѣльный бѣлый холстъ и въ лапти. Опрощенцы зимой и лѣтомъ ходили бѣлыми и выдѣлялись изъ толпы. Народъ оставилъ за ними названье:

— «Бѣлоризцы».

Бѣлое носили потому, что считали лишнимъ трудиться надъ отдѣлкой и окраской холста. Покупать же матерію считали роскошью.

Потомъ Писцовъ сталъ сокращаться въ пищѣ и довелъ ее до самаго необходимаго. Семья перестала есть мясо, не употребляла ничего скоромнаго, молочнаго. Конечно, не было въ домѣ вина, табаку, чаю. Ѣли только овощи.

— Пятнадцать лѣтъ мы жили такъ,—разсказывалъ Иванъ Васильевичъ,—лѣтомъ работали, а съ осени до лѣта читали книги и поучались. Тяжело было выносить суровость, но я благодарю отца, онъ научилъ меня хорошему, далъ смыслъ моей жизни.

Старикъ Писцовъ умеръ въ 1908 году. Ему было уже 80 лѣтъ.

— А какъ послѣ него у васъ?

— Плохо. Дѣло, можно сказать, рушилось. Еще при немъ началось отступленіе. Онъ ввелъ молочную пищу, даже самъ ѣлъ. Потомъ въ одеждѣ мы сдѣлали перемѣну. Исподнее-то бѣлье мы носимъ и сейчасъ холстинное, бѣлое, а ужъ верхнее—покупное и крашеное, разныхъ цвѣтовъ. Но старикъ-отецъ до самой смерти носилъ холстъ. Конечно, у насъ-то отступленіе небольшое, неважное. Ни вина, ни чаю, ни табаку, ни даже мяса мы не употребляемъ и сейчасъ. Но въ другихъ домахъ отступленіе пошло глубже. И чай, и водочка, и мясцо появилось. Благодаря воздержной жизни, всѣ «бѣлоризцы» сдѣлались зажиточными и рѣшили: «отчего же намъ теперь не попробовать сладенькаго!» Да, плохо, плохо. Но я думаю, что это идетъ по Евангелію. Тамъ, помните, закидывали мрежи до воскресенья и послѣ воскресенья. Первыя для всѣхъ, вторыя для избранныхъ. И у насъ останутся избранные. Не въ нашей семьѣ, такъ въ другой какой. Выходъ къ лучшему только одинъ, вѣдь,— въ простой жизни. Иного выхода нѣтъ.

Жизнь по совѣсти.

I.

Александръ Ивановичъ Архангельскій былъ незамѣтный человѣкъ. Жилъ, работалъ и умеръ онъ въ полной неизвѣстности, бѣдности и одиночествѣ. А, между тѣмъ, это былъ человѣкъ, предъ которымъ должно снять шапку.

Милліоны людей живутъ, не задумываясь, не оглядываясь, какъ автоматы. При рожденіи ихъ «завели», и лишь смерть ихъ «останавливаетъ». У массы людей даже не возникаетъ никакихъ «проклятыхъ» вопросовъ о томъ, хорошо ли они, честно ли живутъ? Жизнь проходитъ въ грохотѣ и шумѣ современной технической культуры, въ «бореніи страстей» и растворяется въ тысячахъ мелочей сѣраго существованія. Лишь немногіе ставятъ себѣ кардинальный вопросъ о смыслѣ жизни. Но иные не въ силахъ рѣшить этого вопроса, и живутъ поэтому съ мукой въ растравленной душѣ, другіе рѣшаютъ его отрицательно, и малодушные изъ нихъ лишаютъ себя жизни, не видя смысла ея. Нѣкоторые какъ-будто осмысливаютъ свою жизнь, но только теоретически, надѣваютъ на себя броню какой-нибудь высокой религіозной системы, а, въ дѣйствительности живутъ въ вѣчномъ обманѣ самихъ себя, въ постоянномъ туманѣ иллюзій, или, что неизмѣримо хуже, лицемѣрія. И лишь единицы, прислушавшись къ голосу своей совѣсти, рѣшаютъ вопросъ о смыслѣ жизни разумно, согласно съ достоинствомъ и назначеніемъ человѣка, а главное проникаются этимъ рѣшеніемъ и перестраиваютъ свою жизнь на новыхъ началахъ.

Какъ мало у насъ такихъ крѣпкихъ сильныхъ людей, у которыхъ слово не расходится съ дѣломъ, голосъ совѣсти озаряетъ жизнь! Архангельскій былъ однимъ изъ этихъ немногихъ сильныхъ людей.

Но не ждите отъ его біографіи крупныхъ фактовъ, связывающихъ его съ историческими событіями. Все обновленіе его существа, весь праздникъ его души прошелъ закрытымъ, въ оболочкѣ его сердца и мозга на фонѣ самаго обыденнаго существованія въ глухой провинціи. Изъ большихъ людей его зналъ, или, вѣрнѣе, онъ показался, только одному Л. Н. Толстому,—этому центру, къ которому отовсюду протягивались самые разнообразные радіусы исканія Бога. Толстой говорилъ объ Архангельскомъ:

— Удивительный, истинный философъ...

Великій учитель, носившій въ душѣ язву противорѣчія своей жизни, былъ полонъ изумленія предъ глубиной мысли и красотой жизни Архангельскаго. Я не знаю, можно ли назвать жизнь Архангельскаго подвигомъ. Какъ-то мало подходитъ это слово къ нему. Подвигъ говоритъ о геройствѣ, а геройство сейчасъ же уводитъ насъ въ область громкихъ поступковъ и словъ. Между тѣмъ Архангельскій былъ сначала простымъ ветеринарнымъ фельдшеромъ, а потомъ часовщикомъ въ гор. Бронницахъ, Московской губ.—только всего. Никакихъ «громкихъ» поступковъ за нимъ не числилось, его никто не зналъ. Правда, онъ оставилъ сочиненіе или, какъ онъ писалъ Толстому «свое богослуженіе»: «Кому служить», надъ которымъ работалъ всю жизнь, но этотъ трудъ до сихъ поръ не напечатанъ, да и долго повидимому не будетъ напечатанъ въ Россіи...Въ «Кругѣ чтенія», рядомъ съ цитатами изъ Канта, Толстого, Аристотеля, напечатано много мѣстъ изъ философіи Архангельскаго, но мало кто объ этомъ знаетъ—просто потому, что онъ просилъ Л. Н. Толстого подписать ихъ ничего не говорящимъ псевдонимомъ «Бука».

Между тѣмъ, жизнь Архангельскаго—исключительная жизнь. Я бы сказалъ: «замѣчательная», если бы это слово выражало ту мою мысль, что жизнь по совѣсти одного

незамѣтнаго человѣка выше и полезнѣе историческихъ заслугъ всѣхъ завоевателей.

Если подъ талантомъ разумѣть наивысшее проявленіе данныхъ Богомъ силъ и способностей, то А. И. былъ талантъ. Мы привыкли выдѣлять и увѣнчивать лаврами талантъ въ искусствѣ, литературѣ, политикѣ, стратегіи и совершенно не знаемъ таланта жизни. А между тѣмъ этотъ талантъ есть. Не всѣ живутъ одинаково, какъ не всѣ художники и полководцы одинаково талантливы. Надъ моремъ обыкновенныхъ ординарныхъ человѣческихъ умовъ и способностей возвышаются немногіе умы, отмѣченные искрой Божіей. Надъ океаномъ несчастныхъ человѣческихъ жизней, идущихъ вразбродъ, ощупью, въ темнотѣ, возвышаются немногія яркія жизни, осуществляющія свои нравственно-чистыя убѣжденія. Это осуществленіе, эта согласованность жизни съ духовной работой живущаго и есть та искра Божія, которую я бы назвалъ талантомъ.

— Надо умѣть жить въ будни жизни,—писалъ А. И.— а праздники жизни (подвиги) требуютъ насъ къ себѣ рѣдко, и отъ нихъ тоже надо не отказываться.

Отецъ А. И. былъ сельскій дьяконъ Вятской епархіи. Семья была бѣдная, сама справляла полевыя работы. Въ своихъ запискахъ «Кому служить» А. И. съ благоговѣніемъ вспоминаетъ «свое дѣтство, свою глубоко-вѣрующую больную мать, простыхъ родныхъ людей, мужиковъ и сокрушенныхъ сердцемъ деревенскихъ старухъ, которымъ онъ тогда читалъ Евангеліе и Житія святыхъ и вмѣстѣ съ которыми молился Богу». Старухи обыкновенно сходились изъ окрестныхъ деревень наканунѣ праздника, отстаивали всенощную и оставались ночевать у дьякона, чтобъ утромъ простоять заутреню и обѣдню. Они собирались въ углу у печки, и мальчикъ читалъ имъ Евангеліе. Воспитаніе въ средѣ непосредственныхъ людей, съ чистымъ религіознымъ чувствомъ, развило въ мальчикѣ хорошія, идеалистическія наклонности. Въ семинаріи онъ былъ занятъ мыслью: «какую бы такую придумать машину, чтобы человѣку нельзя было обижать человѣка». Онъ молился объ этомъ Богу за всенощной въ своей

бурсацкой церкви. Его истинная религіозность питалась корнями отъ простой, но глубокой вѣры его родителей. Насколько можно судить по «запискамъ», эта вѣра не была вѣрой требъ, колоколовъ, поминаній и кутьи. Вся эта церковная внѣшность проникалась истиннымъ христіанскимъ чувствомъ и оттого не была отталкивающа. Когда сынъ послѣ семинаріи не захотѣлъ пойти по духовному вѣдомству и сказалъ, что ѣдетъ въ Петербургъ, чтобы поступить тамъ на фельдшерскіе курсы,—старикъ-дьяконъ сталъ передъ нимъ на колѣни и просилъ не ѣздить. Онъ былъ противъ не потому, что питалъ къ свѣтскимъ занятіямъ недовѣріе, духовныя же мѣста считалъ «болѣе хлѣбными», а усмотрѣлъ въ намѣреніи сына стремленіе къ карьерѣ.

— Не добро это,—сказалъ онъ ему, —нужно быть смиреннымъ, довольствоваться малымъ и не стремиться къ высшимъ должностямъ.

Онъ считалъ, что положеніе дьячка лучше, чѣмъ дьякона, а дьякона—лучше, чѣмъ священника. И для сына желалъ только одной должности—дьячковской.

Какою мощью непосредственности и религіозной красоты вѣетъ отъ этого простого русскаго человѣка!

Въ Петербургѣ А. И. попалъ въ общество людей, которыхъ звали «нигилистами», а онъ прозвалъ «людьми равенства и братства». Самъ онъ не пошелъ за ними въ ихъ крайнихъ выводахъ, но самоотверженіе и страданіе за идею, которыя онъ видѣлъ въ ихъ средѣ, привлекали его. Отъ соприкосновенія съ новыми людьми его простая, наивная вѣра, религія его дѣтства и отцовскаго дома, была разрушена. Но на мѣстѣ ея не было поставлено ничего.

— Я не видѣлъ тогда, что можно поставить на мѣсто того, что они находили нужнымъ разрушить,—писалъ А. И.

Съ этимъ пустымъ мѣстомъ онъ вошелъ въ жизнь. Отбылъ воинскую повинность и поступилъ ветеринарнымъ фельдшеромъ въ бронницкое земство. Несомнѣнно, представленіе,—можетъ быть, смутное,—о томъ, что люди посланы въ міръ не безцѣльно, а чтобы служить Богу и людямъ,—у него всегда было. Въ Бронницахъ стремленіе уяснить

себѣ смыслъ жизни и вопросы бытія приняло форму страстнаго исканія Бога. Здѣсь онъ услыхалъ о выходѣ въ свѣтъ сочиненія Толстого: «Въ чемъ моя вѣра». Ему удалось достать рукопись. Онъ сталъ читать, и Толстой его поразилъ и увлекъ. Онъ многое себѣ уяснилъ, благодаря «исповѣди», на многое, чѣмъ онъ мучился, нашелъ отвѣты. Толстой «открылъ» ему христіанство.

Всѣ прежнія религіозныя убѣжденія его подверглись коренной переработкѣ. Хотя онъ считалъ себя уже свободнымъ отъ обрядово-догматической вѣры, но когда серьезно поставилъ этотъ вопросъ, то понялъ, какъ трудно освободиться отъ того, что вошло въ душу съ молокомъ матери. Ему стало вдругъ безконечно жаль заученныхъ съ дѣтства молитвъ, пѣснопѣній, обрядовъ, всего церковнаго уклада жизни, который казался ему такимъ милымъ, дорогимъ, роднымъ. «Въ него вложено,—думалъ онъ,—столько поэзіи, столько таланта, а я долженъ бросить его». Но, съ другой стороны, онъ былъ убѣжденъ, что отказаться отъ этого наслѣдія дѣтства неизбѣжно, разъ мысль и чувство сознали и потребовали высшей, очищенной отъ внѣшности религіи. Но религіозность его, несмотря на разрывъ съ церковностью, осталась твердой на всю жизнь. Онъ «неотразимо чувствовалъ, что голосъ Бога зоветъ его къ себѣ».

— «Я, къ великой радости, находилъ,—пишетъ онъ—что то, о чемъ я въ дѣтствѣ молился, что потомъ покоряло меня въ обществѣ людей братства, равенства и свободы и что властно захватило меня теперь, это все одно и тоже,—то великое святое дѣло, котораго добивались и отдавали жизнь свою за него самые лучшіе, самые совершенные люди, какіе только были во всѣ времена на землѣ... Мало этого, я понялъ, что это не изобрѣтенія доброжелателей, а моя вѣра, моя религія, что это основа вѣры предковъ, отцовъ и братьевъ моихъ, что я *пришелъ домой*, что и ходить некуда за общимъ спасеніемъ, а что оно въ насъ самихъ».

Съ высоты истиннаго христіанства, онъ проявлялъ всю жизнь христіанскую терпимость. Самый близкій человѣкъ, его жена, не раздѣляла его религіозныхъ убѣжденій,

оставаясь узко-православной. Она соблюдала посты, а въ мясоѣдъ ѣла мясо; Архангельскій же былъ вегетаріанцемъ. Въ домѣ у нихъ висѣли иконы и теплились лампады. Въ праздники приходили священники съ молитвой. Архангельскій, не принимая участія въ молитвѣ, бесѣдовалъ послѣ со священникомъ, какъ съ человѣкомъ.

— Если я не бросаю въ печь и не выметаю съ соромъ какую-нибудь бездѣлушку моего брата или сестры, чтобъ ихъ не огорчить, то тѣмъ болѣе не слѣдуетъ мнѣ касаться предметовъ, которые они почитаютъ священными—говорилъ онъ.

— Христіанину въ борьбѣ съ суевѣріями совершенно достаточно любовнаго отношенія къ человѣку...

II.

Основной заповѣдью Архангельскій считалъ непротивленіе злу. Всѣ бѣдствія происходятъ отъ неисполненія этой заповѣди. Она—та «машина», о которой онъ мечталъ въ семинаріи.

Но одно дѣло думать, и другое—осуществлять въ своей жизни. Много у насъ людей, исповѣдующихъ толстовское пониманіе христіанства, но не слѣдующихъ въ жизни ему. Архангельскій тѣмъ и великъ, что все, въ чемъ онъ убѣждался, онъ сейчасъ же претворялъ въ жизнь. Думая о непротивленіи злу, онъ понялъ, что его служба въ земствѣ несовмѣстима съ его новыми религіозно-нравственными убѣжденіями. Онъ задалъ себѣ вопросъ:

— Откуда берутся деньги, которыя онъ получаетъ за свою службу?

Земство собираетъ ихъ съ крестьянъ. Онъ зналъ, какъ мечется русскій народъ изъ края въ край по Россіи, дѣлаетъ тысячи верстъ пѣшкомъ, чтобы только выплатить повинности. Ему возражали, говоря, что въ земство самъ народъ выбираетъ своихъ представителей, а эти представители наняли его. Но это его не успокаивало. Онъ отвѣчалъ, что онъ,—наемникъ народа,—живетъ лучше, богаче своихъ нанимателей. Какъ же это такъ? Наконецъ,народъ въ боль-

шинствѣ случаевъ относился враждебно къ его дѣятельности, и дѣятельность свою ему приходилось навязывать народу, дѣйствуя съ помощью каръ обязательныхъ постановленій. Какъ-то разъ они съ своимъ ветеринарнымъ врачомъ объѣзжали деревни и разъясняли крестьянамъ уставъ добровольнаго страхованія скота. Врачъ говорилъ, что теперь уже не надо приглашать ветеринара, чтобъ опредѣлить отчего пала корова: отчего бы она ни пала, разъ она застрахована,—деньги выдадутъ. А одинъ старикъ сказалъ на это:

— Вотъ это будетъ больно хорошо, чтобы вы къ намъ не ѣздили.

Они съ врачомъ думали, что разносятъ по деревнямъ радость, а мужики имъ высказали свою мужицкую правду въ глаза, что въ нихъ нѣтъ ни пользы, ни ума, ни добродѣтелей, а есть только одна возможность постоянно ихъ тревожить. Врачъ справедливо назвалъ этотъ отзывъ о ихъ работѣ простымъ невѣжествомъ крестьянъ, не сознающихъ, вслѣдствіе темноты, своей пользы. Придетъ время, и народъ иначе будетъ относиться къ нимъ. Но Архангельскій учитывалъ только настоящій моментъ и понялъ его такъ: мы *насильственно* оказываемъ помощь, а всякое насиліе вредно.

Такой же своеобразный взглядъ Архангельскій выработалъ и на способъ оплаты труда. Онъ, какъ это ни странно, отрицательно относился къ жалованью. Признавалъ полезнымъ только одинъ порядокъ: когда трудящійся удостаивается пропитанія, а пользующійся чужимъ трудомъ платитъ за него своимъ. Этотъ порядокъ разрушается безплатною казенною помощью во всякое время всякому желающему.

— Безплатное пользованіе чужимъ трудомъ развращаетъ человѣка, такъ какъ ставитъ его въ ложное и унизительное положеніе нахлѣбника. На безплатную казенную помощь идутъ, преимущественно, люди не бѣдные, не достойные, а люди, по нравственнымъ качествамъ наименѣе почтенные.

Наконецъ, положеніе необезпеченности полезно, такъ какъ люди при такомъ положеніи стремятся цѣпляться другъ за друга, соединяются любовью. Положеніе, обезпеченное жалованіемъ, ставитъ человѣка въ зависимость отъ начальства; такому обезпеченному уже нѣтъ нужды любить людей: въ немъ развивается гордость. Однажды мужикъ предложилъ Архангельскому полтинникъ за труды. Тотъ сказалъ, что получаетъ жалованье, но мужикъ упрашивалъ взять.

— Тутъ голосъ совѣсти заговорилъ во мнѣ совершенно отчетливо,—пишетъ А. И.—Если уже отказываться, то нужно отказаться сначала отъ жалованья, относительно котораго я зналъ, какъ оно собирается съ крестьянъ. Полтинникъ же дается добровольно и съ доброжелательствомъ.

Онъ взялъ и сказалъ себѣ: «Пусть будетъ это мнѣ памятью, чтобы я впередъ никогда не служилъ».

И Архангельскій, дѣйствительно, скоро покинулъ земскую службу. Онъ считалъ, что всякія обязательныя постановленія о мѣрахъ противъ скотскихъ падежей въ концѣ убиваютъ и то скудное, какое есть въ деревнѣ, разумѣніе объ этомъ предметѣ, и все сводятъ на то, чтобы донести начальству. Эта скудость разумѣнія опасна. Всѣ чумные, холерные и другіе бунты, всѣ противодѣйствія, которыя оказываетъ мужикъ, говорятъ объ одномъ,—что человѣкъ обиженъ въ самомъ главномъ: въ достоинствѣ разумнаго существа.

Начальству Архангельскаго стали извѣстны «странные» взгляды его. Оно поставило ему категорическій вопросъ: «Донесетъ ли онъ, когда узнаетъ о больной самомъ лошади?» Онъ представилъ себѣ картину: вотъ крестьянинъ обращается къ нему, какъ къ доброму человѣку за помощью, а онъ, вмѣсто этого, доноситъ по начальству. Лошадь «отчудятъ» и, на глазахъ у женщинъ и дѣтей, убьютъ. Заразила ли бы лошадь другихъ лошадей,—еще вопросъ, а уже два дурныхъ дѣла,—его предательство и насиліе надъ разумнымъ существомъ, — сдѣланы. Поэтому онъ отвѣтилъ такъ:

— Я раскрою предъ крестьяниномъ полезность уничтоженія лошади но, если его не удастся убѣдить, я доносить не буду...

Черезъ два мѣсяца ему прекратили платить жалованье. Онъ оказался совсѣмъ безъ средствъ. Жена плакала и говорила:

— Если бы тебя прогнали за пьянство, за лѣнь или за подлость,—можно было бы другое мѣсто найти, но ты съ ума сошелъ, и этого уже ничѣмъ не поправишь.

Самого же Архангельскаго болѣе мучила мысль о томъ, что съ чумой, сапомъ, сибиркой онъ при старомъ міровоззрѣніи боролся и побѣждалъ, а при новомъ эти бѣды остаются безъ противодѣйствія. Долго тревожно думалъ надъ этимъ и нашелъ выходъ—распространеніе свѣта разумѣнія, знанія. Пусть населеніе само узнаетъ, какъ бороться со скотскими падежами, и тогда оно легко справится съ ними. Это единственное средство.

Съ своей стороны онъ внесъ въ это дѣло «разумѣнія» ленту: издалъ «Сельскій скотолѣчебникъ». Но книга была запрещена за то, что въ ней не были изложены законы о насильственныхъ мѣрахъ противъ скотскихъ падежей. Архангельскій отказался изложить эти законы. По этому поводу онъ написалъ письмо-исповѣдь издателю книги И. И. Горбунову-Посадову. Тотъ показалъ письмо Толстому, и великій писатель отвѣтилъ Архангельскому:

«Очень радостно чувствовать свое единеніе и знать, что оно вытекаетъ изъ того, что сходится въ томъ, что истина. Исповѣдь ваша поразила меня, во-первыхъ, своею искренностью,—видно, что она писана не для читателей, какъ литературныя произведенія, а для того, чтобы самому себѣ уяснить свои мысли и свое отношеніе къ предмету, во-вторыхъ, тѣмъ, что изъ нея видно, что нѣтъ такого мірского положенія,—высокаго или скромного,—которое бы при настоящемъ, серьезномъ усвоеніи христіанскаго міровоззрѣнія, не оказалось бы ложнымъ и несовмѣстимымъ съ христіанскою совѣстью».

Чтобы существовать А. И. брался за всѣ работы, ко-

торыя не были противны его совѣсти. Нанимался копать погреба, пробовалъ пахать. Но тяжелая работа ему была не по силамъ,—онъ нажилъ себѣ болѣзнь почекъ. Торговалъ книжками на городскомъ базарѣ. Въ этомъ занятіи онъ потерпѣлъ много оскорбленій и униженій... Однажды мѣстный протопопъ, найдя у него разсказъ Лѣскова: «Христосъ въ гостяхъ у мужика», накричалъ на него при публикѣ:

— Это развратъ, богоотступничество, богохульство!.. Какъ ты смѣешь такими книжками торговать?

У него были обыски. Его не разъ допрашивали.

Послѣ торговли книгами онъ сдѣлался ремесленникомъ. Сначала столярничалъ, слесарничалъ, чинилъ замки, переплеталъ книги, а потомъ выбралъ себѣ спеціальность часовщика.

— Теперь я совершенно ясно понялъ,—писалъ онъ,— что не только земледѣлецъ, но и первый пьянчужка-сапожникъ, живущій своимъ трудомъ, передъ Богомъ выше и чище человѣка трезваго, умнаго, знающаго хорошо свое дѣло, въ частной жизни добродѣтельнаго, но состоящаго на должности, продавшаго себя за жалованье: чѣмъ дороже, тѣмъ хуже.

Занятіе ремесломъ онъ считалъ истиннымъ путемъ воплощенія въ себѣ достоинства разумной свободы. Къ тому же, это занятіе давало ему много времени для размышленія.

Въ Ясную Поляну онъ путешествовалъ пѣшкомъ. Денегъ не имѣлъ, а занимался по пути въ деревняхъ починкой часовъ и этимъ кормился.

Его прямолинейность, въ связи съ усвоеннымъ толстовскимъ взглядомъ на государство, создавала ему иногда опасныя положенія. Однажды къ нему явился полицейскій надзиратель и пригласилъ къ исправнику «по дѣлу о неявки на провѣрку призывныхъ по воинской повинности списковъ». Архангельскій отвѣтилъ отказомъ.

— Значитъ, вы не признаете властей? — спросилъ надзиратель.

— Я не иду противъ властей. Но согласитесь, зачѣмъ я пойду къ человѣку, котораго мнѣ совершенно не нужно,— вѣдь это надо съ ума сойти. Если я ему нуженъ, пускай онъ придетъ ко мнѣ: это естественно и понятно.

Надзирателю пришлось уйти. Чрезъ нѣкоторое время онъ принесъ ему паспортъ. Архангельскій не взялъ его и сказалъ, что паспортъ ему не нуженъ. Полицейскій чинъ удивился «чудаку» и, при понятыхъ положилъ паспортъ на столъ. Но не успѣлъ выйти изъ комнаты, какъ увидалъ, что А.И. выкинулъ документъ изъ форточки на улицу. Надзиратель былъ въ недоумѣніи, затѣмъ поднялъ паспортъ и унесъ съ собой. Съ тѣхъ поръ Архангельского никто не тревожилъ. Жилъ онъ безъ паспорта.

«Кому служить» онъ писалъ всю жизнь. Въ 1897 году тщательно переписанный экземпляръ своего сочиненія онъ повезъ Толстому. Толстой отвѣтилъ ему письмомъ, въ которомъ, между прочимъ, писалъ:

«Сейчасъ дочелъ вашу статью. Давно не испытывалъ такой радости. Эта статья сдѣлаетъ много добра людямъ и подвинетъ дѣло Божіе. Видно, Онъ рѣшилъ сдѣлать это черезъ васъ... Подѣйствовала на меня и будетъ сильно дѣйствовать ваша статья тѣмъ, что она не сочинена, а выболѣла изъ сердца, изъ жизни».

А. И. продолжалъ роботать надъ сочиненіемъ до самой смерти. Онъ проводилъ въ немъ свою, уже знакомую намъ, мысль, что служить, порабощать себя, разумное существо,—грѣхъ, что надо служить только одному Богу, а чтобы имѣть заработокъ, надо жить ремесломъ.

Согласованность «разумѣнія» Архангельскаго съ его жизнью будетъ намъ особенно удивительна, если мы узнаемъ, что обстановка его жизни была на рѣдкость неблагопріятна. Помимо того, что онъ всегда нуждался въ необходимомъ, послѣднія лѣтъ пятнадцать онъ былъ боленъ жестокой болѣзнью почекъ, отъ которой невыносимо страдалъ и умеръ въ 1906 году. Въ 1900 году онъ рѣшилъ лечь въ Шереметевскую больницу для операціи. Пришлось искать протекціи, такъ какъ безъ паспорта въ больницу не прини-

мали. Нашли. Была сдѣлана сложная операція вырѣзанія части ребра и вынутія камня изъ почки. Но болѣзнь этимъ, все-таки, не могли остановить. Въ больницѣ Архангельскаго посѣщалъ Толстой.

Работать ему было уже подъ конецъ жизни тяжело. И все-таки онъ всегда отказывался отъ денегъ, которыя ему предлагали его друзья. Его домикъ въ Бронницахъ и въ это время былъ тѣмъ «огонькомъ», на который всѣ шли. Со всѣми онъ былъ въ дружбѣ, никому не навязывалъ своихъ убѣжденій, но ни отъ кого ихъ не скрывалъ и смѣло высказывался. У него можно было встрѣтить и священника и офицера, и мужика, и сельскаго учителя. Иные шли къ нему за совѣтами, другіе просили разобрать ихъ ссору.

Вынесъ онъ и вторую операцію. Но и она не остановила болѣзни. Онъ умиралъ, и страшно умиралъ, но работалъ и размышлялъ. Событія 1905 года его потрясли.

— Положительно надо налагать на себя постъ, постъ сочувствія страданіямъ любимой родной страны. Если ничего другого я не могу дѣлать, такъ хоть поститься. Страшно и больше ничего. Боюсь, страшно боюсь,—пусть будутъ довольны боязнью, а довольные, можетъ-быть, станутъ добрѣе и разсудительнѣе...

Скоро онъ умеръ. Умирая, не сдѣлалъ никакихъ распоряженій, какъ его хоронить. Взгляды его знали, знали и послѣдовательность въ жизни. Онъ не заботился, какъ его похоронятъ, потому что это дѣло не того, кто умираетъ, а тѣхъ близкихъ, которые остаются въ живыхъ. Для нихъ и похороны. Жена похоронила его по православному обряду. Духовенство сначала не соглашалось на это, но затѣмъ согласилось.

ИСТОЧНИКЪ:

Біографія А. И. Архангельскаго, составленная Х. Абрикосовымъ.

„Братъ Сергѣй".

Въ своей первой книжкѣ: «Ищущіе Бога»*) я подробно говорилъ объ одномъ «идейно-религіознымъ бродягѣ»—Львѣ. Тамъ же я упоминалъ вскользь о его товарищѣ «Сережѣ Поповѣ», который иногда вмѣстѣ съ нимъ «бродяжитъ» по Россіи. Теперь въ моемъ распоряженіи есть интересный матеріалъ, характеризующій этого любопытнаго искателя Бога.

«Братъ Сергѣй» совсѣмъ молодой человѣкъ. Ему нѣтъ 24 лѣтъ. Онъ изъ интеллигентной семьи, учился когда-то въ одной изъ Петербургскихъ гимназій. Но рано познакомился съ ученіемъ Толстого и перевернулъ свою интеллигентскую жизнь наизнанку.

Онъ поставилъ задачей своей жизни осуществить «толстовское» міропониманіе. Безъ паспорта и денегъ бродитъ онъ по Россіи, переживая самыя непріятныя столкновенія съ полиціей. Во всѣхъ людяхъ онъ видитъ своихъ братьевъ, хотя бы этотъ «братъ» оскорблялъ и даже билъ его.

Такихъ людей обыкновенно называютъ «странными» или прямо «чудаками». Они, дѣйствительно, «не отъ міра сего».

«Братъ Сергѣй», свое тѣло называетъ «слѣпымъ».

— О немъ,—говоритъ онъ, — не слѣдуетъ заботиться, не слѣдуетъ даже думать.

— Въ человѣкѣ есть вѣчное, разумное, любящее,—то, что называется у насъ совѣстью. Голосъ совѣсти—голосъ

---

*) См. стр. 32—39.

Бога. Только этимъ духовнымъ началомъ человѣкъ и долженъ жить.

А тѣло нужно отдавать на всѣ ужасы жизни,—на голодъ, холодъ, насилія, притѣсненія, и равнодушно взирать, какъ это тѣло истязуютъ слѣпые люди.

Конечно, такую философію жизни могутъ проповѣдывать многіе. Мы знаемъ людей, которые бьютъ себя въ грудь, говоря о голгоѳскомъ страданіи, зовутъ въ пустыню, въ одиночество, въ аскетизмъ, а, между тѣмъ, прекрасно устраиваются въ міру, въ обстановкѣ самыхъ низменныхъ человѣческихъ наклонностей.

«Братъ Сергѣй»—совсѣмъ другой человѣкъ. Онъ поставилъ своею жизненной задачей не отдѣлять слова отъ дѣла. И въ этомъ величіе его души, превосходство передъ всѣми лицемѣръ-аскетами.

Религіозно-нравственные взгляды «брата Сергѣя» очень просты и прямолинейны.

Всѣ люди братья, весь міръ домъ Божій—вотъ принципы его религіи.

Съ проповѣдью любви къ ближнему и Богу они съ братомъ Левушкой обращаются ко всѣмъ, даже къ полицейскимъ. Тѣ, конечно, напоминаютъ имъ о законѣ гражданскомъ. А «чудаки» въ отвѣтъ:

— «Все, что есть хорошаго въ законѣ гражданскомъ, все есть въ законѣ Бога; нѣтъ только зла, которое раздѣляетъ людей-братьевъ на разные классы и сословія...»

По рукамъ знакомыхъ этихъ «не отъ міра сего» людей ходятъ письма «брата Сергѣя», въ которыхъ раскрыта его простая, ясная религіозно-жизненная философія.

«Братъ Сергѣй» не допускаетъ никакого протеста противъ насилія надъ нимъ, такъ какъ насиліе направлено противъ тѣла, а не противъ духа.

Однажды гдѣ-то около Майкопа его стали бить. Онъ не протестовалъ и послѣ разсказывалъ:

— Очень я боялся, что вознегодую и дамъ отпоръ. Но нѣтъ,—слава Богу... Жалко только стало ихъ...

— Если накидывается на васъ человѣкъ, — спросили

его,—и начинаетъ васъ бить. Неужели же ему прощать?

— Конечно,—отвѣчаетъ онъ,—тутъ не можетъ быть никакихъ сомнѣній, такъ какъ весь законъ Христа именно въ этомъ: «ударившему тебя по одной щекѣ, подставь другую». Если кто васъ ударитъ, вы должны ему сейчасъ же простить. Можетъ быть, онъ захочетъ васъ и еще разъ ударить, но вы, все-таки, его простите. Только такимъ образомъ можно уничтожить зло...

Его считаютъ «толстовцемъ». Но какъ хотите, среди «толстовцевъ» онъ рѣдкость. Трудно найти «толстовца», который бы такъ счастливо соединялъ слово съ дѣломъ. Гдѣ они такіе «чудаки»? Назовите мнѣ ихъ?

Однажды его вмѣстѣ съ «братомъ Левушкой» заперли въ вонючей арестантской.

«Мы находимся въ полной темнотѣ,—описывалъ «братъ Сергѣй» въ письмѣ,—и чувствуемъ духоту и вонь; сидимъ нѣсколько времени на скользкомъ полу. Братъ Левъ возмущается и начинаетъ стучать въ дверь и звать:

— «Люди-братья, кто здѣсь есть?

«Я говорю:

— «Лева, что ты, вѣдь мы сами пришли сюда. Это наука, въ другой разъ не пойдемъ и если имъ надо будетъ, они сами внесутъ наши тѣла, куда имъ угодно. А духъ свободенъ вездѣ и не зависитъ отъ формы».

«Левъ согласился съ этимъ и—сказалъ, что его протестъ—«соблазнъ и паденіе».

Когда на ихъ зовъ пришелъ атаманъ (они были схвачены въ казацкой станицѣ), то Левъ обратился къ нему съ вопросомъ:

— Дорогой братъ, вѣрите ли вы въ Бога?

Атаманъ говоритъ: «вѣрю».

— Зачѣмъ же вы братьевъ своихъ сажаете въ темницу?

Такимъ образомъ даже стукъ въ дверь карцера и призывы къ «людямъ-братьямъ» объ освобожденіи считаются братомъ Сергѣемъ дѣйствіями предосудительными, свидѣтельствующими о «паденіи» тѣхъ, кто прибѣгаетъ къ нимъ.

По его мнѣнію, очевидно, нужно было молча и безпрекословно сидѣть въ темномъ и вонючемъ карцерѣ до тѣхъ поръ, пока не вспомнили бы о нихъ. Даже перспектива задохнуться въ этой грязной клоакѣ не могла служить поводомъ и основаніемъ для протеста.

М. С. Дудченко прислалъ редактору «Русского Слова» изъ Полтавы одно письмо «брата Сергѣя», въ которомъ онъ описываетъ обстоятельства, сопровождавшія его арестъ и пребываніе въ 1910 году въ Клинской тюрьмѣ. Описаніе это очень интересно. Я приведу письмо почти въ подлинномъ видѣ:

...«Изъ Кіева я пришелъ къ Льву Николаевичу, а затѣмъ пробрался въ Петербургъ къ матери. Тамъ, побывъ немного, я снова вернулся къ Льву Николаевичу и жилъ около деревни Телятники, занимаясь обработкой небольшого клочка земли. Лѣтомъ пріѣзжалъ къ намъ Ш., который привезъ отъ тебя хлѣбъ Льву Николаевичу, но такъ какъ Левъ Николаевичъ уѣзжалъ къ дочери, то онъ отдалъ хлѣбъ мнѣ. Хлѣбъ твой всѣ ѣли, голубчикъ, и благодарятъ тебя. Осенью я пошелъ на Москву, а затѣмъ на станцію Завидово въ деревню Павлюково, гдѣ и живу теперь въ маленькой хаткѣ».

Послѣ этого предварительнаго описанія своего «бродяжничества», «братъ Сергѣй» сообщаетъ, что однажды къ нему пришелъ «братъ въ сѣромъ пальто». Между ними произошелъ такой разговоръ:

— Ты откуда?—спросилъ братъ въ сѣромъ пальто.

— Отъ Бога, голубчикъ,—отвѣтилъ «братъ Сергѣй».

— А какой ты губерніи?

— Губерніи, милый,—выдумки людскія, по-Божьи этого не надо, по-Божьи весь міръ—нашъ домъ.

— А твой паспортъ?

— Для Бога не надо паспорта. Для Бога надо только любить другъ-друга.

— Тогда я отправлю тебя въ Клинъ,—сказалъ братъ въ сѣромъ пальто и ушелъ

Вечеромъ староста сказалъ «брату Сергѣю»:

— Если вы сегодня не уйдете, то урядникъ приказалъ мнѣ вести васъ въ Завидово.

— Прежде всего ты человѣкъ, сынъ Божій, поэтому ты долженъ слушать Бога, а не урядника,—сказалъ Поповъ.

На другой день староста пришелъ къ нему съ двумя мужиками.

— Пойдемъ,—говоритъ,—одѣвайтесь!

— Нѣтъ, голубчикъ, для Бога это не надо, для Бога надо жить въ мирѣ и любви.

— Такъ-то такъ,—сказалъ староста,—но у меня семья, дѣти... Если я васъ не представлю въ Завидово, меня самого посадятъ въ тюрьму.

— Нѣтъ ничего дурного въ томъ, что тебя за исполненіе воли Божьей не только посадятъ, но и умертвятъ. Если же ты не исполнишь воли Божьей, то сдѣлаешь гадкое дѣло для своей души и будешь плохимъ примѣромъ для своихъ дѣтей.

Но староста, вмѣсто того, чтобы «исполнить волю Божью», надѣлъ бляху и сказалъ твердо:

— Идемъ.

Поповъ пошелъ. Въ Завидовѣ посадили его въ кутузку. На пятый день повели на допросъ къ «брату-уряднику».

— Кто ты такой, какъ тебя зовутъ, какой губерніи?

— Я сынъ Божій, посланный въ міръ, чтобы исполнить волю моего Отца—Бога. А воля Его въ томъ, чтобы любить всѣхъ.

— Тогда я напишу,—говоритъ урядникъ,—что задержанъ юродивый.

Но сидѣвшій тутъ же писарь остановилъ его.

— Нѣтъ, то, что онъ говоритъ, понятно, такъ говорилъ Христосъ.

Урядникъ воспроизвелъ въ протоколѣ отвѣты Попова и отправилъ его въ Клинъ къ «брату-исправнику». Тамъ—тѣ же вопросы и тѣ же отвѣты. Попова сажаютъ въ тюрьму по обвиненію въ бродяжничествѣ. Въ камерѣ его переодѣваютъ въ арестантскій костюмъ, при чемъ онъ отказывается отъ кожаныхъ туфель и ему оставляютъ лапти.

Отказывается отъ мясной пищи, говоря, что великій грѣхъ убивать животныхъ и поѣдать ихъ трупы; земля даетъ намъ много растительной пищи...

Вечеромъ повѣрка. Надзиратели кричатъ:

— Смирно!

А Поповъ лежитъ на нарахъ.

— Ты почему не встаешь?—говорятъ они.

— Всѣ мы родные братья, во всѣхъ насъ живетъ Духъ Божій, всѣ мы равны.

— А по тюремнымъ порядкамъ ты долженъ встать.

— Если людскіе порядки противны порядку Божьему, то человѣкъ не долженъ ихъ соблюдать.

Тюремщики уходятъ.

Попова посадили въ одну камеру съ какимъ-то конокрадомъ.

Тотъ три дня не отвѣчалъ на вопросы Попова. На четвертый что-то сталъ безсвязно бормотать, потомъ сталъ загораживать ему дорогу, когда Поповъ ходилъ изъ угла въ уголъ, затѣмъ сорвалъ повязку съ его болѣвшей ноги и зарычалъ по-звѣриному. Наконецъ, «братъ-арестантъ» сталъ отнимать у Попова все, что тому приносили: ложку, хлѣбъ, кашу.

— Я забылъ данный мнѣ Богомъ урокъ терпѣнія,— признался Поповъ,—и два раза толкнулъ брата, не давая ему ложки. Потомъ такъ стыдно было, гадко. Тюрьма— хорошая школа для воспитанія смиренія, терпѣнія и любви...

Все-таки Поповъ, «поддавшись малодушію», попросилъ перевести его отъ «брата-арестанта» въ больничную общую камеру, но попалъ въ атмосферу ругани. Вечеромъ, на повѣркѣ, онъ не всталъ и по этому поводу «разъяснялъ арестантамъ чисто христіанскіе взгляды», за что и былъ переведенъ въ одиночную камеру.

Въ церковь не пошелъ, сказавъ, что «царство Божіе внутри насъ есть».

Судебному слѣдователю онъ сказалъ:

— Мое «я» духовно, ему поэтому не надо имени.

Подъ актомъ слѣдствія подписался: «Братъ всѣхъ существъ міра».

Недѣли чрезъ три его опять позвали къ слѣдователю.

— Вотъ получилъ вашу карточку изъ майкопской тюрьмы,—сказалъ онъ,—сейчасъ освобожу васъ.

— Голубчикъ,—отвѣтилъ Поповъ,—это не въ вашей власти. Свобода не можетъ быть дана человѣкомъ, каждый можетъ только самъ освобождать себя. Свободенъ человѣкъ и въ тюрьмѣ. А тотъ, кто рабъ своихъ страстей, тотъ вездѣ не свободенъ.

— Ну, я освобожу ваше тѣло!

— И это не въ вашей власти...

Попова освободили, и онъ по приглашенію судебнаго слѣдователя пошелъ къ нему на домъ. Его тамъ накормили. Онъ ночевалъ у «добрыхъ, милыхъ людей», которые дали ему два рубля на дорогу.

«Да, милый Митрофанушка,—пишетъ въ заключеніе Поповъ,—какая великая радость—жизнь, если только понимать ее такъ, какъ она есть на самомъ дѣлѣ—въ соединеніи души съ Богомъ и душами всѣхъ существъ».

М. С. Дудченко, посылая письмо С. Попова, обратился къ «брату-редактору» съ такими словами:

«Поведеніе С. Попова показываетъ, что во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда человѣкъ подвергается искушенію заразиться настроеніемъ своего врага, онъ можетъ, исходя изъ уваженія къ тому, что есть въ немъ самаго лучшаго и прекраснаго, сохранить свое душевное равновѣсіе и даже испытывать радостное настроеніе отъ преслѣдованій.

«Для людей, относящихся скептически къ ученію Іисуса Христа въ смыслѣ его практическаго приложенія къ жизни, примѣръ этотъ долженъ быть назидателенъ...

«С. Поповъ уже много лѣтъ живетъ безъ паспорта, глубоко убѣжденный въ томъ, что онъ ему не нуженъ, и, тѣмъ не менѣе, за исключеніемъ небольшого времени сидѣнія въ тюрьмахъ, онъ остается на свободѣ, и никто его не высылаетъ въ Сибирь, несмотря на существованіе закона о бродяжничествѣ.

«Объясняется это обстоятельство, тѣмъ, что въ жизни человѣческаго общества, помимо животной стороны, помимо борьбы за существованіе, есть другая сторона, покоящаяся на требованіяхъ сердца человѣческаго, сторона взаимности, оберегающая и поддерживающая всѣ наши добрыя стремленія...

«Поэтому «братъ Сергѣй», даже среди людей, занятыхъ выполненіемъ закона Моисеева «око за око, зубъ за зубъ», даже въ тюрьмахъ встрѣчаетъ нерѣдко такихъ, которые, вопреки своимъ служебнымъ обязанностямъ, выполняютъ свои обязанности предъ Богомъ».

«Подъ впечатлѣніемъ переживаемаго С. Поповъ имѣетъ основаніе утверждать, что «жизнь есть нѣчто прекрасное, если понимать ее правильно...»

Очень любопытно и другое письмо «брата Сергѣя», присланное мнѣ Н. В. Троицкимъ. Въ немъ описывается майкопскій арестъ и сидѣніе въ тюрьмѣ. Письмо относится, кажется, къ 1908 году. Я приведу его близко къ подлиннику и отъ имени самого С. Попова.

«Голубчики братья! Не такъ давно я писалъ вамъ объ освобожденіи моего тѣла изъ тюрьмы и вотъ я опять попалъ туда. Было дѣло такъ. Я пріѣхалъ съ хутора Скороходова въ Майкопъ вмѣстѣ съ сестрой Льва. Пошли мы на базаръ купить лапти. Встрѣчаютъ насъ два околодочныхъ съ городовыми и говорятъ мнѣ:

— Подойди сюда, кто ты такой, какой губерніи?

Я говорю:

— Всѣ люди—братья, весь міръ домъ Божій, губерній нѣтъ, это миражъ, самообманъ.

Тогда околодочный хватаетъ меня за плечо и кричитъ:

— Ты что мнѣ порешь ерунду. Гдѣ твой паспортъ?

— Мнѣ не надо паспорта,—говорю я.

Онъ началъ кричать, ругаться и велѣлъ итти съ нимъ въ участокъ.

Сестра Льва вступается за меня и говоритъ:

— Зачѣмъ вы трогаете человѣка? Здѣсь его мно-

гіе знаютъ. Онъ пріѣхалъ съ хутора Скороходова; это толстовецъ.

Меня повели въ участокъ.

Сестра Льва пошла со мною. Приводятъ, входитъ приставъ и говоритъ:

— Вашъ паспортъ?—говоритъ.

— Мнѣ не надо паспорта. Паспортъ—установленіе людей; для Бога не надо паспорта, говорю я.

— Вѣрно революціонеръ?!—говоритъ приставъ.—Покажите руки.

Смотритъ на мои руки, рабочія ли онѣ или нѣтъ.

Меня обыскиваютъ, отбираютъ лапти, ремешокъ отъ штановъ, отпарываютъ ленту у шляпы, потомъ ведутъ въ участковую тюрьму и затворяютъ. Немного погодя приходитъ околодочный и городовой. Околодочный снова спрашиваетъ:

— Какой губерніи, какъ зовутъ?

— Всѣ мы братья...

Тогда околодочный начинаетъ его бить. А потомъ говоритъ:—онъ сумасшедшій, отъ него ничего не добьешься.

На другой день посадили въ тюрьму Льва, также за безпаспортность. Меня привели къ приставу. Обращеніе его ко мнѣ совсѣмъ перемѣнилось. Онъ говоритъ:—Пожалуйста, садитесь. Вы интеллигентный человѣкъ. Сейчасъ будетъ готовъ самоваръ, пожалуйста, пейте чай.

Потомъ спрашиваетъ:

— Скажите, пожалуйста, гдѣ вы родились, въ какой губерніи, какъ васъ зовутъ?

Я говорю:

— Вѣдь, это совсѣмъ не нужно, зачѣмъ это?

— Но какъ же мнѣ написать? Я напишу, что вы не можете имѣть никакого документа, но какъ васъ называютъ?

Я сказалъ.

Приставъ написалъ: «Сергѣй, слѣдуя ученію Христа, не можетъ имѣть никакого документа».

— Вотъ околодочный,—сказалъ я,—побилъ мое тѣло

и хотѣлъ этимъ вынудить меня, сказать то, что поистинѣ не существуетъ. Но вѣдь онъ только выгонялъ изъ меня животный страхъ. Боли почти не было никакой, а страха стало меньше, и я сталъ свободнѣе. Вѣдь то, что воистину мое, того никто не можетъ взять отъ меня. Никто не можетъ взять отъ меня душу, волю, разумъ, а жить разумной волей великое счастье. Освобождаться отъ требованій тѣлесности, матеріальности, сдѣлать изъ тѣла покорнаго слугу духа—это приближеніе человѣка къ духовной свободѣ. Полное же освобожденіе, смерть тѣлесности, есть духовная свобода. Поэтому я не хочу жить тѣмъ, что дѣлаетъ человѣка не свободнымъ, я хочу избавиться отъ рабства, хочу воспитать въ себѣ наибольшую кротость, смиреніе, любовь. Передо мной прежде стоялъ идеалъ вещественный, внѣшній. Для достиженія его я находилъ много препятствій, а главное, видѣлъ эти препятствія внѣ себя, въ особенности въ другихъ людяхъ и потому осуждалъ людей. Когда же сталъ познавать, я понялъ, что то, что внѣ меня, то отъ меня не зависитъ, что идеалъ долженъ быть не вещественный, внѣшній, а внутренній, духовный.

Я понялъ, что идеалъ для меня въ моей душѣ, въ проявленіи, воспитаніи въ себѣ Божественныхъ свойствъ и препятствія къ достиженію этого идеала во мнѣ же. Я же, въ какомъ бы положеніи ни былъ, долженъ итти къ этому идеалу, разрушая всѣ препятствія, стоящія между мною—частью и цѣльностью—Богомъ.

Приставъ говоритъ:

— Хотите я составлю протоколъ и околодочнаго привлекутъ къ отвѣтственности.

— Зачѣмъ это,—говорю я,—Христосъ устанавливаетъ законъ прощенія, любви.

Привлекать къ отвѣтственности надо совѣсть его,—а какъ это сдѣлать? Христосъ говоритъ: ударившему тебя по щекѣ, подставь другую. Надо тому, кто обидитъ, сдѣлать какъ можно больше добра, чтобы устыдить его, наказать совѣсть, заставить страдать ее.

Потомъ насъ со Львомъ повели къ полицмейстеру, а такъ же и сестру Льва и еще одного брата Костю, который работалъ у Скороходова.

Полицмейстеръ даетъ проходное свидѣтельство сестрѣ Льва и Костѣ. Меня же и Льва онъ хотѣлъ отправить обратно въ участокъ. Сестра Льва стала просить, чтобы дали и Льву проходное свидѣтельство въ Ясную Поляну. Полицеймейстеръ далъ. Меня же увели обратно въ участокъ, заперли въ участковую тюрьму. Здѣсь 8 человѣкъ заключенныхъ. Сначала они относятся ко мнѣ недовѣрчиво, а потомъ, когда я разсказалъ какъ попалъ сюда, они стали относиться ко мнѣ хорошо; дали мнѣ одѣяло, дѣлились всѣмъ, что имъ приносили.

Спрашивали,—отчего я не ѣмъ мяса.

Я отвѣчалъ:

— Все живое хочетъ жить и страшится страданій смерти, поэтому я не въ правѣ отнимать жизнь, вѣдь я не могу ее вернуть.

На другой день приходитъ въ тюрьму товарищъ прокурора. Я разговаривалъ съ нимъ сидя. Заключенные спрашивали меня, почему я не всталъ.

Я отвѣчалъ:

— Вѣдь всѣ же мы братья...

— Но за это могутъ наказать, куда-нибудь сослать,— говорятъ они.

— Ну что же, отвѣчаю, вездѣ люди. Вездѣ можетъ случиться, что кто-нибудь побьетъ, ранитъ и даже умертвитъ. Но все это онъ можетъ дѣлать съ тѣломъ, вѣдь оно не «мое», каждый, кто захочетъ, можетъ его уничтожить.

— Да, это такъ,—отвѣчаютъ мнѣ,—но что можно сдѣлать одному?

— Голубчики, все можно сдѣлать. Кто же какъ не я могу познать самого себя?

Вашихъ мыслей я не знаю. Свои же мысли я знаю— это мое, это я самъ. Все же, что внѣ меня, то и не зависитъ отъ меня. Тѣло можно замучить, умертвить, но душу никогда. Она безсмертна. Поэтому каждый человѣкъ можетъ

сдѣлать только самого себя лучше. Надо отставать отъ внѣшности. Надо стараться видѣть въ каждомъ человѣкѣ брата, сына общаго Отца, проникать до души, несмотря на тѣлесную оболочку. Для достиженія духовнаго идеала самъ человѣкъ своей внѣшностью служитъ препятствіемъ и потому никого не надо обвинять, а только себя

На другой день утромъ зовутъ меня къ приставу. Вхожу. Вижу сидятъ приставъ, 3 околодочныхъ и «сборщикъ податей» (?) Одинъ изъ околодочныхъ (тотъ самый, который угрожалъ мнѣ револьверомъ передъ первымъ заключеніемъ) говоритъ:

— А, Сережа! опять къ намъ пришелъ, не хочешь ли покурить?—и даетъ мнѣ папиросу.

— Нѣтъ, не надо,—говорю.

— Вы фанатикъ,—сказалъ сборщикъ.—Толстой вашъ проповѣдуетъ, а самъ сидитъ себѣ, ѣстъ, пьетъ и ничего не дѣлаетъ.

— Ну что же изъ этого?—отвѣчаю ему.—Толстой такой же человѣкъ, какъ и мы съ вами, у него такъ же, какъ и у насъ есть свои немощи и слабости. Онъ хочетъ слѣдовать за Христомъ такъ же, какъ и мы съ вами. Толстой есть ученикъ Христа и не учитъ ничему отъ себя. Онъ всегда говоритъ: дай Богъ силы всѣмъ, кто хочетъ слѣдовать за Христомъ, Толстой былъ для меня свѣтомъ, который освѣтилъ чудный ростокъ любви, и я увидѣлъ его среди страшнаго хаоса нашей жизни. Посмотрите, что люди ростятъ, о чемъ хлопочутъ! Все, что называютъ наукой, техникой, художествомъ—все это процвѣтаетъ, только одинъ ростокъ любви забытъ. Забыто то, что должно было бы быть основой, азбукой жизни. Забыто сѣмя Христа, а Его именемъ называютъ ненужныя, сорныя сѣмена.

— Но вѣдь нужна же наука, нужно же образованіе,—говоритъ сборщикъ податей.

— Первая наука для дѣтей—это жизнь ихъ родителей. Значитъ, надо дѣлать самихъ себя лучше. Дѣти и будутъ учиться доброй хорошей жизни. Наука—это умѣнье жить разумно.

— Но вотъ вы безъ образованія не могли бы понимать такъ, какъ теперь понимаете,—говоритъ онъ.

— Нѣтъ, въ гимназіи я получилъ образованіе всѣхъ дурныхъ, порочныхъ наклонностей. Если бы я не бросилъ ее, то погибъ бы или сталъ нравственнымъ калѣкой-уродомъ. Важно не количество, а качество знаній. Если образованіе не дѣлаетъ изъ ребенка (маленькаго животнаго) человѣка, не дѣлаетъ его добрымъ, то это не истинное образованіе. Ни капли добра я не вынесъ изъ среднешкольнаго образованія. Все, что выдается за образованіе, все это, какъ сорная трава, заглушаетъ то, что воистину нужно, — разумную, добрую жизнь. Только религія даетъ смыслъ жизни; дѣло же науки сумѣть приложить этотъ смыслъ къ жизни, сумѣть устроить жизнь разумно.

— Но вѣдь нужно же учить дѣтей?

— Отецъ и мать должны быть ихъ наукой, они не должны отдавать ихъ въ руки палачей нравственности.

Учить дѣтей надо, имѣя примѣромъ хорошаго, идеальнаго человѣка, а не приспосабливаться къ вкусамъ пустого общества. Для меня такой идеалъ Христосъ и потому, я думаю, что родителямъ, желающимъ сдѣлать изъ своихъ дѣтей *человѣка*, надо жить жизнью Христа, и взять за основу воспитанія заповѣди Его.

— Я самъ думаю, сказалъ я, провести жизнь цѣломудренно, такъ какъ семейная жизнь служитъ препятствіемъ, соблазномъ для жизни въ Богѣ. Бракъ это грѣхъ противъ цѣломудрія, а распутство—грѣхъ противъ брака. Конечно, если только я не въ состояніи буду жить цѣломудренно, то одинъ выходъ, это бракъ, т.-е. взаимное согласіе двухъ людей разныхъ половъ имѣть дѣтей другъ отъ друга. Если же человѣкъ, живя нецѣломудренно, не вступаетъ въ бракъ, то такой человѣкъ—несчастный уродъ.

— Но мнѣ кажется,—говоритъ сборщикъ податей,—что каждый человѣкъ непремѣнно долженъ жениться; иначе если мы всѣ будемъ жить цѣломудренно, то родъ людской прекратится.

Голубчикъ, зачѣмъ вы заботитесь о родѣ человѣческомъ? Позаботьтесь о себѣ; вѣдь вы только самого себя можете знать, зачѣмъ заботиться о томъ, что внѣ васъ. Оставьте это на волю Божію. Попробуйте жить цѣломудренно, не заботясь о другихъ, а заботясь о томъ, чтобы въ васъ, какъ въ частицѣ рода человѣческаго, было бы какъ можно больше любви, кротости, смиренія и тогда вы узнаете, что бракъ есть похотливое, затемняющее истину, порабощающее дѣло. И вмѣстѣ съ бракомъ всплываютъ различные семейные интересы, затемняющіе Божеское.

Появляется животная семейная любовь, стремящаяся стать выше любви братской. Поскольку человѣкъ отдается Богу, постольку узы семейныя отпадаютъ отъ него. Для него тогда—всѣ люди братья, всѣ дѣти одного отца, весь міръ домъ Божій.

— Если вы хотите жить цѣломудренно, то лучше всего поступить какъ скопцы, иначе очень трудно прожить.

— Нѣтъ, братъ, поступать, какъ скопцы, это значитъ уродовать свое тѣло, значитъ итти противъ воли Бога.

Да если человѣкъ и поступитъ какъ скопцы, то онъ все-таки не избавится отъ похотливыхъ мыслей. Не нужно уродовать своего тѣла, но надо отгонять отъ себя всѣ порочныя, похотливыя мысли и жить добромъ, хорошими мыслями.

Поговорили мы такъ, а потомъ меня отвели въ камеру.

Я сошелся съ однимъ городовымъ. Онъ принесъ мнѣ книгу профессора Тихомірова о безсмеріи души и евангеліе. Я сидѣлъ на бревнушкѣ на дворѣ и читалъ нагорную проповѣдь. Городовые и заключенные обступили и слушали. Я прочелъ первую заповѣдь Христа—«не сердись», вторую—«не блуди», третью—«не клянись вовсе», четвертую—«не противься злому» и пятую—«люби враговъ своихъ». Объяснилъ имъ. Они поняли меня и были очень взволнованы.

— Вотъ видите, — говорю я имъ, — какое было бы счастье построить жизнь на этихъ заповѣдяхъ.

— Да, только трудно, теперь не то время,—говорятъ они.

— Голубчики, чѣмъ же трудно? Вѣдь это только такъ кажется, потому что люди сжились съ соблазнами, но стоитъ только отрезвиться, вспомнить, кто мы, какое наше назначеніе и начать жить по заповѣдямъ Христа, неся по доброй волѣ его крестъ, тогда увидите, что бремя его не тяжко, но радостно и легко.

— Вотъ, Сережа, поступай къ намъ въ городовые,— говорятъ они. Теперь какъ разъ нужно одного, ты бы могъ много помочь намъ.

— Нѣтъ, спасибо, зачѣмъ же мнѣ поступать? Нужно имѣть въ виду крестъ. Кто чувствуетъ пустоту духовную, тому нужно что-нибудь внѣшнее. У кого креста нѣтъ въ душѣ, тотъ вѣшаетъ его на шею. Братьями надо быть, а не городовыми.

Такъ текла моя жизнь въ тюрьмѣ. Иногда мы пилили дрова на дворѣ. Отношеніе со всѣми очень хорошее. Заключенные дѣлятся всѣмъ, что имъ приносятъ. По вечерамъ городовые зовутъ меня въ казарму и угощаютъ чаемъ. Старшій изъ городовыхъ говоритъ:

— Вотъ, Сережа, страшное зло у насъ: почти всѣ городовые пьютъ водку, прямо не знаю что дѣлать.

— Одно, что вы можете дѣлать,—отвѣчаю,—это—не участвовать съ ними, не пить самому и разъяснять имъ вредъ водки. Вѣдь все это является вслѣдствіе душевнаго безпорядка. Привести въ порядокъ свою душу, жить по-Божьи и тогда не понадобится ни служить городовымъ, ни пить водку.

Иногда приходилъ «сборщикъ податей» и все обвинялъ Льва Николаевича, мнѣ же говорилъ:

— Трудно тебѣ, Сережа, будетъ жить такъ, какъ ты хочешь, ничего у тебя не выйдетъ, и радости не будетъ никакой, зачѣмъ ты изнуряешь себя, мясо не ѣшь?

— Голубчикъ, не заботься о моемъ тѣлѣ, я нисколько не изнуряю его; а только не хочу быть рабомъ своихъ потребностей, хочу освобождаться отъ лишнихъ желаній.

— Брось всю эту дурь, говоритъ онъ,—живи, какъ всѣ живутъ и ты будешь хорошимъ товарищемъ.

— Нѣтъ, я хочу итти за Христомъ,—говорю я.

Утромъ въ день освобожденья зовутъ меня къ приставу и спрашиваютъ:

— Ну, скажите же, какой вы губерніи, гдѣ ваша мамаша, чей вы сынъ, кто былъ вашъ отецъ?

Я ему отвѣтилъ, какъ раньше отвѣчалъ.

— Но какъ же мнѣ написать? Полицмейстеръ требуетъ. Иначе могутъ тебя судить и сослать куда-нибудь.

— Для христіанина,—отвѣчаю,—нѣтъ судовъ.

— Но кто же будетъ наказывать преступниковъ?

— По закону Христа надо не наказывать, а прощать. Противиться злу надо не зломъ, а добромъ, прощеньемъ. Зломъ нельзя пресѣчь зла. Все порождаетъ себѣ подобное. Зло порождаетъ зло, только добро можетъ уничтожить зло. Напримѣръ: людей развращенныхъ праздностью и дурнымъ сообществомъ сажаютъ въ самую полную праздность и въ самое дурное сообщество, въ тюрьму. Развѣ это исправляетъ?

— Не знаю, зачѣмъ его держатъ,—говоритъ приставъ.

— Вы же держите и городовые!

— Это полицмейстеръ приказалъ намъ тебя держать.

— Голубчики, вѣдь у полицмейстера только двѣ руки, два глаза, онъ самъ по себѣ. Какъ же онъ можетъ держать меня? Нѣтъ, вы держите. Откуда у полицмейстера столько рукъ, глазъ; все это ваши глаза, ваши руки. А главное, если вы своей совѣстью сознаете, что не за что меня держать, то зачѣмъ же вы дѣлаете противное своей совѣсти?

Чрезъ часъ зовутъ меня опять къ приставу.

Вхожу, вижу приставъ стоитъ у телефона и разговариваетъ съ полицмейстеромъ. Потомъ говоритъ мнѣ: вотъ тебя рѣшаютъ выслать въ Иркутскую губернію.

— Ну что же,—говорю,—вездѣ люди братья, весь міръ домъ Божій.

Приставъ передаетъ по телефону:

— Онъ говоритъ, что ему все равно, вездѣ люди братья.

Нѣкоторое время молчаніе. Потомъ полицмейстеръ

говоритъ что-то приставу, а онъ говоритъ мнѣ: «Куда ты хочешь, что бы тебя отправили?»

— Мнѣ все равно,—говорю я.

— Къ мамашѣ хочешь?

— Хорошо,—говорю я.

Приставъ говоритъ полицмейстеру: «онъ соглашается». Опять молчаніе. Потомъ полицмейстеръ говоритъ что-то приставу, а онъ мнѣ передаетъ: если ты нынѣ же выйдешь изъ Майкопа, то полицмейстеръ выпуститъ тебя.

— Хорошо, я пойду въ станицу,—говорю.

Меня отпустили. Приставъ на прощанье сказалъ:

— Сережа, вотъ возьми на хлѣбъ.

И даетъ серебряную монету.

— Нѣтъ, спасибо, говорю, я только что пообѣдалъ и мнѣ не нужны деньги».

Любопытно, что Сережа «прокладываетъ дорогу» другимъ въ дѣвственной чащѣ нашей «неволи жизни». Мнѣ разсказывали, что кто-то изъ такихъ же или подобныхъ Попову людей, отрекшихся отъ «прелестей земныхъ», прошелъ по тому пути, по которому шелъ братъ Сергѣй, «и попался въ руки тѣхъ же властей», у которыхъ побывалъ Поповъ. Когда онъ на вопросъ о паспортѣ заговорилъ знакомымъ языкомъ о томъ, что «міръ есть домъ Божій», «всѣ люди—братья». послѣдовалъ категорическій приказъ:

— Немедленно отпустить. Возни съ нимъ не оберешься, а въ итогѣ все равно ничего не получится...

Мнѣ передали объ одномъ случаѣ, характеризующемъ отношеніе брата Сергѣя къ «презрѣнному металлу». Кто-то, познакомившись съ Поповымъ и видя его бѣдность, прислалъ ему 200 р., не понявъ духовныхъ стремленій этого своеобразнаго аскета. Деньги были присланы анонимно, и Поповъ не могъ ихъ вернуть обратно. Тогда онъ пошелъ въ село, розыскалъ бѣдныхъ и роздалъ имъ всѣ деньги до копейки.

Знавшіе его мужики съ той поры уже перестали на него смотрѣть, какъ на «голь перекатную».

— Для Бога значитъ живетъ,—рѣшили они.

Въ свое время онъ не явился въ воинское присутствіе, и былъ признанъ уклоняющимся отъ воинской повинности.

Родные совѣтывали ему явиться въ присутствіе, чтобы положить конецъ своему нелегальному существованію. Но Сережа считаетъ такое дѣйствіе несогласнымъ съ своими убѣжденіями.

— Если меня поведутъ въ присутствіе, — говоритъ онъ,—я не буду противиться, но итти туда добровольно я считаю для себя невозможнымъ. Затѣмъ, если я и явлюсь въ присутствіе, то только для того, чтобы заявить, что я служить не буду...

Ему, конечно, хорошо извѣстны тяжелыя послѣдствія такого отказа, но онъ увѣренъ, что его убѣжденія «основаны на словахъ самого Христа»...

А. М. Бодянскій.

I.

Имя А. М. Бодянскаго очень популярно въ сектантскихъ кругахъ. Его знаютъ и на Сѣверномъ Кавказѣ въ молоканскихъ, толстовскихъ и баптистскихъ общинахъ. Извѣстенъ онъ и въ Канадѣ духоборцамъ. Знаетъ его Москва, Петербургъ, Харьковъ и другіе центры. Судьба на протяженіи продолжительной жизни связывала его имя съ именами Л. Н. Толстого, В. Г. Черткова, кн. Д. А. Хилкова и другихъ лицъ, съ которыми у насъ соединено представленіе объ «исканіи Бога» внѣ церковныхъ предѣловъ.

Но А. М. Бодянскій любопытенъ и какъ самодовлѣющая личность, помимо всякаго отношенія къ сектантскимъ «именамъ», съ которыми онъ сталкивался въ своей жизни. Бодянскій самъ вождь, самъ крупная религіозно-философская личность, хотя онъ и не создалъ своей системы. Его свѣтлое моральное воздѣйствіе на окружающую среду не прошло безслѣдно.

Лишеніями, страданіями онъ купилъ себѣ свободу совѣсти и право простыхъ, искреннихъ отношеній къ Богу и людямъ. Онъ не былъ партійнымъ заговорщикомъ, но его характерная фигура съ упорнымъ отстаиваніемъ своего права мыслить такъ, какъ ему подсказываетъ совѣсть, являлась однимъ существованіемъ своимъ сильнымъ протестомъ противъ устарѣлыхъ, несвободныхъ формъ жизни.

Понятно, что вся жизнь его была каторгой, съ нашей точки зрѣнія. Въ обстановкѣ преслѣдованій обычно раз-

вивается жесткость сердца, воспитывается ненависть. Я видѣлъ людей, побывавшихъ на каторгѣ. Какъ бы примиренно они себя не настраивали, у нихъ всегда прорывались нотки сухости и ненависти къ гонителямъ. Помню, въ Томскѣ я познакомился съ поэтомъ С. С. Синегубомъ, теперь уже умершимъ. Это былъ рѣдкой души человѣкъ. Отбывалъ тяжелую каторгу, кажется по процессу 1881 года, но не сломился, а сохранилъ мягкое отношеніе къ людямъ. Но въ минуту откровенности, когда онъ вспоминалъ прошлое, или видѣлъ безотрадное настоящее, въ его нѣжной поэтической душѣ загорался недобрый огонь.

Вся жизнь Бодянскаго была каторгой. Но въ обстановкѣ лишеній онъ съумѣлъ воспитать удивительную незлобивость и мягкость. Религія, а не что-нибудь другое, дала ему крѣпкія, сильныя жизненныя крылья, съ которыми онъ оставался во всѣхъ обстоятельствахъ жизни кроткимъ, свѣтящимся и вѣрнымъ себѣ.

II.

Бодянскій происходитъ изъ богатой, помѣщичьей семьи Екатеринославской губерніи. Предки его были «служилыми людьми». Дѣдъ А. М. окончилъ коллегіумъ въ Харьковѣ. Отецъ и самъ А. М. окончили харьковскій университетъ. Отецъ былъ филологъ, товарищъ историка Костомарова, сынъ—юристъ.

Еще учась въ университетѣ и проводя каникулы у отца въ имѣніи, молодой Бодянскій замѣтилъ ту ужасную пропасль, которая лежала между помѣщиками и крестьянами-рабочими въ помѣстьи. Не существовало между ними не только никакого довѣрія, но была вѣчная вражда, заставлявшая помѣщика видѣть въ каждомъ рабочемъ своего врага, а рабочаго въ помѣщикѣ эксплоататора. Явленіе это обычное, объясняющееся ненормальностью самого факта—отдѣленія результатовъ труда отъ трудящагося человѣка. Бодянскій, какъ человѣкъ чуткій, впечатлительный, страдалъ отъ этого антагонима хозяина и работника. И

огда въ 1871 году умеръ его отецъ, оставивъ ему огромное—въ три съ половиной тысячи десятинъ—имѣніе, онъ задумалъ попробовать сгладить этотъ антагонизмъ. Западно-европейскія соціалистическія теоріи уже проникали въ то время и въ нашу глухую провинцію. Бодянскій былъ подъ вліяніемъ ихъ. Результатомъ всего этого: и чуткости, мягкости души и вліянія утопическаго соціализма—было образованіе имъ во своемъ помѣстьи «сообщества».

Его цѣлью было заинтересовать результатами труда самихъ трудящихся. Онъ выдѣлилъ для этого въ своемъ имѣніи 1000 десятинъ съ инвентаремъ и предложилъ крестьянамъ начать обработку этой земли на такихъ условіяхъ. Распоряжаться хозяйствомъ они будутъ вмѣстѣ: и крестьяне и помѣщикъ. Трудиться непосредственно крестьяне. Весь инвентарь, скотъ и сѣмена даетъ помѣщикъ. Продукты труда дѣлятся пополамъ между помѣщикомъ и крестьянами. Земля принадлежитъ помѣщику и юридическихъ правъ на нее крестьяне не имѣютъ. Конечно, «соціализмъ» въ такомъ проектѣ былъ небольшой. Но по тому времени и это было новаторствомъ, которое заставило обратить общее вниманіе на молодого помѣщика.

Несмотря на то, что предложеніе Бодянскаго было выгодно, крестьяне посмотрѣли на него подозрительно. Они привыкли отожествлять пановъ съ начальствомъ...

На «сообщество» откликнулось только нѣсколько человѣкъ, да и то изъ «голодранцевъ», какъ называли ихъ другіе крестьяне,—изъ людей неимущихъ. Сколько-нибудь имущіе остереглись. Вошедшіе же въ «сообщество» постепенно пропили данный имъ инвентарь, воловъ, орудія, посѣвной хлѣвъ, сдѣлали по хозяйству массу упущеній, и, въ концѣ концовъ, доведя хозяйство до полной бездоходности, разошлись.

Вся эта исторія сдѣлалась «притчей во языцѣхъ», возбудила массу насмѣшекъ.

Бодянскій былъ очень огорченъ неудачей. Крахъ мечты сильно подѣйствовалъ на него. Онъ продалъ свое имѣніе сестрѣ за безцѣнокъ и уѣхалъ изъ родного гнѣзда. Пере-

селился въ Харьковскую губернію, гдѣ у его матери было небольшое имѣніе, хуторъ Гремячій, въ 40 верстахъ отъ Харькова. Здѣсь онъ занялся садоводствомъ. На его переселеніе повліяли также нѣкоторыя семейныя обстоятельства.

Живя въ Гремячемъ, онъ познакомился съ толстовскимъ движеніемъ, тогда только что зарождавшимся.

Случилось это такъ.

Съ годъ Бодянскій жилъ въ полномъ уединеніи. Но его дальній родственникъ, Зимберскій, тоже помѣщикъ Волчанскаго уѣзда, притянулъ его къ общественной дѣятельности.

Бодянскій вошелъ въ кружокъ либеральныхъ мѣстныхъ дѣятелей и былъ выбранъ членомъ земской управы.

И вотъ на собраніяхъ этого кружка нерѣдко заходила рѣчь о крестьянской нуждѣ и средствахъ оказать крестьянамъ помощь.

— Я слыхалъ, что одинъ помѣщикъ, князь Хилковъ, уже оказалъ помощь,—заявилъ на одномъ изъ собраній молодой человѣкъ, податной инспекторъ.—Онъ отдалъ имъ всю свою землю, оставивъ себѣ десятинъ 50 или около того.

Всѣ присутствующіе были поражены этимъ извѣстіемъ. Но поразила ихъ не простота дѣла, а то, какимъ образомъ князь Хилковъ могъ оставить себѣ только 50 десятинъ, доходностью отъ которыхъ, по ихъ мнѣнію, нельзя удовлетворить самыхъ скромныхъ потребностей. Они забыли при этомъ, что милліоны русскихъ крестьянъ принуждены удовлетворять своимъ нуждамъ отъ доходности въ 20 разъ меньшаго количества земли.

Присутствующіе просили податного инспектора узнать мѣстожительство князя Хилкова, намѣреваясь посѣтить его и разузнать подробно о жизни этого «чудака».

На вторичномъ собраніи того же кружка, которое происходило у Бодянскаго въ Гремячемъ, податной инспекторъ заявилъ, что адреса кн. Хилкова онъ еще не узналъ, но узналъ другое, что верстахъ въ 20 отъ Гремячаго поселилась интеллигентаня колонія, исполняющая всѣ хозяйственныя работы собственными руками.

Это еще болѣе заинтересовало волчанскихъ либераловъ. Они просили Бодянскаго какъ можно скорѣе изслѣдовать это дѣло.

Поѣздка въ хуторъ Байрачный имѣла для Бодянскаго роковыя послѣдствія.

Вотъ какъ онъ самъ мнѣ разсказывалъ объ этомъ.

— «Съ дѣтства былъ я всегда религіознымъ, хотя отецъ мой былъ человѣкъ сомнѣвающійся. Онъ говѣлъ и вообще подчинялся всякимъ обрядовымъ требованіямъ православной церкви, но мнѣ хорошо помнится одна его фраза, брошенная въ отвѣтъ моей матери:—«Умрешь-сгніешь и всему человѣческому существуетъ конецъ».

Мать была болѣе религіозна, чѣмъ отецъ, и съ малыхъ лѣтъ внушала мнѣ страхъ къ Богу.

Лѣтъ съ десяти я уже самъ сталъ разбираться въ жизненныхъ вопросахъ, и для меня теперь очень удивительно, что атеистическія мысли никогда не проникали въ мое сознаніе, хотя я ихъ слыхалъ очень часто. Въ шестидесятыхъ годахъ они господствовали среди учащейся молодежи.

Юношей, въ 17—18-лѣтнемъ возрастѣ, когда высшіе жизненные вопросы всего интесивнѣй безпокоютъ сознаніе, я покончилъ на-долго съ этими вопросами, отдѣливъ религію отъ жизни. Для религіи я призналъ необходимымъ исполненіе церковныхъ обрядовъ, а для жизни — дѣятельность, согласная съ общественными условіями и личными влеченіями.

Вслѣдствіе этого у меня установились самыя обыденные жизненные взгляды и понятія и жизнедѣятельность моя до 40-лѣтняго возраста была самой обыденной, какъ мнѣ кажется,—не хуже и не лучше, чѣмъ у другихъ.

На Байрачномъ хуторѣ я нашелъ всю обстановку жизни совершенно новой. Поѣхалъ туда одинъ, безъ кучера. Когда въѣхалъ на дворъ было пустынно. Никто меня не встрѣтилъ.—Кто же привяжетъ и покараулитъ лошадь,—думалъ я. Пришлось привязать самому. Прошелся по двору—никого нѣтъ. А если кто и пройдетъ, то никакого вниманія мнѣ не оказываетъ. Прошелъ на мельницу. Стоитъ

повозка. Выходитъ изъ двери босоногій мужчина съ мѣшкомъ муки и кладетъ муку на телѣгу. А на меня опять никакого вниманія. Пришлось самому начать разговоръ.

— Для чего вы такъ одѣлись,—спросилъ я. Вѣдь вы же интеллигентъ, а не крестьянинъ?

— Такъ работать удобнѣе,—послѣдовалъ простой отвѣтъ.

— Для чего же вы работаете?

— Надо ѣсть.

— Кто у васъ здѣсь хозяинъ?

— У насъ нѣтъ хозяина.

Это меня совсѣмъ удивило.

— Какъ такъ? Долженъ же быть хозяинъ?

Для переустройства нужны хорошіе законы и тогда все будетъ хорошо, нуженъ порядокъ—такъ привыкъ думать я. А тутъ говорятъ:—хозяина у нихъ нѣтъ и не надо его. Какъ же такъ?

— Но у васъ никакого порядка не будетъ. Какъ же въ хозяйствѣ безъ порядка?

— У насъ распоряжается всякій, кто хочетъ. Хотите, будьте вы хозяиномъ!

— Но я чужой въ вашемъ хозяйствѣ,—отвѣтилъ я.

— У насъ нѣтъ чужихъ: кто къ намъ приходитъ, тотъ свой и можетъ у насъ жить.

Скоро пренебреженіе смѣнилось уваженіемъ и желаніемъ подражать. Все барское міровоззрѣніе мое было перевернуто вверхъ дномъ. Я очень дорожилъ своимъ имущественнымъ достаткомъ и положеніемъ, въ немъ одномъ видѣлъ источникъ своей безмятежной жизни. А они логично, авторитетно мнѣ говорили:

— «Важно вовсе не ваше имущественное положеніе. Важно, чтобъ у васъ съ людьми были чистыя отношенія. И когда вы создадите такія отношенія, то каждое жилище человѣческое будетъ вашимъ домомъ.»

Все чаще и чаще ѣздилъ гремяченскій баринъ на хуторъ Байрачный. Чуткая, впечатлительная душа его поняла

сущность опрощенія и потянулась къ нему, какъ лепестокъ цвѣтка къ солнцу.

Просвѣтленный, преображенный онъ испытывалъ такую внутреннюю радость отъ откровенія, какую не испытывалъ никогда ни прежде, ни послѣ.

Слухъ о толстовцахъ распространился. Къ нимъ стали пріѣзжать изъ Харькова и изъ другихъ мѣстъ. Иные съ искреннимъ желаніемъ «сѣсть на землю», другіе съ праздным любопытствомъ. Пріѣхалъ, между прочимъ, одинъ профессоръ. Ему сказали, что въ Байрачномъ интеллигентные люди хотятъ создать высоко-культурное хозяйство. Онъ ожидалъ встрѣтить образцово поставленную экономію, а нашелъ какое-то разореное гнѣздо. Подъ скирдами живутъ свиньи, все разгорожено. Приглядѣлся и сказалъ толстовцамъ на прощанье:

— Вы всѣ кандидаты въ сумасшедшій домъ.

Хозяйство въ Байрачномъ велось дѣйствительно плохо. Тамъ жили религіозно-нравственными интересами, а на экономическую сторону обращали мало вниманія.

Колонія была окружена врагами. Колонистамъ приходилось выдерживать враждебныя интриги мѣстнаго священника, урядника и другихъ лицъ. И крестьяне по наущенію дѣлали толстовцамъ всякія непріятности. Однажды бросили собаку въ колодезь. Крестьяне считали ихъ панами, поэтому иного отношенія, кромѣ враждебнаго, колонисты и не могли ждать отъ нихъ.

Конецъ колоніи былъ обычный для многихъ такихъ общежитій. Образовался расколъ среди колонистовъ. Идея братства и равенства нашла себѣ противовѣсъ въ слабостяхъ человѣческихъ. Въ колонію пріѣзжали люди полежать на солнцѣ, поѣсть и затѣмъ исчезнуть. Создавалось неравенство. Колонисты семейные поставили вопросъ:

— Надо упорядочить дѣло, мы не можемъ работать на лѣнтяевъ и тунеядцевъ.

Но другіе говорили:

— Мы собрались сюда не для веденія хозяйства. Хозяйство дѣло второстепенное, а главное—нужно создать чи-

стыя отношенія между людьми. На первомъ планѣ должны быть такимъ образомъ интересы братства, а не хозяйства.

Раздоръ дошелъ до того, что защитники порядка стали настаивать, чтобы вся земля перешла къ нимъ. Митрофанъ Алехинъ, наиболѣе популярный среди колонистовъ человѣкъ, сказалъ недовольнымъ:

— Если хотите порядка, заводите какой угодно порядокъ.

— Нѣтъ, ты намъ отдай землю!

Тогда Алехинъ ушелъ съ товарищами изъ Байрачнаго и землю передалъ оставшимся тамъ «защитникамъ порядка». Но недѣли черезъ двѣ послѣдніе явились къ Алехину и просили его принять хуторъ обратно. Оказывается, оставшіеся перессорились и даже поколотили другъ друга оглоблями. Митрофанъ Алехинъ сказалъ имъ:

— Я не вернусь. Уходите и вы оттуда, а землю отдайте крестьянамъ.

Тѣ такъ и сдѣлали. Разбрелись по разнымъ угламъ Россіи, а землей стали владѣть крестьяне безъ всякихъ документовъ. Владѣютъ они ею и теперь.

III.

А. М. Бодянскій уже не слѣдилъ за послѣдующей жизвью колоніи. Опрощеніе захватило его всего безъ остатка. Онъ сломалъ всю свою прежнюю жизнь и началъ осуществлять идеи толстовства. Прежде всего онъ отказался отъ земской службы. Такимъ образомъ, всего во всю свою долгую жизнь онъ служилъ одинъ мѣсяцъ.

Потомъ отказался отъ хозяйства и хотѣлъ отдать землю крестьянамъ. Но вопросъ этотъ былъ связанъ съ благосостояніемъ его семьи, поэтому въ дѣло вступились домашніе. Они не позволили отдать землю. Хозяйство перешло къ нимъ. Бодянскій могъ только уговорить ихъ отдать часть земли нѣкоторымъ, близкимъ къ нему, крестьянамъ. Самъ онъ одѣлся въ простое, крестьянское платье и проводилъ

время или въ Байрачномъ у толстовцевъ или ходилъ изъ деревни въ деревню и читалъ крестьянамъ книжки сочиненія Толстого въ изданіи «Посредника». Началъ проповѣдывать антицерковныя идеи. Часто ночевалъ въ полѣ, дѣ-нибудь въ стогу или подъ крестьянской телѣгой. Ходилъ въ лаптяхъ или прямо босикомъ.

На его «странности», а особенно на антицерковную проповѣдь не могли, конечно, не обратить вниманія. Отшатнулись отъ него прежніе знакомые и друзья-помѣщики. Превратился изъ друга во врага священникъ. Урядникъ писалъ доносъ за доносомъ. Священникъ предложилъ ему отказаться отъ «заблужденій».

— Иначе я тоже долженъ на васъ донести.

— Я не откажусь,—твердо заявилъ Бодянскій.

Тогда священникъ донесъ. И изъ консисторіи пришелъ запросъ:

— Давно ли Бодянскій совершалъ таинства и если не совершалъ, то почему?

Священникъ показалъ ему бумагу консисторіи. Бодянскій отвѣтилъ:

— Напишите, что не совершалъ давно, такъ какъ совершеніе считаю совершенно лишнимъ.

Послѣ этого вскорѣ явился къ нему, тоже когда-то хорошій знакомый, исправникъ и предложилъ ему ѣхать съ нимъ къ духовному слѣдователю въ сосѣднее село. Оказывается, надъ нимъ уже было снаряжено духовное слѣдствіе объ отпаденіи его отъ православія.

Бодянскій отказался ѣхать.

— Я не знаю никакого духовнаго слѣдователя. Если я ему нуженъ, пусть пріѣдетъ ко мнѣ.

Исправникъ уѣхалъ, но чрезъ нѣкоторое время вернулся и передалъ приказаніе.

— Если не поѣдете, я арестую и приведу силой.

Бодянскаго арестовали и препроводили въ с. Бабку, гдѣ ждало его духовное слѣдствіе. Когда его везли, сбѣжался народъ, окружили арестованнаго, съ любопытствомъ,

страхомъ, а нѣкоторые и съ сочувствіемъ смотрѣли на невиданное зрѣлище. Бодянскаго всѣ знали какъ помѣщика, а теперь онъ предъ ними—арестантъ!

— Вотъ ваше дѣло,—сказалъ ему духовный слѣдователь, подавая папку съ бумагами.

Бодянскій отстранилъ бумаги.

— Это не мое дѣло, а ваше.

Его попросили отвѣчать на вопросы. Онъ отказался. Слѣдователь началъ укорять его въ гордости, въ презрѣніи къ нему. Это подѣйствовало на Бодянскаго и онъ отвѣтилъ на нѣкоторые вопросы.

Въ то время огромное впечатлѣніе произвело слѣдующее обстоятельство. Извѣстный священникъ о. Буткевичъ, впослѣдствіи членъ Государственнаго Совѣта, издалъ стихотвореніе подъ названіемъ «Проклятье штундизму». По распоряженію тоже извѣстнаго харьковскаго архіепископа Амвросія стихотвореніе Буткевича раздавалось народу въ харьковскомъ каѳедральномъ соборѣ и во всѣхъ школахъ губерніи. Князь Хилковъ подъ каждомъ стихомъ написалъ сотвѣтствующій въ смыслѣ опроверженія текстъ изъ Евангелія и прислалъ въ такомъ видѣ стихотвореніе Бодянскому. Тотъ разработалъ идею кн. Хилкова и приписалъ къ стихотворенію убійственное послѣсловіе. Затѣмъ онъ покупалъ изъ епархіальной книжной лавки листки стихотворенія, переписывалъ съ своими добавленіями и въ такомъ видѣ распространялъ.

Объ этихъ добавленіяхъ духовный слѣдователь его и спросилъ:

— Вы ли это написали?

— Я,—признался Бодянскій.

Послѣ допроса онъ былъ отпущенъ съ нравоученіями и предостереженіями.

Но Бодянскій не измѣнилъ своей жизни и міровоззрѣнія. Попрежнему пропагандировалъ среди крестьянъ антицерковныя идеи и нисколько не заботился о томъ, что повлечетъ за собой такая пропаганда для него. Это было въ началѣ девяностыхъ годовъ.

Въ голодный годъ Бодянскій дѣятельно устраивалъ столовыя для голодающихъ крестьянъ. Но за нимъ слѣдили. По пятамъ его ходили. Однажды онъ пріѣхалъ въ одно село съ цѣлью устроить столовую. Къ нему явились урядникъ и волостной писарь.

— Зачѣмъ пріѣхалъ и что привезъ,—спрашиваютъ.

— Привезъ любовь и ею хочу накормить крестьянъ.

— Какъ такъ,—изумились тѣ,—кто же любовью кормитъ?

— Вы видѣли, что я пріѣхалъ сюда на бѣговыхъ дрожкахъ. Что я привезъ? Ничего. Я пріѣхалъ съ одной любовью и устраиваю столовую для голодающихъ. У васъ же, видимо, не было любви, такъ какъ хлѣбъ у богатыхъ лежалъ, а бѣднота пухла отъ голода. Отсюда ясно, что мы страдаемъ не отъ того, что у насъ нѣтъ хлѣба, а потому, что нѣтъ любви. Хлѣба же у насъ достаточно.

Эти простыя слова поразили крестьянъ.

Съ Бодянскимъ въ то время произошло много такихъ случаевъ, когда онъ, говоря съ крестьянами или сельскимъ начальствомъ, языкомъ совсѣмъ для нихъ новымъ, языкомъ терпѣнія и евангельской любви, изумлялъ и удивлялъ ихъ. Иныхъ этимъ привлекалъ къ себѣ. Нѣкоторые крестьяне остались съ нимъ почти на всю жизнь, сопутствовали его во многихъ его подневольныхъ скитаніяхъ и даже пострадали за тѣ религіозныя убѣжденія, которыя привилъ онъ имъ.

IV.

Въ 1892 году Бодянскому стало ясно, что приближается гроза. Въ февралѣ мѣсяцѣ былъ сосланъ кн. Хилковъ. Послѣ этой ссылки Бодянскій оставался недолго на свободѣ. Судьба вела ихъ обоихъ всю жизнь «на одной веревочкѣ». Вмѣстѣ ихъ ссылали и даже въ одни и тѣ же мѣста, вмѣстѣ и возвращали.

Чтобы подчеркнуть свой отказъ отъ церкви, Бодянскій нашелъ старинную икону своей бабушки, вышитую ея руками и отвезъ ее благочинному.

Объ этомъ донесли по начальству.

Въ маѣ мѣсяцѣ 1892 года приходскій священникъ Бодянскаго радостно передавалъ, что Бодянскаго скоро сошлютъ. Такъ, дѣйствительно, и случилось. Недѣли черезъ двѣ пріѣхалъ становой приставъ, арестовалъ Бодянскаго и отвезъ въ Волчанскъ. Чтобы проститься съ женой и дѣтьми и на все остальное, ему дали три часа. Этотъ арестъ произвелъ удручающее впечатлѣніе на семью Бодянскаго. Бодянскій же говорилъ:

— Это не только не худо, а, можетъ быть, даже и хорошо.

Въ волчанской тюрьмѣ онъ пробылъ недолго. Его переслали по этапу въ Бѣлгородскую тюрьму. Разстояніе между городами 100 верстъ онъ прошелъ пѣшкомъ. Съ нимъ въ партіи оказался толстовецъ Митрофанъ Алехинъ. Онъ попалъ въ тюрьму за то, что, будучи высланъ изъ предѣловъ Харьковской губерніи, возвратился самовольно въ Харьковъ. Третьимъ въ ихъ партіи былъ крестьянинъ. Предъ тѣмъ какъ итти ихъ выстроили на дворѣ тюрьмы. Тутъ же были два конвойныхъ солдата и офицеръ.

— Слушайте, преступники!—обратился къ арестантамъ офицеръ,—если вы будете бѣжать, то конвойный будетъ стрѣлять. Покажи патроны!

Конвойный щелкнулъ затворомъ ружья. Затѣмъ они поѣхали на телѣгѣ подъ начальствомъ одного солдата. Когда ѣхали по базару, торговки давали имъ дынь, арбузовъ, бѣлаго хлѣба. За городомъ конвойный ссадилъ ихъ съ телѣги и остался въ ней одинъ, арестанты же пошли пѣшкомъ.

Солдатъ имъ попался буйный. Обозамъ онъ кричалъ, чтобы сворачивали, дебоширствовалъ, накалывалъ на штыкъ арбузы съ бахчей. Алехинъ и Бодянскій старались его урезонить и такъ подѣйствовали, что на другой день онъ уже шелъ съ арестантами и бесѣдовалъ о Богѣ и душѣ...

Въ Бѣлгородѣ Бодянскаго и Алехина посадили въ общую камеру съ уголовными. Камера была маленькая, а сидѣло тамъ 36 душъ.

Бодянскій не могъ спать. Клопы осыпали его. Вонь,

духота, табачный дымъ, ругательства. Когда утромъ сѣли пить чай, каждый сидѣлъ около своего куска сахара и волкомъ смотрѣлъ на сосѣда,—какъ бы не укралъ сахара?

Стали знакомиться, разсказывать, за что ихъ посадили въ тюрьму. Въ камерѣ оказались воры, убійцы, насильники. Разсказывали съ циничной откровенностью и наглымъ смѣхомъ. Дошла очередь до Бодянскаго и Алехина.

— А васъ за что?

— Вотъ за это.

Показываютъ на евангеліе.

— Разсказывайте! Мы всѣ тутъ честные!..

Бодянскій передалъ о своемъ дѣлѣ.

Долго слушала притихнувшая шпанка разсказы сектантовъ. Къ концу дня въ камерѣ нельзя уже было услыхать браннаго слова. Стыдились даже курить. Вечерній чай уже пили въ общей группѣ весело, спокойно.

На другой день товарищъ прокурора приказалъ удалить отъ Бодянскаго и Алехина всѣхъ уголовныхъ. Сектанты остались одни. Скоро Алехина отправили въ Полтаву, Бодянскій остался одинъ. Гулять по двору его водили въ одной партіи съ каторжниками. Пробылъ онъ здѣсь около мѣсяца. Жена его между тѣмъ хлопотала, чтобы ей отдали мужа на поруки. Хлопоты увѣнчались успѣхомъ. Мѣсяцъ онъ просидѣлъ подъ домашнимъ арестомъ. А потомъ его отправили въ ссылку въ Закавказье. Туда же ранѣе былъ отправленъ и кн. Д. А. Хилковъ.

V.

А. М. Бодянскій отправился въ ссылку со всей своей многочисленной семьей. Съ нимъ поѣхали и четверо крестьянъ, которые не хотѣли оставлять его. Всю колонію провожалъ до Тифлиса полицейскій чинъ.

Въ Тифлисѣ Бодянскій узналъ, что его назначили въ Игдыръ около Арарата. Онъ справился у людей, знающихъ Игдыръ, что это за мѣстность. Оказалось, что хуже выбрать было трудно: климатъ убійственный, масса моски-

товъ. Тогда Бодянскій началъ хлопотать передъ главноначальствующимъ графомъ Шереметьевымъ о перемѣнѣ мѣста ссылки. Хлопоты увѣнчались успѣхомъ. Ему назначили для ссылки одну изъ самыхъ лучшихъ въ климатическомъ отношеніи губерній—Кутаисскую.

Ссылка кн. Хилкова и Бодянскаго произвела глубокое впечатлѣніе на лицъ, идейно близкихъ къ нимъ. А ихъ имена и вліяніе къ тому времени распространились очень широко. Въ самыхъ отдаленныхъ отъ Харьковской губерніи мѣстахъ знали ихъ. Поэтому, какъ только узнали о ихъ ссылкѣ въ Закавказьѣ, стали наѣзжать и селиться съ ссыльными уже добровольно и другіе сектанты. Образовалось въ нѣкоторомъ родѣ паломничество. Такъ изъ Тверской губерніи пріѣхали Скороходовы, потомъ братья Прокопенко, Дудченко, Гастевъ и многіе другіе.

Всѣ эти лица, какъ равно и кн. Хилковъ и Бодянскій, не были толстовцами въ узкомъ сектанскомъ смыслѣ этого слова. Конечно, всѣ они любили Л. Н. Толстого и по духу своего религіознаго міропониманія были близки къ нему, но въ нѣкоторыхъ пунктахъ и расходились. Они были каждый съ «своей религіей». Ихъ колоніи не были сектами съ опредѣленнымъ религіознымъ міропониманіемъ. Тамъ соединялись лица разныхъ оттѣнковъ раціоналистическаго сектанства. Каждый носилъ Бога въ своей душѣ и понималъ его, какъ Совѣсть,—это одно чувство и объединяло ихъ. Братское отношеніе другъ къ другу было однимъ условіемъ ихъ общежитія.

Бодянскій бывалъ у Л. Н. Толстого; какъ разъ передъ ссылкой онъ былъ у него въ Ясной Полянѣ. Знакомъ былъ и съ его міровоззрѣніемъ. Но его привлекали не писанія Толстого, а его соха, т.-е. то, что онъ опростился... Этотъ фактъ произвелъ на него неотразимое впечатлѣніе.

Колонія Бодянскаго рѣшила «сѣсть на землю». Облюбованъ и купленъ былъ участокъ земли въ роскошной долинѣ Ріона, въ 30 верстахъ отъ Кутаиса. Тропическая растительность, гирлянды розъ, лавры. Среди жителей

встрѣчались русскіе—когда-то сосланные сюда сюнцы. Колонисты увлеклись красотой мѣста, но не обратили вниманія, что около ихъ участка стоитъ валъ изъ песку въ 5 саженъ вышиной. Впослѣдствіи этотъ валъ, оказавшійся цѣлой косой на берегу Ріона, подъ напоромъ вѣтра сталъ перемѣщаться и какъ разъ въ сторону ихъ участка. Но объ этомъ узнали они только тогда, когда поселились здѣсь съ семьями и построились. Вскорѣ же оказалось и другое—они попали въ самую лихорадочную мѣстность. Первый заболѣлъ Бодянскій, за нимъ другіе. На ногахъ оставались только двое изъ всей колоніи.

Какъ только немного поправились—начали искать новое мѣсто для поселенія. Семья Бодянскаго уѣхала въ Нальчикъ, а онъ съ другими переѣхалъ въ Кутаисъ. Землю бросили. Въ это время—въ 1894 году—начались на Кавказѣ духоборческія волненія. Прежде всего они проявились въ той мѣстности, гдѣ жилъ кн. Д. А. Хилковъ. Нужно сказать, что князь производилъ на духоборовъ глубокое впечатлѣніе. Они его любили. Въ спорахъ съ молоканами они доказывали свою религіозную правоту, между прочимъ, такъ:

— Къ вамъ Богъ не послалъ ангела, а къ намъ послалъ—Дмитрія Александровича Хилкова.

Знали духоборы и Бодянскаго. Нѣкоторые состояли съ нимъ въ перепискѣ. Его они считали, такъ же, какъ и кн. Хилкова, своимъ единомышленникомъ.

Въ 1895 году 4500 духоборческихъ семействъ послѣ волненій и тяжелыхъ испытаній были разселены въ наказаніе по ауламъ. Но связь ихъ съ Бодянскимъ съ этого не порвалась. Къ нему въ Кутаисъ они ѣздили тайно. Однажды двухъ духоборовъ, пріѣхавшихъ къ Бодянскому, арестовали.

У начальства было основаніе думать, что кн. Хилковъ и Бодянскій причастны къ духоборческимъ безпорядкамъ. Ихъ прямо называли людьми, старавшимися произвести возмущеніе среди духоборцевъ. Въ дѣйствительности, причины волненій лежали глубже—онѣ заключались не въ

кн. Хилковѣ и Бодянскомъ и даже не въ Толстомъ, какъ думали тогда. Причины въ отношеніяхъ къ духоборцамъ тамошней администраціи, которая подошла къ сектантамъ съ своей точкой зрѣнія, съ своимъ съ жизненнымъ шаблономъ и столкнулась съ тѣмъ особымъ строемъ жизни, который создался у духоборцевъ подъ вліяніемъ ихъ религіозныхъ вѣрованій. Духоборцы, конечно, возстали съ протестомъ противъ разрушенія строя ихъ жизни и посмотрѣли на Толстого, кн. Хилкова и Бодянскаго, какъ на своихъ союзниковъ и многому отъ нихъ научились.

Но власть смотрѣла иначе и видѣла въ этихъ трехъ лицахъ подстрекателей. Въ частности, Бодянскій вооружилъ противъ себя кутаисское начальство своимъ отношеніемъ къ нему. Когда онъ явился первый разъ въ Кутаисъ, полицейскій чиновникъ пришелъ къ нему на квартиру и предложилъ «заполнить рубрики» въ одной бумагѣ. Бумага эта, между прочимъ, спрашивала, «какой вѣры» допрашиваемый. Бодянскій написалъ на этой графѣ: «по дѣламъ своимъ». Чиновникъ прочелъ и возмутился.

— У насъ есть православные, католики, лютеране. Какое право вы имѣете писать глупости въ офиціальной бумагѣ?

— Названій у насъ много,—отвѣчалъ Бодянскій,—а вѣра одна: кто какъ вѣритъ, такъ и поступаетъ...

— Какой же я по-вашему вѣры,—спросилъ любопытный чиновникъ.

— Вы гдѣ служите?

— Въ полиціи.

— Ну, значитъ и вѣры вы полицейской...

Чиновникъ довелъ объ этомъ до свѣдѣнія высшаго начальства.

У Бодянскаго въ связи съ этой оффиціальной рубрикой было много осложненій. Иногда онъ писалъ: «никакой вѣры». Тогда его считали атеистомъ.

— Моя вѣра дѣло моей совѣсти, кто можетъ залѣзать ко мнѣ въ душу?—говорилъ онъ обычно, когда его спрашивали, почему онъ дѣлаетъ такія отмѣтки въ бумагахъ.

Одинъ вопросъ: «какой вѣры» — ему казался всегда насиліемъ.

Въ документахъ его дѣтей самыя странныя отмѣтки о вѣроисповѣданіи: «родители толстовскаго толка», «родители духоборскаго вѣроисповѣданія» и т. п.

VI.

Въ 1895 году Бодянскій жилъ въ Кутаисѣ. Однажды ночью къ нему постучались. Бодянскій предчувствовалъ, что будетъ обыскъ и за минуту передъ нимъ спряталъ подъ подушку жены списокъ лицъ, съ которыми велъ переписку. Вошла полиція и прямо направилась къ постели жены Бодянскаго. Но подъ подушкой ничего не оказалось: бумага уже успѣла перейти подъ подушку ребенка. Такъ списокъ и не попалъ въ руки полиціи, иначе бы кромѣ Бодянскаго поплатилось много другихъ лицъ.

У Бодянскаго при обыскѣ конфисковали Дарвина и четыре тома Брэма. Затѣмъ его арестовали. А вечеромъ отправили съ поѣздомъ въ Батумъ. За что его взяли и куда везутъ, онъ не зналъ. Ему не сказали. Въ Батумѣ онъ пробылъ въ тюрьмѣ до прихода парохода. Затѣмъ его посадили на пароходъ и отправили въ Одессу. И во время этого длиннаго путешествія онъ не зналъ, куда его везутъ. Въ Одессѣ онъ пробылъ день въ жандармскомъ отдѣленіи. А вечеромъ снова путешествіе по желѣзной дорогѣ неизвѣстно куда. Его везли мѣстами, по которымъ онъ никогда въ своей жизни не ѣздилъ—по Полѣсью. Тутъ впервые онъ испугался. Неизвѣстность, продолжающаяся уже недѣлю, его пугала. Времена были тяжелыя, побѣдоносцевскія, и Бодянскій внушилъ себѣ, что его везутъ въ Соловки или въ Суздальскій монастырь, чтобы запереть въ монастырскій казематъ навѣчно. Онъ умолялъ сопровождавшаго его жандарма сказать: «Куда его везутъ». Но тотъ, видимо, получилъ приказаніе не отвѣчать на этотъ вопросъ, такъ какъ любопытства своего арестанта не удовлетворялъ. Наконецъ, они пріѣхали въ Ригу. Бодянскій удивился той

торжественности, съ которой его встрѣтило тамошнее начальство, видимо заранѣе извѣщенное о его пріѣздѣ. Цѣлая толпа жандармовъ составила его почетный конвой. Съ вокзала повезли его прямо въ жандармское управленіе. Тамъ уже засѣдалъ ареопагъ подъ предсѣдательствомъ старичка, начальника жандармскаго управленія. Жандармъ, привезшій Бодянскаго въ Ригу, привезъ пакетъ съ бумагами о немъ. Когда старичокъ вскрылъ пакетъ, то разочарованно произнесъ:

— Да онъ не политическій!

Сразу же пропала вся торжественность. Старичокъ оказался очень милымъ и добрымъ человѣкомъ и отпустилъ его безъ провожатаго погулять по Ригѣ. Потомъ Бодянскій поѣхалъ къ губернатору. Тотъ, оказывается, зналъ его и подалъ ему руку, какъ знакомому. Это очень поразило Бодянскаго, не привыкшаго къ такимъ отношеніямъ начальства. Когда заговорили о мѣстѣ ссылки, то офицеръ, сопровождавшій Бодянскаго къ губернатору, назвалъ островъ Эзель, какъ мѣсто, уже приготовленное для ссыльнаго. Но губернаторъ счелъ лучшимъ отправить Бодянскаго въ городокъ Лемзель. Какъ разъ въ Ригѣ въ то время пребывалъ уѣздный начальникъ этого маленькаго городка. Съ нимъ Бодянскій и отправился къ мѣсту своей ссылки.

Уѣздный начальникъ понялъ Бодянскаго, какъ очень важнаго преступника, поэтому телеграфировалъ въ городъ о своемъ пріѣздѣ. На вокзалѣ ихъ ожидалъ весь городъ. Горожане своеобразно объяснили посылку къ нимъ Бодянскаго: какъ особую честь, оказанную имъ. Послѣ пріѣзда къ нему явилась депутація маленькихъ дѣвочекъ въ бѣленькихъ платьицахъ. Онѣ вручили ему цвѣты. О Бодянскомъ стали ходить легенды: будто онъ по меньшей мѣрѣ князь или графъ. Всѣ снимали предъ нимъ шапки, когда онъ проходилъ. Какъ онъ ни увѣрялъ, что онъ самый простой смертный и вовсе не политическій, ему не вѣрили. Тогда онъ, чтобы разрушить иллюзію, началъ мести съ дворниками улицы. Но это только укрѣпило въ горожа-

нахъ увѣренность, что онъ князь.—«Притворяется,—извѣстно, князь». Они посмотрѣли на метенье, какъ на чудачества избалованнаго человѣка.

Но почетъ не мѣшалъ полиціи зорко слѣдить за ссыльнымъ. Хотя его не безпокоили и жилось ему сравнительно съ Кутаисомъ хорошо, но всѣ попытки его сблизиться съ крестьянами не имѣли успѣха, благодаря постороннему вмѣшательству. Письма, адресованныя на его имя, прочитывались. Письма духоборцевъ ему не передавались, а задерживались. Однажды одинъ духоборецъ прислалъ Бодянскому простое письмо и «для вѣрности» вложилъ въ него рубль. Уѣздная администрація, вскрывъ конвертъ, письмо задержала и представила по начальству, а рубль отдала Бодянскому. Но губернское начальство распорядилось наоборотъ: письмо отдало Бодянскому, а рубль конфисковало.

Немного позже Бодянскаго былъ присланъ изъ Закавказья въ сосѣднюю Эстляндскую губернію и кн. Хилковъ. Онъ поселился въ Вейзенштейнѣ. Три года прожили они въ Прибалтійскомъ краѣ. Когда духоборы переселились въ Америку, они подали прошеніе о разрѣшеніи уѣхать вмѣстѣ съ ними изъ Россіи. Имъ разрѣшили, но съ условіемъ никогда не возвращаться на родину. Кн. Хилковъ уѣхалъ раньше Бодянскаго на нѣсколько мѣсяцевъ. Бодянскій въ 1898 году отправился вмѣстѣ съ сыномъ прямо въ Лондонъ. До Вержболова ихъ препровождалъ жандармъ. На границѣ, когда паспорта всѣхъ пассажировъ были переданы нѣмецкому офицеру, русскій офицеръ, передававшій этотъ документъ, сказалъ нѣмцу о Бодянскомъ:

— А книжку этого господина я оставляю у себя по приказанію своего начальства.

Нѣмецъ запротестовалъ.

— Вы на нѣмецкой территоріи, а здѣсь всѣ равны и въ отношеніи паспортовъ не можетъ быть исключеній.

— Если такъ, то вотъ что... получайте!

Русскій офицеръ вырвалъ изъ книжки Бодянскаго ли-

стокъ, на которомъ отмѣчается возвращеніе въ Россію и отдалъ книжку.

Въ Лондонѣ Бодянскій съ сыномъ сначала поселились у г. Буланже, а потомъ переѣхали къ В. Г. Черткову, гдѣ нашли радушный пріемъ. Бодянскій дожидался присылки денегъ изъ Россіи, чтобъ отправиться въ Америку.

Бодянскаго, кн. Хилкова и другихъ видныхъ вожаковъ сектанства всегда сопровождала или была съ ними въ постоянной перепискѣ группа крестьянъ. Эти простые люди, по большей части, привязывались къ нимъ потому, что «получали черезъ нихъ свѣтъ истинной жизни». Были они церковниками, а путемъ бесѣдъ съ кн. Хилковымъ и Бодянскимъ вышли на дорогу широкаго религіознаго міровозрѣнія и сохранили съ ними навѣкъ дружескія отношенія. Естественно, что кары, постигавшія Бодянскаго и кн. Хилкова, отражались и на крестьянахъ. Ихъ постигла тяжелая участь: нѣкоторыхъ сослали въ Сибирь, часть ихъ тамъ умерли отъ невозможныхъ условій жизни, иныхъ выслали въ сѣверныя губерніи, нѣкоторыхъ въ Польшу. Сосланные въ Польшу бѣжали. Они купались въ рѣкѣ, составляющей границу съ Пруссіей. Во время купанья переплыли на прусскій берегъ. Послѣ карантина имъ купили билеты до Лондона. Они пріѣхали туда, но потеряли дорогой адресъ Бодянскаго и попали въ тяжелое положеніе. Должны были работать, чтобы ѣсть, и нанялись къ такому хозяину, который эксплоатировалъ ихъ. Какъ-то случайно они узнали о существованіи въ Лондонѣ русской библіотеки. Тамъ имъ указали адресъ В. Г. Черткова. Чертковъ ихъ розыскалъ. Двое изъ этихъ крестьянъ остались въ Лондонѣ, а двое отправились въ Америку съ духоборцами.

Духоборцы въ это время готовились отплыть изъ Батума. Старшій сынъ Бодянскаго, съ которымъ А. М. пріѣхалъ въ Лондонъ, вмѣстѣ съ изслѣдователемъ русскаго сектанства Бончъ-Бруевичемъ поѣхалъ ихъ встрѣтить. Но въ Константинополѣ оба они были неожиданно арестованы русскими агентами. Пока они были на

англійскомъ пароходѣ, ихъ не трогали. Но какъ только высадились на берегъ, ихъ арестовали. Матросы, привезшіе ихъ на шлюпкѣ, видѣли картину ареста, пріѣхали къ своему капитану и разсказали. Англичанинъ-капитанъ потребовалъ именемъ своего правительства освободить арестованныхъ. Ихъ освободили. Они остались въ Константинополѣ, ожидая духоборцевъ; въ Батумъ не поѣхали, боясь репрессій. Когда духоборцы пріѣхали въ Константинополь, молодой Бодянскій и Бончъ-Бруевичъ хотѣли сопровождать ихъ до Америки. Бодянскій пошелъ въ русское консульство визировать паспортъ и тамъ былъ вновь арестованъ. На этотъ разъ его спасло заступничество англійскаго консула. Его освободили по требованію этого консула. Онъ и Бончъ-Бруевичъ уѣхали съ духоборцами.

Кромѣ нихъ съ духоборцами поѣхали: гр. С. Л. Толстой, старшій сынъ Льва Николаевича, кн. Д. А. Хилковъ, Хирьякова, Величкина, англійскій капитанъ индійской арміи Сенъ-Джонъ, г-жа Карузо съ о. Кипра, теперешній помощникъ режиссера московскаго художественнаго театра Л. А. Суллержицкій и др.

VII.

Чрезъ три мѣсяца послѣ того, какъ духоборцы прибыли въ Америку, могъ выѣхать туда и А. М. Бодянскій. Поселился онъ въ гор. Юрктонѣ, одномъ изъ духоборческихъ центровъ.

Въ это время среди духоборцевъ чувствовалась сильная матеріальная нужда. Они еще не приспособились къ новымъ условіямъ труда и страдали. Необходима была сторонняя помощь. Бодянскій сталъ дѣятельнымъ членомъ комитета помощи, который изыскивалъ средства. Жилъ Бодянскій съ другими пятью харьковцами одно время въ с. Каменкѣ. Тамъ духоборцы выстроили имъ домъ. Чтобы питаться и не быть въ тягость духоборцамъ, они ходили на черную поденную работу на желѣзную дорогу. Бодянскій, между прочимъ, ходилъ копать корешки. Но больше всего ему приходилось быть въ городѣ Юрктонѣ по дѣламъ духоборцевъ. Бодян-

скій велъ переговоры съ канадскимъ правительствомъ отъ имени духоборцевъ, улаживалъ отношенія, ѣздилъ въ Калифорнію, осматривалъ тамъ вмѣстѣ съ другими ходоками землю, годную для обработки и поселенія духоборцевъ, вообще былъ интеллигентнымъ представителемъ духоборцевъ своего района. Онъ прожилъ тамъ три съ половиной года до 1901 года. Въ 1901 году начались смуты и несогласія между духоборцами и канадскимъ правительствомъ и онъ долженъ былъ покинуть Америку и уѣхать въ Швейцарію. Канадское правительство обвиняло его, что онъ сознательно препятствовалъ тому, чтобы духоборцы слились съ общимъ укладомъ канадской жизни. Между тѣмъ, А. М. Бодянскій выражалъ только мысль и духъ самихъ духоборцевъ, придавая ихъ мыслямъ письменную форму. Такъ, отъ имени духоборцевъ онъ написалъ и послалъ «Посланіе ко всѣмъ народамъ», гдѣ протестовалъ противъ государственной регламентаціи частной жизни людей. Имъ же былъ составленъ «маленькій духоборческій катихизисъ», въ которомъ изложено ученіе духоборцевъ. Этотъ катихизисъ подъ названіемъ «Азбука жизни христіанской» послужилъ поводомъ къ образованію особаго толка среди духоборцевъ—толка «свободниковъ», которые проповѣдывали полное освобожденіе человѣка отъ неестественныхъ условій культуры.

Обвиненія, выставленныя противъ Бодянскаго, заставили его уѣхать въ Швейцарію. Изъ Женевы Бодянскій подалъ прошеніе министру Сипягину съ ходатайствомъ о возвращеніи въ Россію. Очень соскучился по родинѣ и семьѣ. Но на прошеніе получилъ отказъ. Когда министромъ сталъ В. К. Плеве, Бодянскій вновь подалъ прошеніе о возвращеніи. На этотъ разъ результатъ былъ благопріятный: Плеве разрѣшилъ, но поставилъ условіемъ, чтобы Бодянскій непремѣнно ѣхалъ въ ссылку въ Лемзель, и лишь по дорогѣ заѣхалъ въ Харьковъ къ семьѣ на три дня. Но въ Харьковѣ онъ засталъ жену больной и, когда прошло три дня, отказался выѣхать:

— Я не могу бросить больную. Дѣлайте со мной, что хотите.

Губернаторъ кн. Оболенскій сочувственно отнесся къ нему и посовѣтывалъ послать телеграмму министру съ просьбой оставить его въ Харьковѣ. Министръ разрѣшилъ остаться. Это было осенью 1903 года, а въ мартѣ 1904 года на Бодянскаго вновь «обратили вниманіе». Въ это время послѣдовалъ указъ о сектантахъ, направленный къ ограниченію ихъ въ правахъ. Бодянскій уговорилъ группу сектантовъ отправиться къ мѣстному губернатору съ просьбой объ отмѣнѣ ограниченій. Онъ написалъ имъ письмо, въ которомъ была изложена просьба. Письмо было таково по содержанію, что одиннадцать сектантовъ, подавшихъ его губернатору, были немедленно арестованы. О Бодянскомъ началось слѣдствіе, какъ о подстрекателѣ. Онъ былъ назначенъ въ административную ссылку въ Архангельскую губернію. Ему дали только три дня срока для того, чтобы привести свои дѣла въ порядокъ. Онъ какъ-то оттянулъ выѣздъ на двѣ недѣли. Въ это время былъ убитъ В. К. Плеве. А кн. Святополкъ Мирскій, замѣститель его, пересмотрѣвъ дѣло Бодянскаго, освободилъ его отъ наказанія.

Когда начались волненія крестьянъ, онъ съ грустью увидалъ, что руководство движеніемъ переходитъ къ соціалъ-демократамъ. Онъ не ожидалъ этого. Думалъ, что крестьянство пойдетъ своей дорогой. Началъ горячо убѣждать крестьянъ, живущихъ около его хутора, что нужно получить права, а не отнимать землю у помѣщиковъ. Онъ составилъ отъ двухъ волостей къ министру прошеніе, въ которомъ разъяснялъ, отъ чего у насъ безпорядокъ и что нужно для того, чтобы былъ порядокъ. Въ этомъ письмѣ Бодянскій говорилъ о безправіи крестьянъ. Назначилъ на 20 ноября 1905 года съѣздъ крестьянъ. На этомъ съѣздѣ хотѣлъ указать, что главнымъ образомъ нужно не матеріальное обезпеченіе на счетъ помѣщичьей земли, а измѣненіе отношеній (равноправіе, упраздненіе крестьянскаго сословія). Но съѣздъ не состоялся, Всѣ его усилія предотвратить варварское движеніе крестьянъ было безуспѣшно. 26-го ноября начались въ губерніи погромы и пожары. У Бодянскаго сожгли сарай.

Въ началѣ января 1906 года у него былъ произведенъ обыскъ. Послѣ обыска его арестовали и посадили въ харьковскую тюрьму. Это было обычнымъ въ то время способомъ изоляціи «подозрительныхъ людей». Брали только затѣмъ, чтобы на время отъединить отъ другихъ людей. Тюрьма, куда посадили Бодянскаго, была полна. Въ ней уже сидѣли 208 человѣкъ харьковской интеллигенціи. Сидѣлъ профессоръ Гредескулъ, впослѣдствіи членъ Государственной Думы, адвокатъ Шидловскій, Куликовъ, Раппъ, извѣстный Антонъ Щербакъ, два брата Коршуны и др.

Просидѣлъ Бодянскій мѣсяцъ. Просидѣлъ, какъ онъ говорилъ, «съ удовольствіемъ». Въ тюрьмѣ устраивались рефераты, митинги, было шумно и интересно. Ни разу его не допрашивали. Онъ не спрашивалъ ни о томъ, за что его взяли, ни о томъ, почему освободили.

Выйдя изъ тюрьмы, онъ въ скоромъ времени на средства богатаго молоканина П. А. Мазаева началъ издавать еженедѣльную газету: «Народное Слово». Сначала онъ сдѣлалъ заявленіе на газету подъ названіемъ «Народная Воля». Но отвѣта отъ администраціи не послѣдовало. Бодянскій явился лично къ генералъ-губернатору Пѣшкову. Администраторъ объяснилъ ему, что «въ Россіи нѣтъ воли народной, есть воля Государя, который правитъ народомъ». Бодянскій сказалъ, что перемѣнитъ названіе.

— А какое ваше направленіе? — спросилъ генералъ-губернаторъ Пѣшковъ.

— Направленіе моихъ понятій.

— А каковы ваши понятія? Что вы думаете, напримѣръ, о террористическихъ убійствахъ со стороны революціонеровъ?

— Думаю, что это очень дурно.

— А что вы скажете объ отношеніи власти къ революціонерамъ?

Бодянскій не одобрилъ и этихъ отношеній.

— Мы съ вами не сойдемся,—окончилъ аудіенцію генералъ Пѣшковъ.

«Народное Слово» такъ и не увидало читателей изъ пу-

блики. Пять напечатанныхъ номеровъ были конфискованы одинъ за другимъ. Послѣ пятаго номера изданіе было прекращено.

Но такъ какъ у газеты все-таки было нѣсколько мѣсячныхъ подписчиковъ, то Бодянскій, чтобъ удовлетворить ихъ, задумалъ посылать имъ брошюры Толстого изданія «Обновленія»: «Солдатскую и офицерскую памятки» и др. Его привлекли къ отвѣтственности за распространеніе между воинскими чинами брошюръ, возбуждающихъ къ неповиновенію власти. На судѣ онъ призналъ себя виновнымъ въ томъ, что «признаетъ ученіе Христа».

Его присудили къ 6 мѣсяцамъ тюрьмы. Это было въ 1908 году, когда Россія готовилась праздновать 80-лѣтній юбилей Л. Н. Толстого. Бодянскій написалъ Льву Николаевичу письмо, въ которомъ высказывалъ ту мысль, что самымъ лучшимъ празднованіемъ его юбилея было бы, если бы его юбиляра посадили въ тюрьму. Самъ А. М. Бодянскій явился въ день юбилея Толстого къ прокурору и просилъ посадить его, чтобы начать отбывать судебное наказаніе. Но тюрьмы были всѣ переполнены. Бодянскій могъ сѣсть только въ декабрѣ мѣсяцѣ. Просидѣлъ онъ 2½ мѣсяца. Ходатайство и хлопоты о немъ Л. Н. Толстого, П. А. Успенскаго и жены увѣнчались успѣхомъ, его выпустили до срока.

Послѣ закрытія «Народнаго Слова» Бодянскій началъ издавать книги о духоборцахъ. Первыя двѣ книги были конфискованы. За первый выпускъ онъ получилъ три мѣсяца тюрьмы или 2000 руб. штрафа. Но министръ П. А. Столыпинъ, которому Бодянскій обжаловалъ распоряженіе харьковской администраціи, снялъ наказаніе; просила объ этомъ жена. Эта отмѣна задѣла самолюбіе генерала Пѣшкова. Онъ выслалъ Бодянскаго въ 24 часа изъ Харькова, давъ ему проходное свидѣтельство. Бодянскій пріѣхалъ въ Москву. Но въ тотъ же день его попросили о выѣздѣ изъ столицы. Онъ отправился къ градоначальнику генералу Рейнботу. Объяснилъ ему, что терпитъ за изданіе религіозныхъ книгъ. Градоначальникъ, выслушавъ, далъ ему свободу проживанія въ Москвѣ.

Такимъ образомъ, Бодянскій былъ административно высланъ въ Москву, гдѣ прожилъ четыре мѣсяца-до снятія военнаго положенія въ Харьковѣ.

Послѣ тюрьмы по дѣлу «Народнаго Слова» онъ переселился со своей семьей въ Майкопъ, Кубанской области. Недалеко отъ города расположены интеллигентныя земледѣльческія колоніи, въ которыхъ живутъ его друзья. Къ нимъ ближе онъ и хотѣлъ поселиться.

VIII.

Я познакомился съ А. М. Бодянскимъ въ Майкопѣ въ концѣ 1909 года. Онъ былъ владѣльцемъ книжнаго магазина, только что начавшаго функціонировать. Я бывалъ въ его магазинѣ и всегда думалъ, какъ не гармонируетъ съ магазинной обстановкой этотъ человѣкъ съ длинной, «русской» сѣдой бородой и ласковыми, молодыми глазами на пріятномъ русскомъ лицѣ. Апостольское лицо въ рамкѣ мелочной торговли.

По стѣнамъ магазина развѣшаны картинки, открытки, паспарту, на полкахъ—ремни, калоши и книги. Я помню заголовки книгъ. Рядомъ стояли Махъ, Евангеліе, «Гимнастика Мюллера», поваренная книга, Джемсъ, «Молочное хозяйство»,

Помню, какъ однажды вошелъ покупатель, южнаго типа и спросилъ, кажется, Сеньебоса.

— Сеньебоса? Нѣтъ...

— Есть, Александръ Михайловичъ,—говорю я, вытаскивая книгу.

— Есть? Ну, и хорошо

Потомъ онъ о чемъ-то весело, любовно разговаривалъ съ покупателемъ. Мнѣ казалось, что онъ его убѣждалъ:

— Ну, зачѣмъ вамъ Сеньебосъ. Онъ стоитъ два рубля. А вы купите лучше «Чѣмъ люди живы» Толстого. Хорошія книжки. И всего по три копейки.

Завтра въ магазинъ придетъ другой покупатель и спроситъ:

— Нѣтъ ли у васъ Бакунина, Маркса и Лассаля?

— Ну, зачѣмъ вамъ, дружокъ, все это?—скажетъ книгопродавецъ.

— То-есть, какъ это зачѣмъ?—сдѣлаетъ большіе глаза покупатель.

— Купите лучше Евангеліе за двугривенный. Пойдемте со мной.

Онъ поведетъ удивленнаго покупателя въ дальнюю комнату, посадитъ на диванъ и начнетъ говорить ему о красотѣ и глубинѣ евангельскихъ притчъ.

— Въ нихъ изложена сущность мірового процесса...

Потомъ придетъ самый обычный нахалъ, наберетъ книгъ и скажетъ:

— Я въ долгъ... Вы не безпокойтесь!

— Что вы,—сконфузится Александръ Михайловичъ,—можетъ-быть, вамъ завернуть паспарту. Есть очень изящные...

— Ну, что жъ, и паспарту годится...

А черезъ два дня явится квартальный и скажетъ:

— Вамъ воспрещено торговать. Пришла бумага.

— Ну, что жъ, воспрещено, такъ воспрещено. А обыскъ сейчасъ произведете?

— Объ обыскѣ нѣтъ приказаній.

— Странно. Я такъ привыкъ. Произвели бы заодно.

Потомъ онъ пойдетъ къ своей многочисленной семьѣ и спокойно скажетъ:

— Собирайтесь, дѣтки. Завтра уѣзжаемъ.

Никто не удивится и не спроситъ: куда? Такъ всѣ Бодянскіе къ этому привыкли.

Мои предположенія оправдались. Вскорѣ послѣ отъѣзда моего изъ Майкопа я получилъ письмо, что у Бодянскаго взято обратно разрѣшительное свидѣтельство на магазинъ. Областное управленіе получило свѣдѣнія о его «политической неблагонадежности».

Между тѣмъ, на магазинъ Бодянскій истратилъ всѣ свои средства. Думалъ, занимаясь торговлей, докончить воспитаніе и образованіе своихъ дѣтей

Теперь предъ нимъ снова вопросъ:

— Куда теперь двинуться съ семьей?

Но онъ спокоенъ. Какъ былъ спокоенъ всю свою тревожную жизнь.

— Все дѣло въ томъ, чтобы создать чистыя, искреннія отношенія съ людьми. И когда создашь, каждое человѣческое жилище будетъ твоимъ домомъ.

Надъ его сѣдой головой уже безвозвратно прошли всѣ бури и непогоды. Время уже другое. Свобода совѣсти, провозглашенная съ высоты престола, какъ бы противъ нея ни боролись, какъ бы ни старались ее свести на нѣтъ враги ея,—уже свѣтитъ и грѣетъ на русской землѣ...

IX.

Остается вкратцѣ коснуться религіознаго міровоззрѣнія А. М. Бодянскаго. О Толстомъ Бодянскій думаетъ такъ:

— Левъ Николаевичъ великій критикъ, но не философъ. Толстой—аналитическій умъ, проникшій до глубины нравственной истины. Онъ открылъ то, что забылъ міръ—непротивленіе злу. Но ученія Христа онъ совершенно не понялъ. Мораль Христа, на которой сосредоточился Толстой, по мнѣнію Бодянскаго, только выводъ изъ философіи Его ученія. Одна мораль безъ философіи стоитъ не на прочномъ фундаментѣ. Самое важное обоснованіе—опредѣленіе значенія каждой вещи въ мірѣ. Прежде всего,—значеніе Христа. Этого Толстой не коснулся.

Бодянскій помнитъ, какъ однажды какой-то писатель прислалъ Толстому сочиненіе, въ которомъ доказывалъ, что Іисусъ Христосъ—личность не историческая. Христа въ дѣйствительности не было. Толстой написалъ П. И. Бирюкову:—«Это меня не огорчило. Важно ученіе морали, а не личность». Если Христа не было, если Онъ измышленіе человѣческаго ума, то, по мнѣнію Толстого, это еще важнѣе, чѣмъ если бы Онъ былъ въ дѣйствительности. По

мнѣнію же Бодянскаго, первенствующее значеніе въ христіанствѣ имѣетъ личность Христа. Если же та личность миѳъ, то христіанское ученіе теряетъ всякій смыслъ. Въ такомъ случаѣ ученіе это будетъ состоять изъ сказокъ, совсѣмъ негоднаго матеріала для обоснованія смысла жизни. И христіанской морали тогда никакъ нельзя отдать предпочтеніе при сравненіи съ другими моральными ученіями. Мораль соціалистическая, обоснованная достиженіемъ всеобщаго благосостоянія, и ницшеанская, имѣющая въ виду осуществленіе сверхчеловѣческаго органическаго типа, практичнѣй и разумнѣй морали христіанской, если ее отдѣлить отъ Христа.

Христіанская мораль предписываетъ самоотверженіе. Но во имя чего же можно отвергать себя?

Бодянскій признаетъ ученіе Христа совершеннѣйшимъ актомъ самопознанія. Христосъ, познавъ себя, позналъ значеніе всѣхъ вещей и явленій въ мірѣ. Іисусъ былъ человѣкомъ совершенныхъ знаній. Поэтому и его ученіе—есть общій сводъ всего того, что можно знать о бытіи. На всѣ основные вопросы человѣческаго знанія о сущности вещей, о смыслѣ жизни, о Богѣ, ученіе Іисуса даетъ прямые отвѣты, обоснованные раціоналистическимъ, согласнымъ съ фактами дѣйствительности, міровоззрѣніемъ. Поэтому ученіе Іисуса не есть какая-нибудь религіозная система, это сама истина, и самъ Учитель своей жизнью и личностью полно выразилъ истину о жизни. Насколько важно положенія Его ученія, настолько же важенъ каждый фактъ Его жизни,—важенъ для человѣческаго знанія истины о жизни. Только тѣ научныя знанія, научныя пониманія природы вещей и явленій правильны, которыя согласуются съ общими положеніями ученія Іисуса и фактами его жизни.

Многія толкованія Бодянскаго евангельскаго текста отличаются новизной и оригинальностью.

Его философія евангельской религіи художественно изложена въ его прекрасной книгѣ «Драма міра», изданной въ 1911 году.

Князь Д. А. Хилковъ.

I.

Я слушалъ воодушевленную рѣчь князя и рылся въ памяти,—на кого онъ похожъ?

Да на покойнаго критика Н. К. Михайловскаго.

Тѣ же красивые, умные, близорукіе глаза, длинная, правильная, «не толстовская» борода. Можетъ-быть, у Михайловскаго не было только такой чарующей, мягкой улыбки и прозрачной, породистой кожи на лицѣ.

Князь—весь гармонія. Ни одного рѣзкаго штриха: ни въ движеніи, ни въ словахъ. Но рѣчь страстная, энергичная, полная нескрываемаго негодованія по адресу людей неблагородныхъ. И натура его, видимо, такая же страстная, безъ компромиссовъ.

Ритмъ движеній, правильность, закругленность шага—съ головой выдаютъ бывшаго военнаго человѣка. Князь Хилковъ, какъ это ни странно, и сейчасъ въ 57 лѣтъ военный человѣкъ. Военный въ душѣ. Какъ часто и съ какой любовью возвращается онъ къ тому далекому времени, когда онъ носилъ военный мундиръ. Для него это было счастливѣйшее время жизни. Оно миновало безвозвратно. Но у него выросъ сынъ, и онъ совѣтуетъ ему:

— Иди на военную службу.

Я удивился: «Какъ? Сектантъ—раціоналистъ, крайній лѣвый, и—такой совѣтъ?»

— Да, да,—улыбается князь,—и все-таки сыну говорю:

будь военнымъ. Мое глубокое убѣжденіе, что на всякой другой государственной службѣ труднѣе сохранить порядочность. Не въ департаментахъ же и канцеляріяхъ служить? Нѣтъ, пусть онъ узнаетъ мужика, пройдетъ солдатскую муштру... Въ военной службѣ это можно. Былъ же и у насъ Кондратенко?..

— А если война?

— Что же? Я русскій...

Когда началась китайская война, онъ просилъ изъ Швейцаріи разрѣшить ему стать въ ряды дѣйствующей арміи. Ему было въ то время около 50 лѣтъ. Въ Петергофѣ, гдѣ прекрасно знали князя, согласились. Но Куропаткинъ, бывшій военнымъ министромъ, былъ противъ. Въ письмѣ къ родственнику князя, теперь уже покойному министру путей сообщенія кн. Хилкову, онъ опредѣленно заявилъ:

«Вашъ племянникъ просится въ ряды арміи, а, между тѣмъ, не раскаивается въ своихъ вредныхъ заблужденіяхъ. Онъ можетъ дурно повліять на товарищей»...

Но такъ какъ князь никогда не замѣчалъ за собой «вредныхъ заблужденій», то ему и раскаиваться было не въ чѣмъ.

Онъ хотѣлъ только отвѣтить Куропаткину, что въ войскѣ дѣйствуютъ строгіе законы и за «вредное вліяніе» онъ можетъ подвергнуться карамъ этихъ законовъ...

II.

Красиво и капризно сложилась тревожная жизнь князя. Аристократическое воспитаніе. Пажескій корпусъ. Здѣсь первое увлеченіе: полюбилъ богослуженіе, служилъ за пономаря въ корпусной церкви, ходилъ по петербургскимъ церквамъ и искалъ благолѣпія и чинности. Потомъ гусарскій полкъ, куда выходили всѣ князья Хилковы, участіе въ турецкой кампаніи. Здѣсь обратили вниманіе, что онъ проявлялъ «странность»: отказывался отъ порученій малоопасныхъ, а шелъ иногда туда, откуда возвратиться нельзя. Главнокомандующій писалъ однажды его ба-

бушкѣ, что внукъ ея погибъ геройской смертью. Онъ велъ ночью охотниковъ и зашелъ въ тылъ туркамъ. Но храбрость спасла его. «Странность» объяснялась его воззрѣніемъ:

— Если нужна моя жизнь, то я хочу видѣть смыслъ и пользу моей гибели.

Для пользы дѣла и людей онъ отдастъ себя, безъ пользы не двинетъ рукой. Всю свою жизнь онъ отстаиваетъ этотъ принципъ, обобщенный и доведенный потомъ имъ до крайности: онъ насиліе оправдывалъ пользой...

Послѣ войны, въ чинѣ подполковника, князь Хилковъ переводится въ Кубанскій казачій полкъ и ѣдетъ на турецкую границу Кавказа. Ему было тогда немного болѣе 20 лѣтъ. Онъ былъ самый молодой подполковникъ въ русской арміи. Съ первыхъ шаговъ своей службы онъ повелъ себя необычно. Въ его душѣ забродило молодое, горячее желаніе смягчить грубую, временами ужасную обстановку кавказской пограничной службы. Все для него складывалось удачно. Свою четвертую сотню, набранную изъ отбросовъ другихъ сотенъ полка, онъ гуманностью и непреклонностью превратилъ изъ волковъ въ овецъ, послушныхъ его волѣ. Онъ научилъ ее благородству. Люди никогда не видали ласки, и, очарованные своимъ командиромъ, готовы были итти за него въ огонь и воду. Въ лицѣ закавказскихъ инородцевъ онъ нашелъ не разбойниковъ, какъ принято думать, а благородныхъ, также идущихъ на ласку и любовь, друзей. Даже курды полюбили молодого офицера. Они не вѣрили, что онъ былъ русскій. По его бѣлокурымъ волосамъ считали его осетиномъ.

— Ты—не христіанинъ,—говорили они.—Своихъ казаковъ не бьешь, не воруешь, жителей не притѣсняешь...

Въ самомъ началѣ службы на Кавказѣ съ княземъ произошла такая исторія: онъ однажды увидалъ, какъ армянинъ, стоявшій на крышѣ сакли, ради шутки сорвалъ съ проходившей татарки чадру. Князь сдѣлалъ нѣсколько револьверныхъ выстрѣловъ въ воздухъ, чтобы припугнуть нахала. На другой день татарскія женщины принесли ему сласти

въ благодарность. Съ той поры за нимъ прочно установилась репутація защитника справедливости.

Онъ не прибѣгалъ къ экзекуціямъ при сборѣ податей, когда его посылали заставить военной силой уплатить сборы. Это также подкупало туземцевъ.

Подъ конецъ его службы на Кавказѣ, курды серьезно говорили ему:

— Что тебѣ дѣлать въ Россіи, иди къ намъ въ Турцію, на Евфратъ, султанъ дастъ тебѣ землю и сдѣлаетъ большимъ человѣкомъ. У насъ любятъ справедливыхъ.

Нравились дикари-туземцы и князю.

Эти «благородные звѣри», отдающіе жизнь за друга и неостанавливающіеся передъ убійствомъ, чтобы наказать низость, находили откликъ въ его пылкомъ, молодомъ, благородномъ сердцѣ.

Онъ увидалъ однажды, что курдскія женщины ходятъ свободно около казаковъ, даже заходятъ въ ихъ лагерь. Удивился:

— Какъ они не боятся оскорбленій?

Ему сказали:

— Да развѣ можно оскорбить курдскую женщину? Если бы это случилось, то курды, какъ одинъ человѣкъ, явились бы сюда и перебили всѣхъ казаковъ или легли бы сами костьми.

Князь видѣлъ въ жизни, что «противленіе зломъ» создаетъ прекрасную, благородную обстановку, останавливаетъ «звѣрей» отъ совершенія гнусныхъ поступковъ. Эта мысль, перешедшая въ убѣжденіе, не покидала его даже въ то время, когда онъ поддался вліянію Толстого.

Зло, насиліе, совершенное во имя общественной пользы, необходимо. Нужно только дѣйствительно имѣть въ виду общественную пользу, а не призракъ ея.

Но итти въ Турцію онъ пока не могъ; тамъ гдѣ-то въ уголкѣ его сердца жила его родная Павловка, передъ жителями которой онъ считалъ себя обязаннымъ, какъ помѣщикъ.

Особенно сильное вліяніе на князя имѣлъ извѣстный

тогда абрекъ Саматъ-ага. Онъ былъ грозой края. Бѣдныхъ Саматъ-ага не обижалъ, а старался имъ помочь, богатымъ, въ особенности тѣмъ, которые извѣстны своимъ дурнымъ отношеніемъ къ бѣднотѣ, жестоко мстилъ. Онъ понижалъ своимъ приказомъ арендную и заработную плату, которую беки старались повышать до полнаго истощенія бѣдныхъ рабочихъ и арендаторовъ.

Сосланный на Сахалинъ Саматъ-ага бѣжалъ оттуда. Когда началась турецкая война, онъ стоялъ въ пріемной главнокомандующаго краемъ и просился въ ряды арміи. Не справились объ его личности и послали въ дунайскую армію. Бывшій абрекъ совершилъ тамъ чудеса храбрости, дослужился до офицерскаго чина и, явившись на родину, былъ назначенъ старшиной. Но потомъ открылось, что Саматъ-ага бѣглый каторжникъ. Ему пришлось бѣжать, и онъ принужденъ былъ вновь сдѣлаться абрекомъ. Его соннаго убили.

Князь познакомился съ нимъ на войнѣ. Они столкнулись, какъ охотники, темною ночью, въ тылу турецкаго лагеря, можно сказать, на порогѣ смерти. Князь не повѣрилъ Самату, когда тотъ разсказывалъ ему о своихъ кавказскихъ дѣлахъ. Лишь, когда самъ онъ сталъ жить на Кавказѣ и провѣрилъ разсказъ Самата, онъ понялъ, что татаринъ ему не лгалъ. Отъ этого дикаго человѣка повѣяло на молодого князя чистымъ, непосредственнымъ благородствомъ.

Тутъ же, на Кавказѣ, ему пришлось столкнуться съ духоборцами. Тѣ подкупили его своей искренностью, простотой и правдивостью, импонировали ему, какъ люди, стоящіе на прочной почвѣ, знающіе секретъ настоящей, истинной жизни.

Два міра, такимъ образомъ, зналъ князь. Міръ свой, къ которому онъ принадлежалъ по рожденію, воспитанію и службѣ, и міръ, діаметрально противоположный: жизнь изгоевъ духоборцевъ и дикихъ сыновъ Кавказа. Молодая натура потянулась къ благородной простотѣ. Саматъ-ага и духоборцы опредѣлили дальнѣйшую жизнь князя, зало-

жилъ въ его душѣ отвращеніе къ позолоченной внѣшности....

Прослуживъ года три, онъ вышелъ въ отставку въ чинѣ войскового старшины и пріѣхалъ въ свое имѣніе. Здѣсь сначала онъ занимался хозяйствомъ, а потомъ жилъ въ Кіевѣ, гдѣ готовился къ поступленію въ Петровскую академію. Но ему не удалось поступить туда...

Его товарищъ по гусарскому полку, принцъ Ольденбургскій, получивъ Новохоперскій полкъ, пригласилъ его служить съ нимъ. Князь отвѣтилъ отказомъ,—ему не хотѣлось возвращаться на военную службу. Принцъ не обратилъ вниманія на отказъ и наканунѣ смерти Александра II доложилъ государю, что князь Хилковъ хочетъ возвратиться въ полкъ. Государь любилъ князя, былъ радъ его возвращенію и 1 марта 1881 года, за нѣсколько часовъ до смерти Царя, князь Хилковъ былъ зачисленъ въ Новохоперскій полкъ. Онъ не хотѣлъ возражать и еще три года пробылъ въ Кутаисѣ, въ качествѣ завѣдующаго хозяйствомъ полка. Его честность была бѣльмомъ на глазу у высшаго кавказскаго военнаго начальства. Веденіе книгъ «по закону» бѣсило это начальство. Но князь сохранилъ за собой право говорить правду въ глаза и указывать на беззаконія и хищенія. У него создался богатый опытъ по этой части. И сейчасъ, когда онъ слышитъ, что у насъ нѣтъ честныхъ людей, нѣтъ «людей» вообще, онъ съ негодованіемъ говоритъ:

— Это ложь. У насъ много честныхъ людей. Но никто изъ нихъ не вѣритъ, что его не прогонятъ со службы, если онъ будетъ поступать честно...

III.

Въ 1884 году кн. Хилковъ уже окончательно вышелъ въ отставку и поселился въ Павловкѣ, Харьковской губерніи. Здѣсь онъ вошелъ въ близкія сношенія съ крестьянами и почувствовалъ невыносимо тягостное положеніе помѣщика. Онъ былъ свидѣтелемъ постоянныхъ столкновеній экономіи съ крестьянами.

Онъ заставалъ иногда крестьянскихъ женщинъ въ своемъ лѣсу, тѣ украдкой собирали валежникъ. Увидя «барина», онѣ бѣжали, падали, молили о пощадѣ, хотя онъ ихъ не преслѣдовалъ и не собирался наказывать.

А однажды съ княземъ произошелъ случай, который онъ помнитъ до сихъ поръ. Онъ ѣхалъ верхомъ и увидалъ, что чья-то тощая лошадь сощипываетъ листья съ молодого дубняка въ его лѣсу. Онъ зналъ, что дерево отъ этого часто погибаетъ и былъ полонъ негодованія. Помчался къ лошади и увидалъ крестьянина, идущаго за сохой. Подъѣхалъ и обрушился на него съ упреками. Крестьянинъ оторвался отъ сохи и поднялъ глаза на князя. Князь поблѣднѣлъ: предъ нимъ было «привидѣнье». Мужикъ былъ похожъ на мертвеца.

— Я самъ не ѣлъ два дня,—глухо проговорило «привидѣнье».

Князь въ ужасѣ скакалъ версты три, боясь оглянуться.

— Я немного мистикъ,—говорилъ онъ, разсказывая объ этомъ случаѣ.

Все это: нужда, забитость и какая-то органическая непріязнь крестьянина къ помѣщику—страшно вліяли на впечатлительнаго, чуткаго князя. Подъ конецъ онъ немогъ выходить изъ дома, чтобы не натолкнуться на проявленіе антагонизма крестьянъ и помѣщика. Ставилась дилемма: или будь «хозяиномъ» и веди войну съ крестьянами, которые, благодаря своей нуждѣ, тащутъ все, что «плохо лежитъ» въ имѣніи,—или не обращай на нихъ вниманія, но тогда привыкни къ мысли, что имѣніе будетъ расхищено. Князь постянно бесѣдовалъ съ павловцами и вынесъ изъ этихъ бесѣдъ такое впечатлѣніе, что убѣдить крестьянъ при такомъ положеніи, когда они зависятъ въ матеріальномъ отношеніи отъ помѣщика, нельзя ни въ чемъ. Съ ними даже нельзя говорить. Какую бы глупость помѣщикъ имъ ни предложилъ, они, сознавая глупость предложенія, непремѣнно отвѣтятъ: «да». Происходитъ униженіе, поруганіе самой правды. Это было невыносимо для правдиваго князя.

Онъ разрѣшилъ тяжелый вопросъ «по-своему». Попросилъ у матери выдѣлить свою часть. Потомъ созвалъ представителей отъ сходовъ трехъ окружающихъ селеній и сказалъ, что онъ отдаетъ имъ безплатно всю свою землю—380 десятинъ. Мужики думали, что князь сошелъ съ ума.

Онъ просилъ ихъ пока никому о передачѣ земли не говорить, чтобы не привлекать вниманія администраціи, отъ которой онъ не ожидалъ сочувствія. Когда купчая на землю была совершена, князь опять призвалъ къ себѣ довѣренныхъ сходовъ и сказалъ:

— Мнѣ съ семьей нужно жить, и я прошу васъ позволить мнѣ оставаться въ своемъ домѣ на *вашей* землѣ.

Крестьяне отказались отъ «вершковъ», которые, въ общей суммѣ семи десятинъ, были прирѣзаны къ дому князя. Эти семь его десятинъ они отдали ему. На этомъ клочкѣ онъ живетъ уже 22 года безъ документовъ на владѣніе. Недавно крестьяне приговоромъ утвердили за нимъ эту землю.

— За себя мы ручаемся,—говорили они,—а за дѣтей и внуковъ ручаться нельзя,—лучше оформимъ дѣло.

На своей землѣ князь развелъ прекрасный садъ, устроилъ пчельникъ, есть у него своя запашка. Прежде онъ самъ работалъ въ полѣ, какъ простой крестьянинъ. Теперь болѣзни и уже немолодой возрастъ приковали его къ дому: лишь пчельникъ и садъ остались въ его непосредственномъ вѣдѣніи.

IV.

— Развѣ не подъ вліяніемъ Толстого вы «опростились» и отдали землю крестьянамъ?—спросилъ я князя.

— Ничего подобнаго. Когда я отдавалъ землю крестьянамъ—Толстого я и не зналъ,—отвѣтилъ онъ.

— Между тѣмъ, васъ считаютъ толстовцемъ?

— Знаю. Съ Толстымъ мы находились въ перепискѣ, но я не раздѣлялъ его взглядовъ, а онъ моихъ.

Изъ писемъ Толстого къ князю и отношенія князя къ яснополянскому мыслителю я вывелъ заключеніе, что ихъ

разные пути мышленія были освѣщены однимъ фонаремъ—правдивостью. Это ихъ сближало и заставляло, при разности взглядовъ, питать другъ къ другу любовь.

Первою книгой Толстого, надъ которой задумался князь, была: «Въ чемъ моя вѣра». Князь тогда былъ въ Москвѣ, на его рукахъ умиралъ дѣдъ отъ грудной жабы. Умиралъ страшно. Однажды князь вышелъ отъ умирающаго въ сосѣднюю комнату и, утомленный, наклонился надъ первой попавшейся книгой. Это и была «Въ чемъ моя вѣра». Князь заинтересовался. Своею правдивостью книга подкупила его. Онъ сталъ читать и изучать Евангеліе. Сначала проникся толстовскимъ непротивленіемъ злу. Но потомъ пришелъ къ убѣжденію, что это ученіе нежизненное.

— Непротивленіе есть наивысшее качество,—говорилъ онъ,—идеалъ, но, чтобы достигнуть его, надо использовать талантъ противленія, данный каждому человѣку. Нужно погубить душу свою для друга... Я погибъ, пойду въ адъ, но погубилъ я себя за другихъ.

Такой погибшій—идеалъ князя.

Толстой съ интересомъ прочелъ письмо князя, въ которомъ тотъ исторически объяснялъ появленіе непротивленства, какъ сектантства. Всѣ секты съ характеромъ непротивленія всегда являлись какъ реакція послѣ неудачи сильныхъ движеній. Это своего рода «бабье лѣто». Такъ, толстовство появилось послѣ краха народовольчества. Послѣ общественныхъ же движеній появились, какъ реакція, квакерство, менонитство и другія, сродныя толстовству, секты.

Но почему Толстой явился выразителемъ непротивленія?

Князь въ одномъ изъ писемъ объясняетъ, что великій писатель, изъ великой любви къ русскому народу, захотѣлъ реабилитировать русскаго человѣка, котораго всѣ покоряли, надъ которымъ всѣ господствовали и господствуютъ. Съ этою цѣлью онъ придумалъ, чтобы не было стыдно за русскаго человѣка, теорію непротивленія, какъ евангельскій идеалъ, къ которому близокъ русскій порабощенный простой человѣкъ.

Вопросъ о революціи вызвалъ очень оживленную переписку между ними. Въ этомъ вопросѣ Толстой и князь Хилковъ—два полюса. Князь написалъ двѣ брошюры: «Что такое свобода?» и «Революція и сектанство». Въ нихъ онъ разбивалъ доводы В. Г. Черткова о революціи и толстовскій «Отвѣтъ интеллигенціи». П. И. Бирюковъ послалъ брошюру кн. Хилкова въ Ясную Поляну. Толстой прочелъ брошюру, и завязалась полемика.

Кн. Хилковъ показывалъ мнѣ интересное письмо Толстого о революціи, написанное лѣтъ за шесть до 1905 года. Толстой доказывалъ, что Богъ не можетъ послать на актъ насилія противъ поработителей,—посылаетъ «чортъ». Князь съ нимъ не соглашался...

Кн. Хилкову Толстой когда-то писалъ:

«Я раскаиваюсь, что не отдалъ своей земли крестьянамъ».

Въ сущности, нетолстовецъ Хилковъ, по духу своему былъ ближе къ Толстому чѣмъ многіе изъ «толстовцевъ», которые, по мнѣнію кн. Хилкова, его совершенно не понимаютъ.

V.

Переходъ земли князя въ руки крестьянъ не остался, конечно, тайной. Хотя этотъ переходъ былъ закрѣпленъ купчей, но всѣмъ стало извѣстно, что князь подарилъ землю крестьянамъ. Сосѣдніе помѣщики и администрація встревожились. О переходѣ стало извѣстно въ Петербургѣ. Выплыло обвиненіе князя въ соціализмѣ, коммунизмѣ и всѣхъ прочихъ «измахъ». Но дѣло было уже сдѣлано. Принуждены были ограничиться тѣмъ, что посадили подъ арестъ мѣстнаго старшину волости за то, что во-время не доложилъ по начальству. Князь же былъ взятъ подъ подозрѣніе, какъ человѣкъ неблагонадежный.

Скоро обнаружилось, что онъ и въ религіозномъ отношеніи «слабъ»...

Князь, посѣщавшій православную церковь, неоднократно возбуждалъ недоумѣніе священниковъ. Искони

вѣковъ въ нашихъ храмахъ первое мѣсто въ церкви принадлежало «господамъ»: они первые подходили къ причастью, съ ними особенно обходились, лучшія мѣста въ церкви всегда оставлялись для нихъ. Князь этимъ возмущался.

— Въ храмѣ всѣ должны быть равны,—громко говорилъ онъ духовенству.

Такія слова, въ связи съ передачей земли, заставляли усилить наблюденія за княземъ.

А тутъ еще появилась въ Павловкѣ «штунда», неизвѣстно откуда занесенная. Взоры простоватаго мѣстнаго начальства, готоваго по незнанію приписать всякія отступленія отъ узкой церковности какому-нибудь опредѣленному «зачинщику», обратились на князя.

«Онъ всему дѣлу голова».

Однажды къ его матери пріѣхали въ гости двѣ знатныхъ англичанки. Чѣмъ поразнообразить ихъ жизнь въ глухомъ имѣніи? Что показать? Княгиня вздумала поѣхать съ ними въ сосѣдній монастырь. По просьбѣ матери вмѣстѣ съ ними поѣхалъ князь.

Монахъ повелъ ихъ въ богатую ризницу. Англичанки восхищались, разглядывая драгоцѣнныя вещи. Князь въ это время случайно обернулся и замѣтилъ, что въ дверь со священнымъ страхомъ глядятъ два мужика. У него невольно явился вопросъ: эти дамы, смотрящія на ризы и церковные сосуды, какъ на брилліанты, выставленные въ окнѣ ювелирнаго магазина, находятся въ ризницѣ. А крестьяне, вѣрующіе люди и видящіе въ этихъ блестящихъ предметахъ Бога, смотрятъ издали. Они имѣютъ больше права на присутствіе въ ризницѣ. Князь позвалъ ихъ. Тѣ на цыпочкахъ съ трепетомъ подошли. Но монахъ, увидѣвъ, набросился на нихъ и грубо приказалъ имъ выйти. Тѣ смущенно удалились. Князь вспылилъ и заявилъ монаху:

— Тутъ, въ домѣ Бога, батюшка, всѣ равны...

Получился скандалъ, о которомъ сообщили К. П. Побѣдоносцеву.

Рядъ такихъ случаевъ убѣдилъ администрацію, что

князь—сектантъ,—можетъ-быть, штундистъ, а, можетъ-быть, и того хуже... Изъ Петербурга былъ присланъ «знаменитый» В. М. Скворцовъ для разслѣдованія. Разслѣдованіе оказалось не въ пользу князя, и чрезъ нѣкоторое время харьковскій губернаторъ Петровъ, вызвавъ князя въ Сумы, заявилъ ему:

— Вы должны уѣхать изъ Павловки.

— Куда?—спросилъ князь.

— Куда хотите,—въ Москву, Петербургъ, къ намъ, въ Харьковъ.

— Почему?

— Вы проповѣдуете что-то неправославное, отвлекаете народъ отъ церкви...

Князь заявилъ, что, наоборотъ, онъ говоритъ всѣмъ: «Ходите въ церковь, если вѣрите... Каждый осудится и оправдается отъ дѣлъ своихъ. Я не считаю, что православная церковь заблуждается не больше, чѣмъ Толстой. Все дѣло въ вѣрѣ...»

Это его мнѣніе и тогдашнее и теперешнее.

— Наконецъ, вы прививаете революцію,—обвинялъ его губернаторъ,—внушаете мужику самомнѣніе и гордость...

Князь отказался уѣхать изъ Павловки. Тогда изъ Петербурга была сообщена такая резолюція: «пять лѣтъ ссылки въ Закавказье». Пріѣхалъ исправникъ съ полицейскими исполнить приказаніе высшаго начальства. Но князь отказался ѣхать; ему хотѣлось пройтись по мытарствамъ этапа, чтобы поучиться жизни. Отрицательно онъ отвѣтилъ и на приглашеніе прибыть въ Сумы. Но прелестей нашего этапа ему все-таки не пришлось отвѣдать. Два солдата взяли его однажды изъ дома, посадили въ вагонъ и самымъ прозаическимъ образомъ доставили въ Тифлисъ, въ канцелярію главноначальствующаго.

VI.

Въ ссылкѣ князь Хилковъ пережилъ нѣсколько непріятныхъ моментовъ. Прежде всего, въ Нухѣ, онъ, наслѣдникъ

милліоннаго состоянія послѣ матери, терпѣлъ крайнюю матеріальную нужду. Жилъ съ маленькими дѣтьми въ сыромъ подвальномъ этажѣ и чувствовалъ, какъ каждый день изъ его груди уходитъ понемногу жизнь. За комнату онъ платилъ 4 рубля въ мѣсяцъ, но и эти деньги съ трудомъ могъ добыть. Тутъ помогъ ему В. Г. Чертковъ. Онъ собиралъ деньги между сочуствующими и посылалъ князю. Однажды пришелъ одинъ духоборецъ и далъ князю рубль.

Тутъ же на Кавказѣ произошла извѣстная исторія съ отнятіемъ у него дѣтей. Аристократическая родня могла еще кое-какъ помириться съ тѣмъ, что князь «опростился» и отдалъ землю крестьянамъ. Но *гражданскій* бракъ его съ «нѣкоею» Цециліей Винтеръ заставилъ эту родню встрѣвожиться. Князь былъ единственнымъ сыномъ своей матери, съ нимъ прекращался знатный родъ. Родившіяся же отъ брака князя и Ц. В. Винтеръ двое дѣтей не были крещены и, значитъ, не могли называться князьями.

Одинъ изъ друзей князя А. М. Бодянскій передавалъ, что княгиней руководилъ другой мотивъ. Она явилась къ К. П. Побѣдоносцеву и сказала:

— Мой сынъ, хотя и государственный преступникъ, но все-таки князь, и его дѣти также люди княжескаго званія, такъ какъ онъ можетъ ихъ усыновить. Допустимо ли держать ихъ около г-жи Винтеръ? Что изъ нихъ выйдетъ? Они будутъ дурно воспитаны, а носить будутъ княжескій титулъ Хилковыхъ.

Тогда было рѣшено предупредить непріятную и скандальную исторію.

Поступили до ужаса просто. Дали княгинѣ бумагу, уполномочивающую ее «взять у Цециліи Винтеръ двухъ дѣтей, такъ какъ они рождены отъ князя Хилкова». Княгиня поѣхала на Кавказъ и, съ помощью пристава, взяла дѣтей.

Она подъѣхала въ фаэтонѣ къ садику, гдѣ копались дѣти, и позвала ихъ. Тѣ обрадовались, увидавъ бабушку, и побѣжали къ ней. Княгиня посадила ихъ въ фаэтонъ. Подбѣжавшему князю и его женѣ приставъ передалъ официальный приказъ изъ Петербурга.

Произошла потрясающая сцена.

Дѣти съ плачемъ рвались къ матери. Та въ слезахъ простирала къ нимъ руки. Но ничто не дѣйствовало: ни уговоры, ни слезы... Фаэтонъ помчался. Отецъ и мать бросились въ погоню. Долго мчались два экипажа рядомъ, слышались истерическіе крики, плачъ...

Князь понялъ, что предотвратить бѣду невозможно. Пошелъ на уступки, потребовалъ только, чтобы Ц. В. Винтеръ могла, живя въ Петербургѣ, видѣть своихъ дѣтей. Княгиня согласилась.

Княгиня-бабушка дала дѣтямъ княжескій титулъ и сдѣлала наслѣдниками своего громаднаго состоянія. К. П. Побѣдоносцевъ, сыгравшій въ этомъ дѣлѣ видную роль, однако, былъ противъ надѣленія дѣтей княжескими титулами. Онъ хотѣлъ, чтобы дѣтей сектанта просто отдали въ какой-нибудь пріютъ.

— У насъ даютъ княжескій титулъ за большія государственныя заслуги,—говорилъ онъ,—нельзя поэтому награждать имъ дѣтей какой-то г-жи Винтеръ.

Но у княгини были связи, и она восторжествовала.

Этому минуло уже болѣе 15 лѣтъ.

А. М. Бодянскій разсказывалъ мнѣ о такомъ случаѣ. Имѣніе княгини-бабушки находится рядомъ съ «Княжьимъ хуторомъ». На одной и той же станціи—«Волфино», московско-кіево-воронежской желѣзной дороги, садятся и слѣзаютъ обѣ семьи. Однажды на станціи дѣвочка случайно встрѣтила отца и мать и повисла у нихъ на шеѣ. Заявила:

— Не поѣду къ бабушкѣ.

Но ее уговорили поѣхать. Силой, все равно, нельзя было взять дѣтей,—могли возникнуть еще болѣе непріятныя осложненія.

Въ душѣ князя и Ц. В. Винтеръ отнятіе дѣтей провело глубокую борозду. За этимъ горемъ послѣдовало зимой 1910 г. другое. Княжна, наслѣдница бабушкиныхъ милліоновъ, кончила въ Петербургѣ жизнь самоубійствомъ. Трудно, конечно, сказать, *что* повліяло на дѣвушку. Ут-

верждать, что на нее подѣйствовала разлука съ родителями нельзя. Въ послѣдніе годы, когда дѣвочка превратилась въ дѣвушку, она могла часто видѣться съ родителями и видѣлась. Но, можетъ-быть, контрастъ между аристократической средой и простой жизнью отца и матери создалъ въ душѣ дѣвушки раздвоенность? А фактъ отнятія ея у отца при такой ужасной обстановкѣ отозвался въ впечатлительной дѣвушкѣ надломомъ? А, можетъ быть, какія-нибудь посторонія причины дѣйствовали здѣсь. Княжна была курсисткой петербургскихъ высшихъ женскихъ курсовъ и, конечно, на ней отразилось темное время нашей общественной реакціи...

Когда я подъѣзжалъ въ ноябрѣ 1910 года, къ «Княжьему Хутору», то почти подъ окномъ кабинета князя увидалъ свѣжую могилу.

— Кого здѣсь похоронили,—спрашиваю я у Андрея Филипповича, «управляющаго» князя.

— Вторую дочь князя... Только вчера привезли ее изъ Тифлиса и положили здѣсь.

Это продолженіе драмы князя...

Покойная была совсѣмъ дѣвочка—16-ти лѣтъ. Она не была отобрана у родителей; она родилась послѣ отобранія первыхъ дѣтей.

Передаютъ, что смерть старшей сестры наложила тяжелый, неизгладимый отпечатокъ на ея душу,—хотя она жила вдали отъ Петербурга... Она стала задумываться и изъ веселой, жизнерадостной дѣвочки превратилась въ меланхоличку. А потомъ... кончила жизнь такъ же, какъ сестра.

Въ домѣ князя я нашелъ *всю* семью его: печальную жену его, пріѣхавшую съ трупомъ дочери изъ Тифлиса, старшаго сына, *князя* Бориса, и младшаго, Александра Винтеръ.

Старшій сынъ только наѣзжаетъ къ нимъ. Живетъ онъ попрежнему у бабушки, въ 3 верстахъ отъ Княжьяго Хутора.

VII.

На Кавказѣ князь Хилковъ тѣсно сблизился съ духоборцами. Рисуя портретъ друга его—А. М. Бодянскаго,—я уже сообщалъ, что духоборцы въ спорахъ съ молоканами доказывали, между прочимъ, свою религіозную правоту такимъ доводомъ:

— Къ вамъ Богъ не послалъ ангела, а къ намъ послалъ—Димитрія Александровича Хилкова.

Во время холеры князь безбоязненно ходилъ къ больнымъ, лѣчилъ ихъ, поддерживалъ духъ. Когда онъ переѣхалъ въ другое мѣсто, духоборки къ нему прислали посольство:

— У насъ дифтеритъ. Всѣ матери требуютъ, чтобы ты пріѣхалъ. Если не пріѣдешь, то поступишь жестоко.

Онъ пріѣхалъ.

Конечно, и въ ссылкѣ онъ не остался равнодушнымъ къ уродливымъ явленіямъ общественности. Однажды ему сообщили, что въ д. Скобенцахъ, Кіевской губерніи, очень преслѣдуютъ штундистовъ. Онъ написалъ по этому поводу нѣсколько сильныхъ писемъ: кіевскому губернатору Тамарѣ, архіерею, министру и въ Петергофъ. Его письма въ Петергофъ всегда доходили, такъ какъ онъ не утратилъ связей въ высшихъ сферахъ.

Понятно, что всесильному К. П. Побѣдоносцеву не понравилось его вмѣшательство въ дѣло борьбы съ сектантами.

Когда начались духоборческія волненія, князь обнаружилъ закулисную сторону дѣятельности тифлисской администраціи въ этихъ волненіяхъ и за это былъ переведенъ въ другое мѣсто Кавказа. Онъ все же не успокоился и написалъ открытое письмо тифлисскому губернатору Шервашидзе, а копіи этого, сильнаго своими обвиненіями, письма распространилъ. Губернаторъ послалъ на него жалобу въ Петербургъ, обвиняя въ возбужденіи населенія. Эта жалоба была на-руку Побѣдоносцеву. Онъ сказалъ:

— Нужно отнять у Хилкова перо и бумагу.

Однажды, на засѣданіи Государственнаго Совѣта, онъ подошелъ къ министру путей сообщенія кн. Хилкову и сказалъ ему:

— Вашъ племянникъ такъ себя ведетъ, что мы съ министромъ Горемыкинымъ рѣшили заключить его въ Петропавловскую крѣпость.

На Кавказъ былъ посланъ В. М. Скворцовъ, который и донесъ въ Петербургъ, что князь Хилковъ «обходитъ села и проповѣдуетъ». Такъ какъ духоборческія волненія продолжались, то «Петербургу» было ясно отсюда, *что* Хилковъ проповѣдуетъ. Послѣдовала бумага: произвести обыскъ и препроводить князя въ Петербургъ, въ Петропавловскую крѣпость. Но у князя нашелся защитникъ тамъ, откуда онъ не ожидалъ защиты.

Во время обыска жандармскій офицеръ Суратовъ случайно спросилъ его о проповѣди по селамъ. Князь сказалъ:

— Я два года никуда не выѣзжалъ изъ Нухи. Это могутъ подтвердить всѣ.

Это заявленіе было правдой. На офицера оно такъ подѣйствовало, что онъ тутъ же упалъ въ обморокъ. А на другой день попросилъ у князя офиціальнаго заявленія, что онъ «не ходилъ по селамъ». Потомъ на свой страхъ и рискъ жандармъ произвелъ дознаніе, потвердившее слова князя, и сообщилъ въ Петербургъ, а арестъ князя самовольно отложилъ.

Это было необычайно смѣло со стороны жандарма. Онъ спрашивалъ князя:

— Скажите, выгонятъ меня за правду или нѣтъ?

Несмотря на это вторичное разслѣдованіе, благопріятное для князя, его все-таки сослали въ гор. Вейсенштейнъ, Эстляндской губерніи.

На мѣстѣ своей новой ссылки рядомъ стѣсненій князя довели («довинтили»,—какъ онъ говоритъ) до того, что онъ послалъ губернатору «дерзкое» письмо, а потомъ черезъ мать отправилъ въ Петергофъ ходатайство:

— «Требую не милости, а правосудія».

Въ Петергофѣ разсмотрѣли его дѣло. Нашли, что «онъ ошибался не изъ дурныхъ побужденій».

Князя было хотѣли освободить отъ ссылки, но это желаніе встрѣтило препятствіе въ лицѣ Горемыкина.

Князю было «дозволено» уѣхать за границу.

Передъ отъѣздомъ онъ попросилъ разрѣшить ему поѣхать въ Петербургъ, чтобы привести въ порядокъ дѣла. Ему позволили и не назначили даже срока окончанія имъ дѣлъ. Но Горемыкинъ опредѣлилъ пребываніе кн. Хилкова въ Россіи «двумя недѣлями».

Кн. Хилковъ былъ въ Петербургѣ у Горемыкина. Спросилъ его:

— Долго ли я пробуду за границей?

— Какъ будете себя вести.

— Мнѣ не двѣнадцать лѣтъ,—возразилъ князь.

— Пройдетъ года два, мы соберемъ справки, какъ вы себя ведете и тогда...

— А черезъ кого будете справляться?

Князь заявилъ, что у него болѣе довѣрія къ свѣтской полиціи...

VIII.

Въ эпопеѣ переселенія духоборовъ въ Америку князь сыгралъ видную роль. Онъ былъ членомъ лондонскаго комитета по переселенію и какъ человѣкъ практическій, близко знающій жизнь духоборцевъ, принесъ въ дѣлѣ переселенія много пользы.

Прежде всего онъ выступилъ противникомъ идеи разселенія духоборцевъ кучками по разнымъ угламъ міра въ цѣляхъ пропаганды. Это проектъ В. Г. Черткова. Въ князѣ Д. А. Хилковѣ онъ нашелъ противника.

— Это живая, сплоченная традиціями и духовнымъ родствомъ группа,—говорилъ онъ,—какъ же можно ее искусственно дѣлить на части, какъ неодушевленный предметъ?

Онъ же былъ противникомъ поселенія ихъ на о. Кипрѣ. Доказывалъ всю нежизненность этого проекта. Но ква-

керамъ очень хотѣлось колонизировать принадлежащую имъ на Кипрѣ землю. Они настаивали на этомъ переселеніи. Особенно настаивалъ на немъ В. Г. Чертковъ. Князя послали туда вмѣстѣ съ двумя духоборами ходокомъ. Земля на Кипрѣ оказалась безводной, пустынной и совершенно не подходящей для поселенія русскихъ крестьянъ. Такимъ рисовалъ Кипръ раньше и кн. Хилковъ.

Тогда ходоки послали двѣ телеграммы: въ Батумъ духоборамъ:

«Не пріѣзжайте».

И въ Лондонъ, въ комитетъ:

«Земля не годна для заселенія».

Но въ Лондонѣ въ комитетѣ задержали телеграмму на двѣ недѣли, а духоборцы, не получая ничего изъ комитета, и живя въ Батумѣ въ невозможныхъ условіяхъ, сѣли на пароходъ и пріѣхали на Кипръ.

Послѣдствія этого печальнаго переселенія извѣстны.

Кн. Хилковъ предложилъ Канаду для переселенія. Ему случайно попался плакатъ агентовъ по переселенію. Онъ нашелъ канадской жизни условія подходящими для духоборцевъ. Но въ комитетѣ ему не дали средствъ на переселеніе*). В. Г. Чертковъ былъ противъ Канады. Тогда кн. Д. А. Хилковъ послалъ телеграму Толстому съ просьбой помочь переселенцамъ деньгами. Но вмѣстѣ, а, можетъ быть, ранѣе телеграммы князя Толстой получилъ телеграмму В. Г. Черткова съ совѣтомъ денегъ на это переселеніе не давать. Толстой послушался Черткова и въ деньгахъ отказалъ. Что было дѣлать? Въ Лондонѣ въ это время жила П. Н. Шарапова. Она и нѣкоторые другіе предложили денегъ на переселеніе. Послѣ этого комитетъ объявилъ, что даетъ средства.

Состоялось засѣданіе комитета, на которомъ два представителя духоборцевъ заявили, что они поѣдутъ въ Канаду, но только не съ кн. Хилковымъ. Это многихъ поразило,

---

*) Всю эту главу передаю со словъ самого кн. Д. А. Хилкова и А. М. Бодянскаго.

но кн. Хилковъ былъ спокоенъ: наканунѣ у него были эти духоборцы и передали, что имъ даютъ деньги подъ условіемъ этого заявленія; князь самъ просилъ ихъ сдѣлать заявленіе. Англичанинъ Модъ на собраніи переспросилъ ихъ:

— «Свое ли это у нихъ мнѣніе, или навязано имъ со стороны?»

Духоборцы смущенно сказали:

— «Свое».

Князь все-таки поѣхалъ въ Канаду на свои средства и оказалъ духоборцамъ огромную пользу.

IX.

Изъ Канады князь Д. А. Хилковъ переѣхалъ въ Швейцарію. Здѣсь онъ написалъ нѣсколько политическихъ брошюръ, обратившихъ на себя вниманіе заграничныхъ эмигрантскихъ кружковъ. Событія поставили его въ самое близкое соприкосновеніе съ крайней лѣвой партіей. Дѣятельность «революціонеровъ» Азефа и Татарова была у него на виду. Онъ замѣчалъ, хотя тогда и не догадывался, двойственную игру этихъ господъ.

Цѣлый рядъ примѣровъ убѣдилъ его въ безжизненности заграничныхъ главарей революціи. Теперь онъ понимаетъ, почему всѣ усилія сдѣлать центральный комитетъ сильнымъ парализовались Азефомъ. Тогда же это носило характеръ борьбы двухъ партій, при чемъ партія Азефа неизмѣнно побѣждала.

Не сошелся князь съ революціонерами и въ основномъ пониманіи русской революціи.

— Воля русскаго народа мой законъ,—говорилъ онъ. Если бы народъ устами свободно выбранныхъ депутатовъ высказался бы за абсолютизмъ, я навсегда открестился бы отъ революціи.

— А нашъ народъ можетъ высказаться за абсолютизмъ,—говорилъ онъ мнѣ.

Такія мнѣнія не были на руку ни Азефамъ, ни дѣй-

ствительнымъ революціонерамъ. Поэтому всѣ дальнѣйшія указанія и мнѣнія князя игнорировались. Онъ долженъ былъ сойти на нѣтъ. Князь пересталъ видѣть какой-нибудь смыслъ въ дѣятельности партіи, заправляемой Азефами.

Въ 1905 году, во времена свободъ, онъ открыто пріѣхалъ въ Россію и уже болѣе не выѣзжалъ изъ нея. Фактически онъ еще раньше порвалъ связь съ партіей. Теперь, когда русская революція прошла предъ нимъ въ цѣломъ рядѣ ошибокъ, жестокихъ, безполезныхъ дѣйствій, онъ уже не могъ оставаться въ партіи и номинально. Предчувствуя «азефовщину», онъ въ 1907 году вышелъ изъ партіи.

Во время волненій онъ сидѣлъ у себя на хуторѣ и объяснялъ крестьянамъ, что революція, заключающаяся въ грабежахъ, безцѣльныхъ убійствахъ, подрѣзываніи жилъ у лошадей,—не революція, а Богъ знаетъ что. Мѣстный священникъ говорилъ послѣ, что только благодаря вліянію князя у нихъ не было грабежей и жестокостей.

X.

Я не видалъ человѣка, который былъ бы болѣе терпимъ въ отношеніи вѣры, чѣмъ Д. А. Хилковъ.

«Если вѣришь, ходи въ церковь».

Но зато съ какимъ негодованіемъ онъ обрушивается на людей невѣрующихъ, равнодушныхъ, но въ то же время притворяющихся вѣрующими, съ пустой душой исполняющихъ церковные обряды и въ этомъ исполненіи видящихъ всю религію.

— Это «хула на Святого Духа»,—говорилъ онъ,—грѣхъ, который не прощается.

Самыя дикія убѣжденія цѣннѣе отсутствія убѣжденій, ибо трава грязная все-таки трава живая.

Такое міровоззрѣніе понятно въ устахъ человѣка, который всю свою жизнь такъ счастливо соединялъ слово съ дѣломъ.

Самъ князь «свободомыслящій». Однажды въ сосѣднюю съ нимъ Николаевку, Сумскаго уѣзда, къ помѣщицѣ Калугиной пріѣхалъ о. Іоаннъ Кронштадскій. Мать князя стала просить сына поѣхать съ нею къ нему. Онъ былъ тогда хорошаго мнѣнія объ о. Іоаннѣ и поѣхалъ. У Калугиной съѣхалась вся мѣстная аристократія, а князь пріѣхалъ въ хохлацкой свиткѣ и простыхъ сапогахъ. О. Іоаннъ подошелъ къ нему, протянулъ руку для поцѣлуя, но князь только пожалъ руку.

— Дѣтей своихъ крестите?—спросилъ о. Іоаннъ.

— Нѣтъ.

— Нужно крестить. Толстой безумецъ, глупый.

Князь недоумѣвалъ, при чемъ тутъ Толстой.

— А въ это вы вѣрите?—спросилъ о. Іоаннъ, вынимая Евангеліе.

— Вѣрю.

— А тутъ написано—нужно крестить...

— А какъ же нужно крестить?—спросилъ князь.

— Водой.

— Я думаю, что въ Евангеліи говорится о той водѣ, которую Христосъ обѣщалъ самарянкѣ.

О. Іоаннъ сказалъ, что послѣ такихъ словъ онъ прекращаетъ съ нимъ бесѣду.

Воззрѣніе князя раціоналистическое. Но въ то же время, какъ это ни странно, онъ—мистикъ. Командиръ казачьей сотни, бунтарь — мистикъ! Онъ вѣритъ въ переселеніе душъ и говоритъ, что въ нашемъ сознаніи есть два отдѣленія: въ одномъ находится сознаваемое нами а въ другомъ, черезъ перегородку,—безконечный міръ безсознательнаго. Работа нашей жизни должна заключаться въ томъ, чтобы брать изъ-за перегородки по кусочкамъ безсознательное и перекладывать въ отдѣленіе сознанія...

Такова эта богато одаренная натура.

Николай Толстой.

(Изъ исторіи уніатства въ Россіи.)

I.

Со мной за однимъ столомъ сидитъ бѣдно одѣтый, съ робкимъ взглядомъ человѣкъ лѣтъ сорока и говоритъ:

— Вотъ думалъ съѣздить въ Петербургъ, попросить у митрополита мѣсто псаломщика... Но на билетъ денегъ нѣтъ... Не знаю, что дѣлать—страшная нужда...

Уже нѣсколько лѣтъ онъ бьется въ Москвѣ, какъ рыба объ ледъ. Не знаетъ, будетъ онъ съ женой завтра ѣсть или нѣтъ...

Онъ сынъ оберъ-гофмейстера А. Н. Толстого, который занималъ эту должность при четырехъ монархахъ: Николаѣ I, Александрѣ II, Александрѣ III и Государѣ Императорѣ Николаѣ II—до 1902 года. Николай Толстой, мечтающій теперь о мѣстѣ псаломщика, воспитывался въ аристократическомъ домѣ своего отца. Его прекрасно знаютъ при Дворѣ.

Онъ кончилъ пажескій корпусъ. Передъ нимъ открывалась блестящая военная карьера. Но онъ ее «испортилъ». Почему-то съ раннихъ лѣтъ полюбилъ церковь и богослуженіе.

— Можетъ быть, ваша семья была религіозна?

— Какъ каждая аристократическая семья. Религіей не интересовалась, въ церковь рѣдко ходила. Полное равнодушіе къ дѣламъ вѣры. Меня наказывали тѣмъ, что не пускали къ обѣднѣ. Когда я просился къ всенощной, мнѣ

говорили: «Что ты? Развѣ можно? Тамъ воздухъ испорченный, приходитъ каждый съ улицы. Тебѣ тамъ не мѣсто».

— Можетъ быть, гувернантки?

— Всѣ, какъ на подборъ, были не религіозны.

Уже десяти лѣтъ мальчикъ Толстой думаетъ пойти въ Духовную Академію. Но какъ это сдѣлать? О духовномъ училищѣ онъ и заикнуться не смѣлъ. Тогда онъ уговорилъ отца отдать его въ 3-ю петербургскую гимназію. Все-таки не военная школа. Изъ 3-й гимназіи онъ перешелъ въ филологическую гимназію. Здѣсь, будучи шестнадцатилѣтнимъ мальчикомъ, онъ познакомился съ греческимъ архимандритомъ Неофитомъ Пагидасъ. Архимандритъ тайно отъ родителей посвятилъ его въ стихарь. Мальчикъ во время службы былъ у него за иподьякона. Въ домѣ сначала никто объ этомъ не зналъ. Но самъ Толстой, привыкшій ничего не скрывать, однажды разсказалъ обо всемъ. Отецъ принялъ мѣры: запретилъ ему ходить въ греческую церковь и положилъ конецъ «развращающему вліянію» гимназіи тѣмъ, что отдалъ сына въ пажескій корпусъ.

— На мундиръ тебѣ стихарь не надѣнутъ,—сказалъ онъ ему.

Но и въ пажескомъ корпусѣ мальчикъ не утратилъ «демократической» склонности къ богослуженію. Онъ дѣлается чтецомъ и пѣвцомъ въ корпусной церкви, чѣмъ сильно компрометируетъ свою семью и огорчаетъ родителей. Мало того, онъ увлекаетъ другихъ пажей. До него исполнять дьячковскія обязанности считалось между пажами неприличнымъ. Послѣ него стало считаться обыкновеннымъ. Съ теченіемъ времени Толстой служитъ уже въ церкви въ качествѣ иподьякона.

Однажды въ корпусной церкви было архіерейское богослуженіе. Присутствовалъ отецъ Николая Толстого. Въ этотъ день посвящался въ дьяконы какой-то Николай. Когда провозгласили имя посвящаемаго, оберъ-гофмейстеръ поблѣднѣлъ и испуганный побѣжалъ въ алтарь. Но, увидавъ сына на своемъ мѣстѣ, успокоился. Онъ ду-

малъ, что его Николай уже окончательно испортилъ свою карьеру—пошелъ въ дьяконы.

Мальчикомъ лѣтъ 13 Толстой познакомился съ Владимиромъ Серг. Соловьевымъ. Онъ встрѣчался съ нимъ въ салонѣ своего родственника Хитрово, который былъ посланникомъ въ Японіи и затѣмъ Сербіи. В. С. Соловьевъ бывалъ тамъ, какъ свой человѣкъ. Читалъ свои стихи, говорилъ о соединеніи церквей. На почвѣ этого вопроса мальчикъ Толстой съ нимъ и сошелся. Онъ уже имѣлъ понятіе о католичествѣ. Можетъ быть, даже Соловьевъ повліялъ на него въ смыслѣ увлеченія католичествомъ. Они стали въ близкія отношенія, видѣлись, переписывались.

Въ 1888 году Толстой окончилъ корпусъ. Отецъ хотѣлъ, чтобы онъ вышелъ въ Преображенскій полкъ, гдѣ служили всѣ Толстые. Но Николай Толстой думалъ, что ему оттуда трудно будетъ выбраться въ духовную академію. Поэтому онъ вышелъ въ армейскій Софійскій полкъ, стоявшій въ Москвѣ. Въ первый же день по пріѣздѣ въ полкъ онъ подалъ прошеніе о соединеніи своей офицерской службы съ вольнослушаніемъ въ московской духовной академіи. Ему, конечно, отказали въ этомъ. Тогда онъ послѣдовательно одинъ за другимъ подалъ 12 рапортовъ объ отставкѣ. Изъ нихъ два послѣдніе рапорта были поданы на Высочайшее имя. На 11 рапортовъ послѣдовалъ отказъ. Послѣ 12-го рапорта было отдано распоряженіе разрѣшить ему выйти въ запасъ.

Въ 1889 году онъ по конкурсу поступилъ въ московскую духовную академію. Какъ только выдержалъ вступительный экзаменъ началъ просить посвятить его во священники. Это было легко сдѣлать другимъ и оказалось очень труднымъ для родовитаго Толстого. Препятствіемъ былъ отецъ. Онъ думалъ, что сынъ, пройдя духовную академію, вернется, въ концѣ концовъ на «истинный путь», приличный его родовитости. Посвященіе же во священники окончательно уничтожало эту надежду. Плюсомъ къ этому была еще и женитьба Николая Толстого на дѣвушкѣ не знатнаго рода.

Сначала о посвященіи онъ просилъ московскаго митрополита Іоанникія. Тотъ почему-то отвѣтилъ:

— Примите монашество.

Монашества Толстой принимать не хотѣлъ, да и не могъ—онъ былъ уже женатъ. Тогда онъ отправился въ Вильно къ архіепископу Алексію литовскому. Тотъ сначала согласился посвятить его во священники. Но потомъ списался съ Петербургомъ и попросилъ согласія отца. Тотъ, конечно, не далъ согласія, и архіепископъ Алексій отказался посвятить Толстого.

Выручилъ московскій генералъ-губернаторъ князь Владимиръ Андр. Долгоруковъ. Онъ былъ другомъ отца и дѣда Толстого. Николай Толстой часто запросто бывалъ у него въ Москвѣ. Къ нему онъ отправился за помощью. Князь ни съ кѣмъ не списывался, а сказалъ своему адъютанту, князю Урусову:

— У васъ, кажется, есть церковь въ имѣніи? Вотъ вамъ священникъ для вашей церкви.

Кн. Урусовъ, у котораго имѣніе находилось въ Нижегородской губерніи, поѣхалъ съ Толстымъ къ нижегородскому епископу и объявилъ ему волю генералъ-губернатора. Посвященіе состоялось въ домовой церкви князя Урусова въ Княгининскомъ уѣздѣ.

Я уже говорилъ, что у Толстого очень рано явилась склонность къ католичеству. Еще въ гимназіи онъ обращался къ католическимъ священникамъ съ разными недоумѣнными вопросами, по ихъ совѣту изучилъ Ѳому Аквината и пришелъ къ убѣжденію, что между православіемъ и католичествомъ нѣтъ догматическаго различія. Только политика создаетъ между ними рознь. Онъ говорилъ:

— Православіе есть неразрывная часть католичества. Но оно (т.-е. православіе) попало въ руки свѣтской власти и эта власть держитъ его въ изолированномъ видѣ. Всѣ недостатки православія зависятъ исключительно отъ этой вынужденной изоляціи. Если бы свѣтская власть предоставила церкви самостоятельность, то православіе, идя логично, должно придти къ католичеству.

Этотъ взглядъ о. Толстой развивалъ открыто, будучи въ академіи. К. П. Побѣдоносцевъ и В. К. Саблеръ были съ нимъ въ самыхъ хорошихъ, близкихъ отношеніяхъ, бывали у него въ домѣ. Они знали о его «католическихъ взглядахъ», но не придавали имъ никакого значенія, думая, что въ православномъ священникѣ это не серьезно. Когда онъ былъ на 3-емъ курсѣ, митрополитъ Леонтій вызвалъ его съ студентомъ священникомъ Веригинымъ*) къ себѣ и сталъ обвинять въ сочувствіи къ католичеству и обличать:

— Вы держитесь соловьевскихъ идей. Это недопустимо.

О. Толстой отвѣчалъ владыкѣ. Тому не понравились его отвѣты и онъ нетерпѣливо замѣтилъ:

— Что вы со мною спорите? Я вамъ не товарищъ.

Серьезныхъ результатовъ на этотъ разъ не послѣдовало. Дѣло ограничилось выговоромъ и обличеніемъ.

Будучи студентомъ академіи, о. Толстой совершилъ два большихъ путешествія: прежде всего на Ближній Востокъ: въ Константинополь, Египетъ и Іерусалимъ. Патріархъ іерусалимскій Герасимъ пригласилъ его служить. О. Толстой участвовалъ въ пасхальномъ богослуженіи и устроилъ въ церкви грандіозный скандалъ.

Онъ обратилъ вниманіе на отсутствіе благочинія при богослуженіи. Греческіе монахи, вмѣсто: «Благообразный Іосифъ», пѣли себѣ подъ носъ безсмысленное: «У-у-у-а-а-а...» Потомъ о. Толстой услыхалъ, что они прямо кощунствуютъ: въ духовное пѣснопѣніе вставляютъ слова: хуруни (свинья), айдури (оселъ) и т. п. Монахи сидѣли на престолѣ, плевались. Одинъ плюнулъ черезъ престолъ въ стихарнаго мальчика.

Это кощунство такъ возмутило о. Толстого, что онъ въ гнѣвѣ снялъ съ себя ризы и громко сказалъ, обращаясь къ патріарху:

---

*) Веригинъ послѣ былъ протоіереемъ посольской церкви въ По. Семнадцать лѣтъ обдумывалъ, присоединиться къ католичеству или нѣтъ. Года два тому назадъ присоединился. Папа далъ ему церковь Св. Лаврентія у Форума въ Римѣ, гдѣ онъ и служитъ теперь.

— Я не буду участвовать въ этой...

Назвалъ стараго патріарха «комедіантомъ».

Въ это время арабы бросили съ хоръ тяжелую лампаду въ патріарха, но промахнулись. Тогда греки кинулись на арабовъ и стали ихъ тутъ же въ церкви бить. Началась свалка. Турки бросились усмирять. Турецкій солдатъ во время драки проткнулъ штыкомъ рясу о. Толстого, съ негодованіемъ смотрѣвшаго на происходящее безобразіе.

О. Толстой обратился къ русскимъ паломникамъ съ такими словами:

— Пойдемте отсюда. Что у насъ общаго съ ними?

Паломники ушли съ нимъ. Онъ служилъ для нихъ обѣдню въ этотъ день въ церкви на Елеонской горѣ.

Обиженный патріархъ Герасимъ отправилъ Императору Александру III жалобу на священника Толстого. Но жалоба прошла чрезъ министерство иностранныхъ дѣлъ. А тамъ отецъ о. Толстого имѣлъ большое вліяніе. Жалобу Государь не читалъ...

Въ 1893 году о. Толстой совершилъ кругосвѣтную поѣздку. Изучалъ католическія миссіи. Жилъ въ продолженіе нѣкотораго времени среди дикихъ жизнью австралійскаго миссіонера-іезуита. При немъ людоѣды съѣли одного іезуита.

Когда онъ ѣхалъ въ Австралію изъ Санъ-Франциско, находившіеся на пароходѣ католики и протестанты просили отслужить имъ обѣдню. Онъ согласился. Сначала отслужилъ мессу для католиковъ. Съ нимъ былъ антиминсъ и ризы древне-греческаго покроя. Эти ризы онъ свернулъ такъ, что сдѣлалъ похожими на католическое облаченіе и началъ читать мессу на латинскомъ языкѣ. Но когда хоръ пѣлъ, онъ подходилъ къ жертвеннику и шепталъ про себя слова Златоустовской литургіи. Послѣ этого по просьбѣ капитана онъ совершилъ протестантскую службу на англійскомъ языкѣ. Всѣ были очень довольны.

II.

По окончаніи курса академіи ему вскорѣ же пришлось разорвать отношенія съ синодальной церковью. Я спрашивалъ о. Николая Толстого:

— Почему онъ раньше не разрывалъ этихъ отношеній? Былъ въ душѣ католикомъ, а добивался православнаго священства?

— Я, какъ и Соловьевъ, не хотѣлъ разрывать съ церковью. Я мечталъ соединить православіе съ католичествомъ, поэтому, находясь въ православіи, я хотѣлъ быть католикомъ.

Но это оказалось невозможнымъ. Лѣтомъ 1894 года за границей была опубликована переписка о. Толстого съ доминиканцемъ Ванутелли (братомъ извѣстнаго кардинала). Въ перепискѣ ясно говорилось о симпатіяхъ Толстого къ католичеству. Тамъ было между прочимъ упомянуто, какъ онъ изъ Индіи доставилъ свѣдѣніе К. П. Побѣдоносцеву о неправильности хиротоніи Виллата. Виллатъ—старокатолическій епископъ, выразившій синоду желаніе присоединиться къ православію «въ сущемъ санѣ». Побѣдоносцевъ, зная о намѣреніи о. Толстого поѣхать въ Индію и Америку, просилъ его разузнать о хиротоніи Виллата. Толстой исполнилъ просьбу и доказалъ, что хиротонія его неправильна. Тогда Виллату предложили перейти въ православіе въ санѣ священника, но онъ не захотѣлъ. Теперь, когда опредѣленно выяснилось католическое настроеніе о. Толстого на участіе о. Толстого въ дѣлѣ Виллата посмотрѣли иначе... Опубликованная переписка окончательно скомпрометировала о. Толстого въ глазахъ духовной власти. К. П. Побѣдоносцевъ прямо предложилъ ему снять санъ.

О. Толстой жилъ въ это время въ Москвѣ, служилъ въ одномъ приходѣ на Остоженкѣ.

Незадолго до опубликованія переписки онъ получилъ приглашеніе отъ Александра III, который въ то время доживалъ свои послѣдніе земные дни въ Ливадіи,—пріѣхать

къ нему. Покойный государь прекрасно относился къ нему; когда Толстой, будучи пажемъ, заболѣлъ, Государь съ Государыней навѣстили его въ корпусной больницѣ. Сейчасъ Государь звалъ его повидаться, такъ какъ въ Петербургѣ всегда мѣшали дѣла.

Въ Ливадію онъ ѣздилъ вмѣстѣ съ о. Іоанномъ Кронштадскимъ и о. Янышевымъ, которые были также приглашены больнымъ Государемъ. О. Іоаннъ предложилъ отцу Толстому служить въ Ялтскомъ соборѣ. Но о. Толстой придумалъ предлогъ.

— Не могу, я поѣлъ утромъ винограда.

Служить въ православномъ храмѣ онъ уже не могъ Не задолго до этого въ Москву къ о. Толстому тайно пріѣзжалъ католическій епископъ Журданъ-де-ля-Пассардье и присоединилъ его къ католичеству. А передъ этимъ изъ Рима же къ нему были посланы два католическихъ священника, которые говорили съ нимъ о возможности соединенія церквей.

Когда опубликована была переписка съ Ванутелли, К. П. Побѣдоносцевъ предложилъ о. Толстому попросить высшую власть снять съ него санъ, тогда онъ сохранилъ бы гражданскія права. Но о. Толстой отвѣтилъ:

— Не высшая власть дала мнѣ санъ, не она его и сниметъ. Судите меня.

— Обойдемся безъ суда, — сказалъ К. П. Побѣдоносцевъ,—сошлемъ административнымъ порядкомъ.

В. К. Саблеръ посовѣтовалъ о. Толстому поскорѣе уѣхать изъ Россіи. Тотъ послушался и уѣхалъ въ Римъ. Тамъ его пригласили служить въ русскую посольскую церковь, не зная о томъ, что на немъ уже лежитъ гнѣвъ всесильнаго оберъ-прокурора. О. Толстой на этотъ разъ согласился и вотъ почему. Наканунѣ онъ былъ у кардинала Рамполлы и спросилъ его:

— Что мнѣ дѣлать? Я католикъ, а меня зовутъ служить въ православную церковь?

Рамполла отвѣтилъ:

— Мы поговоримъ, когда это будетъ сдѣлано.

О. Толстой понялъ хитрый отвѣтъ, служилъ въ посольской церкви и неожиданно для всѣхъ помянулъ на выходѣ «архіерея града сего», т.-е. папу. Произошелъ скандалъ. Архимандритъ Пименъ, стоявшій во главѣ посольской церкви, пожаловался синоду. К. П. Побѣдоносцевъ прислалъ послу Вланган сообщеніе, что Толстому запрещено богослуженіе. Вланган показалъ о. Толстому бумагу Побѣдоносцева. Тотъ въ отвѣтъ спросилъ посла:

— Если бы архимандритъ передалъ вамъ, что митрополитъ лишаетъ васъ посольской должности, что бы вы сказали?

Этимъ Толстой еще разъ подчеркнулъ, что свѣтская власть не можетъ лишить его духовнаго сана.

Послѣ этого о. Толстой организовалъ православную обѣдню въ катакомбахъ.

Это была уже явная демонстрація.

Во всѣхъ римскихъ газетахъ было объявлено, что обѣдня состоится въ такой-то день и часъ въ катакомбѣ Каллиста. Въ то время министромъ-резидентомъ при Ватиканѣ былъ Извольскій. Онъ явился къ кардиналу Рамполлѣ и категорически заявилъ:

— Если обѣдня въ катакомбѣ Каллиста будетъ допущена, я покидаю Ватиканъ.

Кардиналъ отвѣтилъ:

— Не безпокойтесь, обѣдни въ катакомбѣ Каллиста не будетъ.

Извольскій, успокоенный, уѣхалъ. Рамполла же предписалъ о. Толстому:

— Въ катакомбѣ Каллиста нельзя устраивать обѣдню. Рядомъ съ ней есть катакомба Савостьяна—болѣе помѣстительная.

О. Толстой понялъ. Анонсировать въ газетахъ о перемѣнѣ мѣста не было уже времени. Тогда католическіе монахи были поставлены у катакомбы Каллиста, чтобы указывать народу на катакомбу Савостьяна.

Весь Римъ былъ заинтересованъ разыгравшими событіями. Имъ приписывали огромное значеніе. Поэтому ка-

такомба Савостьяна была полна народу. Православная обѣдня для католиковъ состоялась. О. Толстой помянулъ на выходѣ императора Александра III и папу.

Тогда Извольскій пожаловался въ Петербургъ. О. Толстому вскорѣ же была вручена синодская бумага съ пунктами обвиненія. Почему-то офиціальныя слова: «По указу Его Императорскаго Величества»... были отрѣзаны. Главными пунктами обвиненія были переписка съ Ванутелли, упоминаніе на православной обѣднѣ папы и выѣздъ за границу безъ благословенія своего архіерея.

О. Толстой изложилъ свои отвѣты на обвиненія, отлитографировалъ и послалъ синоду, епископу нижегородскому Владиміру и Государю. Онъ писалъ слѣдующее:

Папу онъ помянулъ въ Римѣ, какъ «архіерея града сего», подобно тому какъ греческій патріархъ поминаетъ въ предѣлахъ турецкой имперіи имя турецкаго султана. Онъ указалъ, что въ Петербургѣ недавно умеръ градоначальникъ Грессеръ. Онъ былъ лютеранинъ, однако, его отпѣвали въ православной церкви. Почему? Съ Ванутелли его познакомилъ самъ К. П. Побѣдоносцевъ. Онъ прислалъ къ нему этого Ванутелли. А потомъ далъ о. Толстому книгу Ванутелли, трактующую о соединеніи церквей, съ своими помѣтками на поляхъ. За границу безъ благословенія епископа онъ ѣздитъ не первый разъ. Духовная власть знала о его поѣздкѣ. Это видно изъ того, что онъ былъ снабженъ ею антиминсомъ.

Въ концѣ своей защитительной докладной записки о. Толстой спрашиваетъ:

— Къ кому онъ можетъ аппелировать?

— По Лаодикійскому собору,—пояснилъ мнѣ о. Толстой свой вопросъ синоду,—разрѣшается апеляція только одному папѣ.

Записка о. Толстого дошла до Петергофа. Тамъ прочитали и прекратили дѣло. О. Толстому было разрѣшено вернуться въ Россію.

— Ни васъ, ни рясы вашей не тронутъ,—сказали ему.

III.

О. Толстой пріѣхалъ въ Москву. Папа далъ ему полномочіе уніатскаго священника, и онъ служилъ на своей квартирѣ на Остоженкѣ церковныя службы.

Въ это время произошелъ переходъ Владимира Соловьева въ католичество. Это было въ 1896 году. Соловьевъ пріѣхалъ къ о. Толстому спеціально для присоединенія къ уніатству. Вторую недѣлю поста онъ, какъ полагается, говѣлъ, исповѣдался и причастился. 18-го февраля онъ былъ присоединенъ «третьимъ чиномъ» о. Толстымъ въ его церкви. Свидѣтельницей между прочими была Софья Петровна Хитрово, вдова посланника, въ петербургскомъ салонѣ котораго о. Толстой познакомился съ В. Соловьевымъ. Никакого отреченія отъ православія при присоединеніи не было. Просто передъ исповѣдью Соловьевъ прочелъ «исповѣданіе православной вѣры Тридентскаго собора». И только. Такъ былъ присоединенъ самъ о. Толстой и другіе уніаты-священники: о. Сусалевъ, о. Сторожевъ, о. Зерчаниновъ.

На другой день послѣ присоединенія Соловьева о. Толстой былъ арестованъ. Его позвали въ участокъ. Взяли билетъ, по которому онъ проживалъ, и потребовали ставленную грамоту и кандидатскій дипломъ. О. Толстой отвѣтилъ:

— Оба эти документа остались за границей.

Онъ представилъ только папскій celebret, бумагу, которая говорила о правѣ о. Толстого совершать богослуженіе. Тогда отъ него потребовали подписку въ томъ, что онъ не будетъ совершать богослуженія и носить духовное платье. О. Толстой отказался дать такую подписку. Спросили по телефону «кого-то». Отвѣтъ былъ такой:

— Принять самыя строгія мѣры.

О. Толстой согласился написать только одно, что онъ читалъ бумагу. И то подъ условіемъ, если его сейчасъ же отпустятъ домой привести въ порядокъ дѣла и проститься съ семьей. Ему сказали, что онъ будетъ доставленъ для освидѣтельствованія умственныхъ способностей въ губерн-

ское правленіе, потомъ заявили, что его сошлютъ въ отдаленнѣйшія мѣста имперіи. Въ отвѣтъ о. Толстой сказалъ, что при такихъ условіяхъ онъ никакой подписки дать не можетъ.

Его отпустили на нѣсколько часовъ домой подъ присмотромъ полицейскаго чина. О. Толстой перенесъ изъ дома святые дары и другія церковныя вещи къ французскому священнику на Малую Лубянку, исповѣдался у него и затѣмъ вернулся на квартиру. Простился съ женой и дѣтьми, вышелъ, сѣлъ одинъ на извозчика и громко сказалъ:

— Въ участокъ!

Извозчикъ поѣхалъ, но, завернувъ за уголъ, направился къ В. Соловьеву. Тотъ жилъ тогда на Арбатѣ. О. Толстой быстро переодѣлся у него въ штатское платье, прошелъ чернымъ ходомъ и вмѣстѣ съ нимъ сѣлъ на другого извозчика и поѣхалъ на Николаевскій вокзалъ. Весь планъ бѣгства былъ разработанъ Владиміромъ Сергѣевичемъ. Его извѣстили объ арестѣ, онъ успѣлъ подговорить старика-извозчика, знавшаго хорошо и о. Толстого, и Соловьева. Этого извозчика послѣ арестовали и допрашивали, куда онъ отвезъ о. Толстого. Но онъ былъ твердъ, указалъ на какой-то вокзалъ, но не сказалъ о Соловьевѣ. Иначе «гордости Россіи» В. С. Соловьеву пришлось бы отвѣдать Таганскую тюрьму, или какой-нибудь участокъ. Время кн. В. А. Долгорукова безвозвратно прошло.

Пріѣхавъ на Николаевскій вокзалъ, Соловьевъ взялъ о. Толстому билетъ I класса и посадилъ въ купэ. Въ Петербургѣ о. Толстой прямо съ поѣзда отправился къ княгинѣ Е. М. Волконской, женѣ тогдашняго товарища министра народнаго просвѣщенія. Она была тайной католичкой. Княгиня посовѣтовала о. Толстому обратиться къ своему дядѣ Ушакову, вліятельному человѣку. У Ушакова о. Толстой жилъ цѣлый мѣсяцъ. Никто, даже отецъ, не зналъ о немъ. Но въ Петергофѣ о немъ знали. О. Толстой, какъ пріѣхалъ, написалъ письмо туда. Ему отвѣтили:

— Разсмотримъ, сидите пока у Ушакова.

Предупредили только, чтобы дворникъ Ушаковскаго дома не зналъ о его пребываніи.

Цѣлый мѣсяцъ разсматривали дѣло. О. Толстой жилъ безъ прописки. Ушаковъ заинтересовалъ его дѣломъ одно высокопоставленное лицо. Это лицо приняло въ немъ участіе и передало въ Петергофъ письмо о. Толстого къ этому лицу. Въ письмѣ описывалось, что съ о. Толстымъ сдѣлали въ Москвѣ. О. Толстой не пожалѣлъ при описаніи красокъ.

— Бодритесь,—говорили въ отвѣтъ изъ Петергофа,— скоро все объяснится. Получите отвѣтъ. Пока отправляйтесь къ N (начальнику одной канцеляріи). Выходить теперь уже можете, о васъ знаетъ градоначальникъ.

N. потребовалъ отъ о. Толстого сказать ему:

— Какъ попало въ Петергофъ письмо, совсѣмъ не предназначенное для Петергофа?

О. Толстого просили не говорить, кто передалъ письмо. Онъ уклонился отъ отвѣта.

— Чего вы хотите?—спросилъ его N.

— Хочу въ Москву.

— Отвѣтъ получите въ такое-то время.

Въ это время оберъ-гофмейстеръ А. Н. Толстой посѣтилъ сына и разсказалъ ему, что въ Петергофѣ «не хотятъ сдѣлать его мученикомъ». Видимо, А. Н. Толстой обрисовалъ своего сына фанатикомъ, рвущимся на мученичество.

Узналъ о пребываніи о. Толстого въ Петербургѣ и К. П. Побѣдоносцевъ и началъ усиленно хлопотать, чтобы о. Толстому не было разрѣшено вернуться въ Москву. Оберъ-прокуроръ до этого былъ въ ссорѣ съ прот. Янышевымъ, но для такого случая помирился и просилъ его воздѣйствовать гдѣ нужно въ этомъ смыслѣ. Прот. Янышевъ обѣщалъ. Дѣло было представлено такъ, что о. Толстой можетъ своимъ католицизмомъ внести смуту въ православную церковь. Кончилось тѣмъ, что о. Толстого рѣшили предать «всей строгости законовъ». Но при этомъ ему посовѣтовали убѣжать за границу.

Ушаковъ и кн. Волконская убѣждали о. Толстого ѣхать

чрезъ Ганге съ чужимъ паспортомъ. Но о. Толстой наотрѣзъ отказался отъ фальшиваго паспорта.

— Апостолы,—говорилъ онъ,—никогда не разъѣзжали съ чужими паспортами. А я хочу слѣдовать ихъ примѣру.

Уѣхать за границу онъ согласился. Пригласили сопутствовать ему католическаго священника доминиканца отца Шумпа. Въ ночь на Страстную пятницу они выѣхали. Пасха была ранняя, поднялась мятель, былъ холодъ. Съ чемоданомъ въ рукѣ, пѣшкомъ, переходили они по снѣгу рѣку въ Бѣломъ Островѣ. О. Толстой простудился и получилъ на всю жизнь ревматизмъ. Кое-какъ они достигли Гельсингфорса. Здѣсь о. Толстого обрили и переодѣли въ платье финскаго торговца рыбой. О. Шумпъ нашелъ какую-то даму, сынъ которой имѣлъ въ то время заграничный паспортъ. За вознагражденіе она отдала этотъ паспортъ. О. Шумпъ взялъ билетъ въ Гулль. Прошли на пароходъ и спрятали о. Толстого въ трюмѣ корабля. Въ дѣло былъ посвященъ капитанъ. Когда пароходъ отплылъ отъ берега о. Толстого выпустили изъ трюма. У него оказалась прекрасная каюта I класса. Но на душѣ у него былъ мракъ.

— Это было въ пасхальную ночь,—разсказывалъ онъ — вездѣ въ Россіи радость, благолѣпіе богослуженія, а я вдали отъ семьи, на кораблѣ, въ морѣ, одинъ... Очень было тяжело...

Въ Римѣ уже знали о томъ, что произошло съ о. Толстымъ. Когда онъ пріѣхалъ туда, папа послалъ его жить къ ассумпціонистамъ (монашескій орденъ въ родѣ іезуитскаго). Онъ поѣхалъ къ нимъ въ Парижъ и жилъ въ монастырѣ. Писалъ въ ихъ газетахъ, участвовалъ въ богослуженіи, преподавалъ въ семинаріи литургику и археологію. Монахи держали его очень строго. Одного, напримѣръ, никуда не выпускали. Онъ запротестовалъ. Тогда его стали отпускать, но только до 5 час. вечера. Письма, присылаемыя къ нему изъ Россіи, безцеремонно распечатывали и прочитывали. Письма отъ жены уничтожали. О. Толстой долгое

время не получалъ поэтому о семьѣ никакой вѣсти. Всѣ эти обычныя въ католическомъ монашествѣ мѣры были направлены къ одному, чтобы порвать связь Толстого съ прошлымъ «міромъ» и Россіей. Но на о. Толстого онѣ повліяли иначе. Ему нестерпимо захотѣлось побывать въ Россіи, увидѣться съ семьей. Онъ получилъ случайное свѣдѣніе, что семья его переживаетъ тяжелое матеріальное положеніе. Зналъ онъ, что на пощаду ему надѣяться въ своемъ отечествѣ нельзя. Всетаки рѣшилъ ѣхать въ Россію—будь что будетъ.

Въ это время онъ свидѣлся съ отцомъ въ курортѣ Гомбурхѣ, куда престарѣлый оберъ-гофмейстеръ пріѣхалъ лѣчиться. Отецъ сказалъ ему:

— Въ Россію вернуться тебѣ никакъ нельзя.

Оберъ-гофмейстеръ не хотѣлъ хлопотать о возвращенія въ Россію «блуднаго сына».

Тогда тотъ поѣхалъ на свой рискъ. Тайно скрылся изъ монастыря и выѣхалъ изъ Парижа. Въ Копенгагенѣ въ отелѣ прописался «Побѣдоносцевымъ». Финляндская полиція паспорта съ него не спрашивала. Онъ благополучно доѣхалъ до Петербурга. Съ Николаевскаго вокзала послалъ отцу письмо.

— Я здѣсь и ѣду въ Москву.

По пріѣздѣ въ Москву онъ прежде всего отправился къ французскому католическому священнику о. Вивьену. Тотъ пришелъ въ ужасъ, когда увидѣлъ его. Отъ о. Вивьена поѣхалъ къ семьѣ, оттуда заѣхалъ расписаться въ книгѣ у Великаго Князя Сергѣя Александровича и, наконецъ, явился къ градоначальнику Трепову.

— Я пріѣхалъ только за тѣмъ, чтобы повидаться съ семьей. Я не буду совершать богослуженій,—сказалъ онъ.

Треповъ зналъ его и всю ихъ семью, былъ товарищемъ брата о. Толстого.

— Выправьте бумаги въ консисторіи и уѣзжайте изъ Москвы. Пока же живите въ Москвѣ,—разрѣшилъ Треповъ.

Но, несмотря на разрѣшеніе, о. Толстого на другой

день арестовали и направили почему-то въ Нижній Новгородъ. Его ждала ссылка въ отдаленнѣйшія мѣста имперіи. На Курскій вокзалъ его повезъ околодочный. Былъ уже первый часъ ночи, поѣзда всѣ прошли. Спеціальный выставочный поѣздъ, на которомъ хотѣли отвезтио. Толстого, почему-то въ тотъ день не пустили. Тогда околоточный сказалъ, что везетъ очень важнаго преступника и спросилъ составить экстренный поѣздъ. Былъ составленъ какой-то необычайный поѣздъ: изъ двухъ паровозовъ и двухъ вагоновъ. Въ 3 часа утра они выѣхали, а въ 8 ч. уже были въ Нижнемъ. «Важнаго преступника» отправили въ зданіе присутственныхъ мѣстъ. Тамъ помѣстили въ какое-то страшное отдѣленіе, чуть ли не вѣдающее дѣло отправки ссыльно-каторжныхъ...

Нижегородская властъ, когда разсмотрѣла дѣло, была поставлена въ тупикъ.

— Мы не имѣемъ никакого приказанія о бывшемъ священникѣ Толстомъ и принять его не можемъ,—сказали они околоточному.

Доложили генералъ-губернатру Баранову. Тотъ былъ другомъ отца Толстого. Разспросилъ и далъ приказаніе немедленно освободить «важнаго преступника».

О. Толстому выдали для прожитія документъ изъ нижегородской консисторіи. Въ документѣ онъ былъ названъ «лишеннымъ сана священникомъ». По закону онъ не имѣлъ права въѣзда въ столицы. Поэтому онъ доѣхалъ только до Кускова. Жена и братъ жены ждали его уже тамъ. Онъ рѣшилъ поселиться въ Сергіевскомъ посадѣ. Вдвоемъ съ шуриномъ они отправились пѣшкомъ кругомъ Москвы и дошли до какой-то станціи ярославской дороги, а оттуда доѣхали до Лавры.

Но въ Сергіевскомъ посадѣ ему не пришлось долго жить. Скоро для него вся московская губернія была сдѣлана запретной. Онъ переѣхалъ въ Петербургъ. Ночевалъ въ Павловскѣ въ домѣ теперь уже умершаго генерала Кирѣева. Кирѣевъ также былъ занятъ вопросомъ о соедине-

нiи церквей, но онъ носился съ мыслью о соединенiи старокатолической церкви съ православiемъ.

Въ Павловскъ къ сыну пріѣзжалъ отецъ, оберъ-гофмейстеръ и совѣтовалъ ему уѣхать за границу. Толстой послушался. Другъ отца, варшавскій генералъ-губернаторъ кн. Имеретинскій, выдалъ ему заграничный паспортъ. Толстой уѣхалъ и 7 лѣтъ съ небольшими перерывами прожилъ тамъ. Былъ во Львовѣ, Парижѣ, Римѣ.

— Почему не могла пріѣхать къ вамъ семья, — спросилъ я его.

— Кардиналъ Ришаръ запретилъ мнѣ звать семью. Это внесетъ, — говорилъ онъ, — смущеніе: католическіе священники не могутъ быть женатыми...

IV.

Въ Парижѣ на пожертвованныя деньги о. Толстой выстроилъ на берегу Сены уніатскую церковь св. Кирилла. Она основана при конгрегаціи ассумпціонистовъ. Тутъ же женскій монастырь. Толстого звали жить въ мужскомъ монастырѣ. Но онъ наотрѣзъ отказался отъ предложенія отцовъ ассумпціонистовъ, зная, по прежнему опыту, что это за люди. Парижскій митрополитъ положилъ ему жалованье 150 франковъ въ мѣсяцъ, но платилъ неаккуратно. Толстой жилъ кое-какъ. Одно время онъ жилъ у бенедиктинцевъ. Потомъ переѣхалъ въ Римъ. Папа помѣстилъ его въ греческомъ монастырѣ.

Въ 1898 году онъ опять уѣхалъ въ Россію повидаться съ семьей. Въ Москвѣ его снова арестовали и отправили въ Тверь. Онъ прожилъ тамъ подъ надзоромъ полиціи 8 мѣсяцевъ. Сюда пріѣзжалъ къ нему В. С. Соловьевъ. Здѣсь состоялось нѣчто въ родѣ уніатскаго съѣзда. На съѣздѣ былъ поднятъ вопросъ о греко-католическомъ епископѣ. Этотъ санъ предложили Соловьеву. Онъ отвѣтилъ:

— Я не добиваюсь епископства, но если Богу угодно и римскій престолъ найдетъ это нужнымъ, я отказываться не стану.

Изъ Твери Толстой ѣздилъ въ Нижній Новгородъ. Здѣсь состоялся съѣздъ послѣдователей соловьевской идеи соединенія церквей. На съѣздѣ ожидался самъ Владимиръ Сергѣевичъ, но друзья уговорили его не ѣздить, такъ какъ было не безопасно. На съѣздѣ было первое соборное служеніе. Соловьевъ единогласно былъ избранъ собравшимися епископомъ. Папа одобрилъ это избраніе, но нашелъ преждевременнымъ назначеніе епископа въ нелегальную и преслѣдуемую общину.

Въ 1900 году, когда умиралъ Владимиръ Соловьевъ, въ Москвѣ не было ни одного греко-католическаго священника. Его духовникъ, о. Толстой, былъ въ это время за границей. Владимиръ Сергѣевичъ, съ его согласія, которымъ онъ заранѣе заручился, призвалъ для напутствія ближайшаго священника православной церкви и, не отрекаясь отъ католичества, умеръ въ лонѣ православной церкви, создавъ, такимъ образомъ, своею личностью мостъ между двумя церквами.

О съѣздѣ провѣдала полиція. Когда всѣ разъѣхались, былъ арестованъ нижегородскій священникъ о. Алексѣй Зерчаниновъ. Три года ему пришлось высидѣть въ Суздальскомъ Спасо-Евфиміевскомъ монастырѣ за свои симпатіи къ католичеству. Лишь благодаря Серафиму (Чичагову), нынѣшнему бессарабскому епископу, а тогда архимандриту Спасо-Евфиміевскаго монастыря, онъ освободился оттуда. Серафимъ далъ о немъ хорошую аттестацію, написалъ, что онъ вполнѣ православный. Въ 1906 году, когда провозглашена была свобода совѣсти, о. Зерчаниновъ основалъ въ Петербургѣ уніатскую церковь и открыто заявилъ себя греко-католикомъ.

Но вернемся къ Толстому. Онъ вскорѣ уѣхалъ опять за границу, жилъ въ Львовѣ у кардинала Сембратовича. Былъ въ Римѣ, гдѣ очень сблизился съ папой. Пользовался рѣдкимъ правомъ входить къ нему безъ доклада. Папа нашелъ лучшимъ подчинить его греческому патріарху арабу Джираржири. Патріархъ далъ Толстому санъ архимандрита съ правомъ архіерейскаго служенія. Благо-

словилъ его въ хорепископы. Но за все это потребовалъ съ него денегъ. Одна католичка, баронесса Будбергъ, предложила Толстому 500 франковъ для патріарха. Толстой далъ публично «понюхать» эти 500 франковъ жадному арабу, затѣмъ скинулъ съ себя архимадритское облаченіе, а іезуитскую шляпу бросилъ на полъ. Деньги же отдалъ обратно баронессѣ.

Скандалъ получился грандіозный.

О. Толстой вооружилъ противъ себя іезуитовъ. Онъ жилъ въ основанной по его иниціативѣ русской коллегіи въ Римѣ. Коллегія была въ рукахъ іезуитовъ. Послѣдователямъ Игнатія Лойолы не нравилась близость о. Толстого къ папѣ. Папа могъ узнать такимъ путемъ всѣ ихъ продѣлки. Они стали преслѣдовать о. Толстого. Когда онъ возвращался поздно, находилъ двери коллегіи запертыми. Ему приходилось ночевать въ гостиницѣ. Ключа ему не давали даже тогда, когда онъ исправлялъ обязанности ректора коллегіи. Всѣ эти мелочи вывели его изъ терпѣнія, и онъ однажды, къ ужасу монаховъ, надѣлъ штатское платье и переѣхалъ въ гостиницу.

Опять получился скандалъ.

Послали за нимъ іезуита. Но онъ отказался вернуться. Псаломщикъ русской посольской церкви пріютилъ его у себя. Однако, въ концѣ-концовъ, его убѣдили написать, что онъ сожалѣетъ о своемъ поступкѣ съ патріархомъ Джирарджири и о бѣгствѣ отъ іезуитовъ. Уговорили вернуться и заключили въ монастырь св. Іоанна и Павла на покаяніе. Здѣсь жить было уже совершенно невозможно. Монастырь — тюрьма временъ инквизиціи. Келья подъ крышей—на 10 этажѣ, все зданіе—высокая башня. Стояла адская жара. Въ умывальникѣ ни капли воды. Вездѣ надписи: «нельзя садиться на кровать», «нельзя выглядывать въ окно и въ коридоръ». Толстой въ первый же день категорически заявилъ:

— Если вы меня сейчасъ не выпустите отсюда, то будете имѣть дѣло съ русскимъ посольствомъ.

Это подѣйствовало: его выпустили. Онъ вернулся въ

Парижъ, но былъ запрещенъ. Средствъ у него не было. Жить становилось трудно. Отъ отца въ это время онъ получилъ письмо:

— Если покончишь съ католичествомъ, я буду хлопотать о реабилитаціи.

Но непремѣнно нужно было подчиниться синоду. А Толстой этого не хотѣлъ сдѣлать.

Между тѣмъ ему грозила голодная смерть. Онъ вынужденъ былъ обратиться съ покаяннымъ письмомъ къ патріарху Джирарджири и митрополиту парижскому. Тѣ простили его. Патріархъ даже далъ ему санъ протопресвитера іерусалимскаго. Толстой сталъ служить въ парижскихъ приходахъ и кое-что зарабатывалъ этимъ.

Въ 1902 году умеръ оберъ-гофмейстеръ А. Н. Толстой, лишивъ старшаго сына Николая наслѣдства. Все имущество и деньги перешли къ младшему. Братъ Толстого строго слѣдовалъ завѣщанію отца и Николай Толстой не получилъ отъ него ни одной копейки.

Въ 1902 году кончилось семилѣтнее запрещеніе въѣзда въ столицы. Толстой пріѣхалъ въ Москву. Администрація его не преслѣдовала, но онъ попалъ въ отчаянное матеріальное положеніе, которое продолжается до сихъ поръ. Первое время еще было сносно. Онъ получалъ сто рублей пенсіи отъ конгрегаціи. Когда изгнали конгрегаціи изъ Франціи, ему стали платить 75 рублей, а когда удалили нунція, перестали совсѣмъ платить. Прихода въ Москвѣ онъ не могъ образовать, и богослуженіемъ ничего не зарабатывалъ.

Тогда онъ пошелъ предлагать свою работу въ газеты. Онъ знаетъ 6 языковъ, но широко примѣнить это знаніе въ газетной работѣ ему не удавалось. Одно время онъ служилъ помощникомъ секретаря въ одной московской газетѣ, но потерялъ эту должность. Пристроился къ другой газетѣ, гдѣ печаталъ большой романъ изъ жизни католическихъ монастырей. Но заработокъ этотъ временный и небольшой.

Римскій престолъ ему ничѣмъ не помогалъ, хотя онъ

и сейчасъ фанатическій, правовѣрный уніатъ, сильно пропитанный католицизмомъ, и ревностный защитникъ соединенія церквей. Его товарищи по уніатству, послѣ объявленія свободы совѣсти, сумѣли одно время недурно устроиться въ Россіи. Устроились о. Зерчаниновъ и два бывшихъ старообрядческихъ священника: о. Сусалевъ и о. Сторожевъ.*) Не удавалось это одному о. Толстому.

Сидитъ со мной этотъ хорепископъ и аристократъ, лично знакомый съ коронованными особами и входящій къ папѣ безъ доклада, наслѣдникъ большого состоянія и блестящій пажъ,—сидитъ и дѣлится печальными мыслями:

— Хотѣлось бы поѣхать къ католическому митрополиту, въ Петербургъ, просить хоть должности псаломщика гдѣ-нибудь... Да вотъ денегъ нѣтъ на билетъ... Придется отложить...

Очеркъ объ о. Николаѣ Толстомъ былъ уже мной написанъ, когда надъ его головой разразилась новая гроза.

О. Николай, не долюбливавшій служителей Игнатія Лойолы, началъ въ Москвѣ войну съ помощникомъ декана о. Верцинскимъ. Онъ обвинялъ его въ томъ, что тотъ переводитъ уніатовъ въ латинство, новообращенныхъ изъ православныхъ и старообрядцевъ заставляетъ принимать римско-католическіе обряды, перемѣнять имя и совершать мvропомазаніе.

Практика о. Верцинскаго, по его мнѣнію, шла вразрѣзъ съ прямымъ повелѣніемъ покойнаго папы Льва XIII, который распорядился, чтобы новообращаемые оставались при обрядахъ восточной церкви съ тѣми же именами, и чтобы мvропомазаніе надъ ними не совершалось.

О. Николай Толстой жаловался на дѣйствія о. Верцинскаго католическимъ духовнымъ властямъ въ Россіи, а также посылалъ жалобы въ Римъ, но безуспѣшно.

Только по своей наивности онъ могъ думать, что Римъ

---

*) Въ послѣднее время оо. Сусалевъ и Сторожевъ въ связи съ дѣломъ іезуита Верцинскаго въ Москвѣ были высланы изъ Россіи.

имѣетъ чистое намѣреніе создать уніатство, отказавшись отъ пропаганды католицизма въ средѣ уніатовъ. Эта наивность была, какъ мы увидимъ ниже, наказана.

Хотя о. Толстой и не доносилъ свѣтской власти на о. Верцинскаго, но русская власть какъ-то объ этомъ узнала. Было наряжено слѣдствіе. Дѣло осложнилось тѣмъ, что г. Верцинскій оказался тайнымъ іезуитомъ, а монахамъ этого ордена, какъ извѣстно, воспрещено пребываніе въ Россіи. О. Толстой на допросѣ подтвердилъ, что о. Верцинскій—іезуитъ. Впрочемъ, это подтвердилъ и польскій ксендзъ о. Еленевскій. О. Николай Толстой утверждалъ даже, что о. Верцинскій соединялъ обязанности іезуита-пропагандиста съ выгодной должностью германскаго агента. .

Въ Римѣ когда узнали, что о. Толстой далъ показанія, компрометирующія о. Верцинскаго, рѣшили наказать о. Толстого. Въ католической газетѣ L'Univers появилось объявленіе къ вѣрующимъ, въ которомъ доводилось до всеобщаго свѣдѣнія, что коллегія кардиналовъ приняла рѣшеніе выставить къ позорному столбу о. Николая Толстого за доносъ и предательство собрата по сану. Это объявленіе равносильно приказу католикамъ устраниться отъ всякаго общенія съ преданнымъ позору священникомъ.

Чрезъ нѣсколько дней послѣ того въ Россіи было опубликовано офиціальное распоряженіе, которымъ «германскому подданному, ксендзу Верцинскому» было предложено безотлагательно выѣхать за предѣлы Россіи. О. Верцинскій уѣхалъ на родину, въ Германію.

Теперь для о. Толстого навсегда закрытъ Римъ. Оборвалъ онъ всѣ связи и съ синодомъ. Что же ему, фанатику церковности, остается дѣлать?

Игра въ религію.

Сколько разъ появлялось извѣстіе, что старообрядцы ведутъ переговоры о соединеніи съ римскимъ престоломъ. Каждый разъ, какъ только я слышалъ или читалъ объ этомъ, мнѣ становилось смѣшно и грустно.

Вспоминается мнѣ тогда православно-старообрядческо-католическій священникъ о. Евстаѳій Сусалевъ.

Вотъ онъ сидитъ передо мной,—этотъ маленькій, бѣлокурый попикъ съ голубыми, «грѣшными» глазами и разсказываетъ событія своей грѣшной жизни.

Онъ совсѣмъ безграмотный, совершенно необразованный. О себѣ говоритъ—«мы», какъ крестьяне въ великорусскихъ селахъ. Знакомыхъ и незнакомыхъ неизмѣнно трясетъ за руку.

Совсѣмъ крестьянинъ. Коренной, черноземный сынъ деревни, пропитанный суевѣріями и страхомъ своей среды.

Какъ идетъ къ нему его наивный разсказъ:

— Жили мы въ Пестякахъ. Плохо было. Семья большая, а приходъ 117 душъ. Домъ въ лѣсу, полторы версты отъ жилья. Кругомъ кладбище. Напалъ на насъ великій страхъ. Какъ только дѣло къ полуночи, плачетъ кто-то женскимъ голосомъ на одной могилѣ. А тутъ звѣзда оторвалась съ неба и ударилась въ эту могилу стрѣлой. Выйду я на крыльцо и долго слушаю. Жуть беретъ. Такъ каждый день. Мы къ попечителямъ:—сознавайтесь! Сознались. Говорятъ: въ этомъ мѣстѣ похоронили мы одну дѣвку утопленницу, да бабу удавленницу, да одного татарина. Души-то ходятъ теперь и плачутъ безъ христіанскаго погребенія...

— Что же вы сдѣлали?

— По кануну поступилъ. Поѣхалъ къ епископу Иннокентію. Онъ разрѣшилъ отпѣть дѣвку. Отпѣлъ. Ну, съ тѣхъ поръ все и прекратилось.

Слушаешь и не вѣришь ушамъ. Это уніатскій священникъ! Миссіонеръ римскаго престола! Вотъ кого зацѣпилъ въ свои «мрежи» преемникъ апостола-рыбака!

Какъ пахнетъ отъ этого лепета взрослаго ребенка болотною топью Заволжья, дремучими лѣсами, стоящими въ сырой мглѣ, ночнымъ безмолвіемъ...

— Кто надругался надъ тобой, отче,—хотѣлось мнѣ сказать о. Евстаѳію,—кто надѣлъ на тебя рясу и велѣлъ «богословить», когда тебѣ нуженъ мужицкій зипунъ и топоръ за поясъ? Слушалъ бы ты, лежа на полатяхъ, какъ возится домовой осеннею ночью съ лошадьми, или какъ лѣшій въ темную лѣтнюю ночь гогочетъ въ лѣсу.

Но судьба—комическая старуха—готовила ему бутафорскую извѣстность. Она безжалостно бросила его подъ жерновъ той огромной мельницы, которая называется «церковная политика». И маленькаго бѣлокураго поника, съ голубыми глазами, раздавило какъ муху.

Въ одинъ годъ онъ перемѣнилъ три «вѣры».

— Какъ попали вы въ католичество?

— Убѣждался,—отвѣтилъ о. Евстаѳій.

«Убѣждался» онъ и въ православіи, когда вышелъ первый разъ изъ старообрядчества. «Убѣждался» и въ старообрядчествѣ, когда ушелъ отъ православныхъ.

Впрочемъ, онъ отрицаетъ послѣднее:

— Никогда мы второй разъ не переходили въ старообрядчество.

Но предо мной лежитъ оригиналъ его письма, въ которомъ онъ проситъ прощенія у старообрядцевъ за уклоненіе въ господствующую церковь «не по убѣжденію, а только временно для прожитія».

И клянется:

— Буду пребывать въ старообрядчествѣ до скончанія вѣка; а если измѣню, то буду трижды анаѳема...

Онъ разсказываетъ, а я слышу, какъ въ его голосѣ звенятъ нервы. И душевный надрывъ сквозитъ въ каждомъ словѣ.

Насквозь пропитался онъ ложью въ той атмосферѣ духовной политики, куда бросила его судьба.

И понятно. Никто, вѣдь, не подходилъ къ его душѣ и не говорилъ съ его совѣстью. Вѣра его въ Москвѣ и въ Ватиканѣ осталась такая же, какая была въ Пестякахъ; онъ искренно «убѣждался», что звѣзды падаютъ на могилы утопленницъ. Съ этой «вѣрой» онъ подходилъ подъ благословеніе московскаго митрополита. Съ нею онъ не разстался и когда цѣловалъ туфлю римскаго папы.

И могъ не ощущать угрызеній совѣсти, ибо чувствовалъ, что до вѣры его, до души его никому никакого дѣла не было.

Его спрашивали:

— Како вѣруеши?

Но понимали подъ этимъ:

— Кого признаешь? Старообрядческаго архіепископа Іоанна Картушина, Синодъ или римскаго папу?

И онъ видѣлъ, что признаніе арх. Іоанна нужно для того, чтобы было непріятно Синоду. Признаніе Синода—для того, чтобы было непріятно Іоанну Картушину. А признаніе папы,—чтобы насолить и Синоду, и еп. Іоанну Картушину.

Это положеніе мячика въ рукахъ жонглера могло развратить хоть кого. А попикъ Евстаѳій—такой слабый, несчастный человѣкъ.

— Я созданъ на правду,—мальчишески-гордо заявляетъ онъ.

И тутъ же наивно сообщаетъ:

— Когда я былъ въ православіи, то лично видѣлъ духовныхъ лицъ, «ядущихъ со псомъ изъ одного блюда».

Несомнѣнно, православному духовенству онъ разсказывалъ въ такихъ же выраженіяхъ про старообрядческихъ священниковъ.

Старообрядческимъ епископомъ Иннокентіемъ о. Евстаѳій былъ запрещенъ за пороки, очень серьезные, особенно

для духовнаго лица. Это запрещеніе выбило его изъ колеи, какъ всадника изъ сѣдла.

Что дѣлать? Большая семья, бѣдность, уязвленное самолюбіе некультурнаго человѣка, жажда мести. Все это не встрѣтило препятствій въ глубокой вѣрѣ, ибо съ ранняго дѣтства вся вѣра безвозвратно ушла во внѣшность, обрядность, буквоѣдство...

Можетъ быть, и внѣшнія, случайныя обстоятельства были благопріятны для ухода въ православіе. И вотъ слабый, колеблющійся попикъ отчаяннымъ прыжкомъ перешелъ Рубиконъ. Онъ въ православіи.

Его переходъ былъ обставленъ торжественно. Это было огромное событіе въ миссіонерской жизни, о которомъ въ миссіонерскихъ же цѣляхъ понадобилось трубить въ трубы и бить въ литавры. Старообрядчество посрамлено, оно доживаетъ, видимо, послѣдніе дни, если даже пастыри его уходятъ въ православіе. Въ миссіонерскомъ отчетѣ Синоду этотъ фактъ былъ, должно-быть, особенно подчеркнутъ.

О. Евстаѳій предъ лицомъ народа съ церковнаго амвона долженъ былъ сказать рѣчь, посрамляющую старообрядцевъ. Онъ сказалъ.

Но когда торжественность кончилась, и о. Евстаѳій былъ использованъ въ миссіонерскихъ цѣляхъ,—для него наступили скучные дни.

— Дайте же мнѣ мѣсто священника,—просилъ онъ.— Вѣдь, вы обѣщали!

Объ этомъ обѣщаніи о. Евстаѳій говорилъ мнѣ лично.

Но тѣ, кого онъ просилъ, знали отлично, что безграмотный Сусалевъ, какъ православный священникъ, будетъ посмѣшищемъ у своей паствы.

Его послали въ дер. Авсюнино, дали даровую квартиру и 25 руб. жалованья. Только бы отвязаться отъ надоѣдливаго человѣка.

Пять съ половиной мѣсяцевъ прожилъ онъ въ тоскѣ и ничегонедѣланіи. Рисовалъ розовые горизонты, а жизнь преподносила ему одни шиши, и онъ «разочаровался» въ православіи.

— Если вы меня не устроите, то меня съ почтеніемъ берутъ въ старообрядчествѣ и даютъ хорошее мѣсто,—писалъ онъ въ Москву.

Начался постыдный торгъ. Началась ложь. Вѣдь важенъ первый шагъ, а потомъ все дѣлается легко.

И вотъ онъ опять въ старообрядчествѣ. Миссіонеры злятся, рогожское кладбище торжествуетъ, что̀ и требуется доказать.

Журналъ «Церковь» напечаталъ его покаянное письмо, посрамляющее православіе и восхваляющее старообрядчество. Напечаталъ, тщательно исправивъ его безграмотность и тѣмъ показавъ своего блуднаго сына въ приличномъ видѣ.

Но «хорошаго мѣста» не дали о. Сусалеву и въ старообрядчествѣ. Поторжествовали надъ миссіонерами, а когда Сусалевъ спросилъ:

— Гдѣ же мой приходъ?

Ему отвѣтили:

— Ты мірянинъ, въ этомъ чинѣ ты принятъ нами.

Опять неудача. Но теперь уже Сусалеву все равно. Бѣдность и желаніе насолить мучителямъ толкаютъ его дальше. Мячикъ съ быстротой молніи мелькаетъ въ рукахъ жонглера.

Онъ «убѣждается» въ католичествѣ и ѣдетъ во Львовъ къ гр. Андрею Шептицкому. Наступила очередь торжествовать Риму. Тамъ сумѣли придать этому событію огромное значеніе. Учредили унію для всего старообрядчества. А Сусалева приняли въ священническомъ санѣ, хотя видѣли, что это за «гусь» въ подрясникѣ.

Когда торжество кончилось, священникъ Сусалевъ получилъ благословеніе ѣхать въ Россію.

Долго сидѣлъ онъ по пріѣздѣ въ своей деревнѣ Абрамовкѣ подъ Москвой. Предъ нимъ лежало «разбитое корыто» его земныхъ вождѣленій.

Ни жалованья, ни прихода. Односельцы-старообрядцы смотрятъ косо. Даже жена была противъ его католичества. Еще горшая бѣдность, большая семья... Впереди нѣтъ просвѣта.

— Наша задача—миссія,—храбрился о. Евстаѳій,—у меня уже есть на примѣтѣ два старообрядца...

И тутъ же спрашиваетъ:

— А не дадутъ ли намъ какое-нибудь пособіе католики?..

Нужно ему было опровергнуть слова еп. Иннокентія. Онъ послалъ опроверженіе въ старообрядческую «Церковь». Просилъ исправить его грамматическія ошибки. Но тамъ использовали этотъ случай *въ миссіонерскихъ цѣляхъ* и напечатали его безграмотное, безсмысленное письмо съ сохраненіемъ орѳографіи.

— Смотри, папа, какого невѣжду ты принялъ къ себѣ,— говоритъ этимъ «Церковь».

За годъ вѣроисповѣдной эквилибристики никто не подошелъ къ совѣсти о. Сусалева, не направилъ его слабую, выбитую изъ колеи, душу. Всѣ видѣли въ немъ только орудіе посрамленія противниковъ, орудіе партійной борьбы. И только.

Самъ онъ просилъ сочувствія:

— Пусть дадутъ мнѣ возможность выйти изъ той пропасти, въ которую меня втолкнули. Однѣ укоризны и насмѣшки встрѣчаю я. Никто не приметъ во мнѣ участія, никто не ободритъ словомъ утѣшенія. А вѣдь я не настолько потерянъ, какъ обо мнѣ думаютъ.

Можно ли послѣ этого бросить камень въ несчастнаго о. Евстаѳія?

Въ послѣднее время судьба ему улыбнулась. Гдѣ-то въ Петербургѣ онъ все-таки пристроился...

Мнѣ кажется, что сусалевское религіозное ренегатство является естественнымъ слѣдствіемъ подмѣна вѣры внѣшностью, которой характеризуются теперь христіанскія вѣроисповѣданія. Въ душѣ сусалевыхъ не происходитъ никакого глубокаго акта перелома, надрыва. Просто мѣняются одинъ догматъ, одинъ обрядъ на другой, а вѣра, т.-е. приближеніе къ Богу любовью, остается спящей.

Отсюда понятно, что многіе переходы изъ вѣроисповѣданія отцовъ въ чужое являются простой «игрой въ религію».

За старую вѣру.

(Ѳ. Е. Мельниковъ).

Это было совсѣмъ недавно. Но когда слушаешь разсказъ, кажется, что живешь въ семнадцатомъ вѣкѣ, что живы еще протопопъ Аввакумъ и діаконъ Ѳеодоръ... И думаешь, что стоятъ на своемъ мѣстѣ «лѣса брынскіе», а «во тѣхъ лѣсахъ», какъ воры, скрываются «раскольники». И боярыню Морозову съ ея фанатическими глазами вспоминаешь. Звенятъ кандалы на ея холеныхъ рукахъ. А тамъ на сѣверѣ вьется густой удушливый дымъ изъ избы, полной народомъ, виденъ пламень и слышно стройное славословіе фанатиковъ двуперстія...

Страшное, кровавое трехвѣковое недоразумѣніе. Дань жестокости и безумію.

Теперь, когда правительство П. А. Столыпина уже ликвидировало старый арсеналъ преслѣдованій, а съ высоты Престола уже шесть лѣтъ тому назадъ было провозглашено:

— Свобода совѣсти!

Когда «ошибка старой политики» навсегда отошла въ исторію,—просто невѣроятнымъ кажется разсказъ о злоключеніяхъ моего собесѣдника, молодого человѣка съ типичной старообрядческой внѣшностью.

Ѳедоръ Ефимовичъ Мельниковъ коренной старообрядецъ. Отецъ его былъ старообрядческимъ священникомъ въ Новозыбковѣ, Черниговской губерніи. Даровитый маль-

чикъ могъ кончить только городское училище. Мечталъ было о духовной семинаріи, но старообрядцевъ туда не принимаютъ.

Съ мечтой пришлось разстаться. Мельниковъ, послѣ городского училища, поступилъ комиссіонеромъ, а силу своего незауряднаго дарованія вложилъ въ начетничество. Для него и его брата Василія школой послужили бесѣды ихъ отца съ безпоповцами и бѣглопоповцами. Ѳ. Е. прекрасно помнитъ ту атмосферу страха, въ которой жили старообрядцы. Бывало онъ, по порученію отца, носилъ сильнымъ міра сего взятки. По 25 рублей и по головѣ сахару—мѣстному священнику, приставу и миссіонеру. И было за что давать. Самое существованіе старообрядческаго священника было нелегально. Поводовъ для преслѣдованій всегда было много. Люди жили въ постоянномъ страхѣ за себя и свои семьи.

Братья Мельниковы были у себя въ Новозыбковѣ первыми сильными начетчиками. Ихъ приглашали въ посады, присылали за ними лошадей. Иногда они ѣздили вслѣдъ за миссіонеромъ. Куда онъ, туда и они. И вездѣ съ успѣхомъ бесѣдовали съ нимъ. Нужно замѣтить, что тогдашнія условія собесѣдованія были хуже теперешнихъ. Теперь хоть старообрядческими книгами можно пользоваться свободно, а тогда и этого не было. Печатать въ Россіи многія старообрядческія изданія было воспрещено, а пользоваться напечатанными за границей и подавно не дозволялось. Между тѣмъ, нужны были цитаты для доказательствъ. Миссіонеръ спокойно читалъ текстъ изъ своихъ книгъ, а его противнику нужно было все знать наизусть. Въ любой моментъ миссіонеръ могъ подорвать довѣріе къ его устнымъ цитатамъ.

Однажды миссіонеръ арестовалъ у начетчика Усова (теперь епископа Иннокентія) шесть книгъ заграничнаго изданія. У братьевъ Мельниковыхъ онъ взялъ и не возвратилъ «Присягу патр. Іоакима». Приходилось изощряться въ выдумкахъ: начетчики вплетали заграничныя изданія въ середину легальныхъ книгъ.

Начетчикамъ не ставили стола, стульевъ, не давали свѣчъ. Все это они приносили сами.

Въ это время произошло одно крупное событіе въ старообрядчествѣ—арестовали въ Черниговской губерніи извѣстнаго всей Россіи Арсенія Швецова (впослѣдствіи еп. Арсенія Уральскаго). Онъ пріѣхалъ въ посадъ Клинцы взять подпись у епископа балтскаго Сильвестра подъ прошеніемъ о созывѣ собора. Его пріѣздомъ клинцевскіе старообрядцы воспользовались, чтобъ устроить тайное собраніе. Послѣ собранія Арсенія Швецова арестовали, нашли у него нѣсколько его гектографированныхъ книгъ, обвинили въ пропагандѣ и посадили въ Суражскую тюрьму. Потомъ удалось его взять на поруки, и онъ долженъ былъ до суда прожить около Клинцовъ въ монастырѣ Полоса 9 мѣсяцевъ. Здѣсь подъ его руководствомъ создалась цѣлая начетническая школа, въ которой учениками были братья Мельниковы, Усовъ и др. Рядомъ съ начетничествомъ они печатали на гектографѣ полемическія статьи Арсенія Швецова и разсылали ихъ по старообрядческой Россіи.

Проф. Субботинъ, извѣстный противникъ старообрядчества, писалъ тогда въ своемъ «Братскомъ Словѣ»: «Наводнили Россію. Гдѣ полиція?..» Онъ очень часто указывалъ, что «Швецовъ сѣетъ расколъ въ Новозыбковскомъ уѣздѣ». К. П. Побѣдоносцевъ поэтому послалъ туда синодальнаго миссіонера о. Крючкова, недавно умершаго. Мельниковъ помнитъ бесѣду, въ которой участвовалъ и Арсеній Швецовъ. Народу было масса. О. Крючковъ какъ пришелъ, заявилъ противникамъ:

— Я васъ до солнца буду держать!

Онъ часто примѣнялъ способъ «заговариванія» до потери силъ. Самъ онъ могъ говорить цѣлыми часами. Начали въ 6 часовъ вечера, бьетъ двѣнадцать, два часа ночи, наконецъ, четыре часа утра, а противники не уступаютъ поле битвы. Наконецъ, о. Крючковъ не вытерпѣлъ:

— Окаянные,— сказалъ онъ обезсиленный,—когда вы уйдете отсюда?

Подъ вліяніемъ побѣдъ старообрядческихъ начетчиковъ австрійскаго священства на собесѣдованіяхъ и большой полемической дѣятельности Арсенія Швецова у новозыбковскихъ бѣглопоповцевъ создалось движеніе къ объединенію съ поповцами. Этому помогъ мѣстный богачъ Гусевъ. Онъ, отецъ Мельникова и Швецовъ имѣли нѣсколько собесѣдованій съ бѣглопоповцами. Результатомъ была посылка депутаціи на Востокъ узнать отъ грековъ, какъ крещенъ былъ Амвросій: обливательно, или, какъ говорили пріемлющіе австрійское священство, — трехъпогружательно. Ѣздили отецъ и братъ Мельникова и депутаты отъ бѣглопоповцевъ. Узнали, что правду говорили австрійцы. Тогда цѣлые бѣглопоповскіе посады признали австрійское священство, несмотря на то, что въ миссіонерскихъ изданіяхъ писали о томъ, что поповцы подкупили греческаго патріарха подтвердить трехпогружательное крещеніе Амвросія.

Изъ перехода бѣглопоповцевъ въ поповство создалось судебное дѣло. Миссіонеры объявили: «бѣглопоповцы наши, такъ какъ питаются православными священниками, перебѣгающими къ нимъ. Поэтому австрійцы не имѣли права совращать ихъ». Они подобрали тѣ статьи закона, которыя говорили о совращеніи православныхъ въ «расколъ» и просили примѣнить ихъ къ совращенію бѣглопоповцевъ въ поповство. Привлекли къ суду Гусева и другихъ. Но прокуроръ не нашелъ состава преступленія и дѣло прекратили. Также безрезультатно окончилось и дѣло Арсенія Швецова. Судебная палата его оправдала. Проф. Субботинъ по этому поводу не упустилъ случая намекнуть въ одной своей статьѣ:

«Палата посмотрѣла на дѣло Швецова сквозь *золотыя* очки Гусева»...

Швецовъ послѣ окончанія своего дѣла уѣхалъ, а Мельниковы остались въ Новозыбковѣ. Къ этому времени они пріобрѣли славу сильныхъ полемистовъ. По вызову они ѣздили въ Гомель, Бессарабію, Москву, на Донъ, даже въ Сибирь. «Братское Слово» проф. Субботина пестрило

ихъ именами. Г. Субботинъ не щадилъ стрѣлъ своего «обличенія». Въ Измаилѣ Мельниковы было попали въ тюрьму. Здѣсь имъ пришлось опять столкнуться съ о. Крючковымъ. Бесѣда продолжалась 16 часовъ безъ отдыха—до хрипоты. На другой день къ Мельникову явилась полиція и произвела обыскъ. Нашли и арестовали 18 церковно-старообрядческихъ книгъ заграничнаго изданія. Повезли въ участокъ и предъявили Ѳ. Е. Мельникову обвиненіе въ «порицаніи православной церкви». Основаніемъ послужило такое обстоятельство. Въ разгаръ дебатовъ Василій Мельниковъ прочелъ какую-то цитату изъ книги заграничнаго изданія и передалъ книгу брату; мѣстный миссіонеръ о. Воловей просилъ показать ему эту книгу. Мельниковъ книги не далъ и сказалъ: «А дулю хочешь?» Это выраженіе признали равносильнымъ «кукишу», и явилось дѣло о «порицаніи православной церкви». Когда допросили объ этомъ миссіонера о. Крючкова, тотъ сказалъ:

— Никакой хулы и порицанія православной вѣры я не слыхалъ отъ Мельниковыхъ.

Все-таки Ѳ. Е. Мельникова оштрафовали за «дулю» на 20 рублей. Но дѣло этимъ не ограничилось. Измаильскія бесѣды, несмотря на показаніе о. Крючкова, родили два другихъ обвиненія. Нашлись свидѣтели, которые показывали, что Мельниковы называли православную церковь «мерзостью запустѣнія», а единовѣрческую—«помойной лоханью». Дѣло перешло къ судебному слѣдователю. На допросѣ Мельниковы показали, что, говоря о «мерзости запустѣнія», они цитировали св. Аѳанасія Великаго, а называя единовѣріе «помойной лоханью», они только повторили выраженіе одного миссіонера, который говорилъ: «Единовѣрческая церковь дана, чтобы утѣшить дураковъ, она помойная лохань, въ которую сливается всякая нечисть». Слова эти попали въ печать. Слѣдователь не нашелъ основанія для обвиненія и послалъ дѣло на прекращеніе. Но прокуроръ не прекратилъ. Пришлось выходить на судъ. Защищалъ адвокатъ Успенскій (тотъ самый, который теперь сталъ извѣстенъ по дѣлу Глускера).

Постарались свалить все на Ѳедора Мельникова, а такъ какъ ему было въ то время только 16 лѣтъ, то наказаніе было такое: четыре дня ареста.

Третье дѣло—политическое. Оно возникло черезъ годъ. Обвинили Ѳедора Мельникова въ томъ, что онъ «порицалъ Высочайшую Особу». Онъ отрицалъ, но были свидѣтели. Дѣло затянулось—перешло въ Одесскую судебную палату. Въ это время скончался Александръ III. Былъ опубликованъ при восшествіи Государя Николая II манифестъ. Мельникову предложили: или тянуть дѣло и доказывать свою правоту или воспользоваться манифестомъ. Онъ предпочелъ второе; дѣло попало подъ манифестъ.

Въ 1895 году Ѳедора Мельникова пригласили для собесѣдованій въ Кубанскую область. Въ станицахъ Кавказской и Прочноокопской онъ велъ бесѣды съ миссіонеромъ Исидоромъ Колоколовымъ, бывшимъ рязанскимъ викаріемъ, недавно уволеннымъ «на покой.» Съ старообрядчествомъ о. Исидоръ былъ мало знакомъ. Въ пылу полемики Мельниковъ сказалъ ему: «Вамъ не миссіонеромъ быть, а ножницы точить». О. Колоколовъ привлекъ его къ отвѣтственности за оскорбленіе.

Черезъ нѣсколько дней Мельниковъ бесѣдовалъ съ ставропольскимъ миссіонеромъ слѣпцомъ Шашинымъ въ присутствіи атамана отдѣла. Бесѣда была бурная—у казаковъ разгорѣлись страсти; когда Мельниковъ цитировалъ по книгѣ, то книгу держали четверо, ее вырывали изъ рукъ. День былъ праздничный—многіе были «на взводѣ». Бесѣда превратилась въ скандалъ и была сорвана. Ночью атаманъ отдѣла отдалъ приказъ атаману станицы арестовать Мельникова. Но станичный атаманъ былъ старообрядецъ; онъ пришелъ къ Мельникову, вручилъ ему паспортъ и сказалъ: «Немедленно бѣги, а я скажу, что ты выѣхалъ въ станицу Вознесенскую». Отъ него Мельниковъ узналъ, что его привлекаютъ къ суду за кощунство. Ночью тайно вывезли Мельникова изъ станицы. Положили его на возъ, закрыли чѣмъ-то и сѣли на него—нужно было проѣхать сквозь какую-то заставу. Проѣхали благопо-

лучно; возъ осмотрѣли поверхностно и ничего подозрительнаго не замѣтили. По пріѣздѣ въ Армавиръ обрядили Мельникова въ костюмъ казака и отправили въ Новозыбковъ.

Черезъ мѣсяцъ его пригласили къ судебному слѣдователю. Оказалось новое дѣло—по 182 ст. Обвиняли въ кощунствѣ. Создалось оно такимъ образомъ. Однажды Ѳ. Мельниковъ съ товарищемъ бѣглопоповцемъ Федюшинымъ зашли въ миссіонерскую лавку купить книгу. Тамъ были псаломщикъ, діаконъ и одинъ еврей, когда-то крестившійся въ старообрядчествѣ, но потомъ перешедшій въ православіе. Еврей сталъ ни съ того ни съ сего ругать старообрядцевъ:

— Они хуже жидовъ,—говорилъ онъ.

Старообрядцы отмалчивались и ушли, получивъ книгу. Черезъ 6 мѣсяцевъ возникло дѣло. Всѣ трое «свидѣтелей» говорили, что Ѳ. Е. Мельниковъ и Федюшинъ «порицали святыхъ».

Ѳ. Е. Мельниковъ объяснилъ судебному слѣдователю, что онъ не могъ порицать святыхъ, такъ какъ старообрядцы чтутъ ихъ. Чтутъ, напримѣръ, всѣхъ кіевскихъ угодниковъ, ибо они были объявлены святыми до Никона. Прокуроръ стародубскаго суда,—близкій человѣкъ къ архіепископу черниговскому Антонію—построилъ обвиненіе не по 182 ст., а по 176, по которой полагалось что-то лѣтъ 10 каторжныхъ работъ. Дѣло принимало не шуточный оборотъ. Два извѣстныхъ адвоката: М. Б. Успенскій и Н. И. Кулябко-Корецкій обратили вниманіе отца Мельникова на серьезность положенія. Тогда Ѳ. Е. Мельниковъ рѣшилъ бѣжать за границу. Но какъ? Языковъ онъ не зналъ, какъ перебраться черезъ границу, также не зналъ.

Взялъ онъ у товарища паспортъ, который оказался просроченнымъ и поѣхалъ по направленію къ Румыніи. Ночью контрабандисты-молдаване перевезли его черезъ границу, и онъ благополучно прибылъ въ Галацъ. Тамъ нашелъ своего старообрядца Тимоѳея Кузьмина, у котораго и поселился. Былъ съ нимъ въ Браиловѣ, гдѣ по случаю

торжественнаго дня съѣхались митрополитъ Бѣлой Криницы Аѳанасій, архіепископъ славскій Иринархъ и епископъ тульчинскій Олимпій. Его пріятно поразила свобода старообрядческаго исповѣданія. Звонятъ колокола, на верху храмовъ блестятъ кресты, архіереи въ облаченіяхъ... все это въ Россіи было тогда подъ запретомъ. Приняли Мельникова радушно. Ему хотѣлось переѣхать въ Бѣлую Криницу, но митрополитъ сказалъ: безъ паспорта нельзя. Онъ поручилъ своему уставщику достать Мельникову паспортъ. Тотъ пошелъ въ румынскую премарію (управленіе), далъ взятку въ 10 франковъ и наговорилъ небылицъ румынамъ. Тѣ обмѣряли Мельникова, свѣшали и выдали паспортъ на имя Ѳедора Ѳеимова, проставивши въ немъ «30 лѣтъ», тогда какъ Мельникову было всего 20. Имъ было нужно, чтобъ онъ казался отбывшимъ воинскую повинность—они для этого его состарили на 10 лѣтъ.

Мельниковъ остался въ Браиловѣ и началъ издавать старообрядческую газету: «Слово Правды». 1 января 1896 года вышелъ первый номеръ. Адресъ былъ обозначенъ такой: «К. К. Стуловскому». Это былъ одинъ изъ жителей Браилова, старообрядецъ.

Въ это время Федюшинъ, обвинявшійся по одному дѣлу съ Мельниковымъ, тоже скрылся, но потомъ явился съ повинной. Слѣдствіе поэтому продолжалось, и Мельниковъ разыскивался. Три свидѣтеля обвиненія подсылали кого-то къ отцу его съ предложеніемъ: «если дашь 500 рублей, мы покажемъ иначе».

Наконецъ, власти узнали, гдѣ скрывается Мельниковъ. Изъ перехваченныхъ писемъ открылось, что онъ издаетъ въ Румыніи запрещенную къ ввозу въ Россію газету «Слово Правды». Подумали, что Стуловскій и есть Мельниковъ, и возбудили ходатайство объ истребованіи Стуловскаго-Мельникова изъ Румыніи, какъ уголовнаго преступника. Переписка по истребованію тянулась съ полгода. Въ это время Стуловскій успѣлъ умереть. Агентъ справился въ Браиловѣ по адресу, убѣдился въ смерти разыскиваемаго бѣглеца и составилъ протоколъ, подъ

которымъ по странной случайности стояла въ числѣ другихъ подпись «свидѣтеля Ѳедора Ефимова». Мельниковъ, не зная въ чемъ дѣло, засвидѣтельствовалъ актъ о своей смерти. Когда прокуроръ получилъ актъ, его изумленію и раздраженію не было предѣловъ. Руку Мельникова онъ зналъ и счелъ его поступокъ за величайшую дерзость закоренѣлаго преступника. Онъ снова возбудилъ требованіе о выдачѣ Мельникова, но министръ юстиціи Н. В. Муравьевъ не нашелъ возможнымъ второй разъ безпокоить румынское правительство. Мельниковъ могъ бы спокойно жить въ Браиловѣ, тѣмъ болѣе, что къ этому времени онъ успѣлъ купить себѣ австрійскій паспортъ, съ которымъ въ Румыніи можно жить, не боясь выдачи.

Но случились обстоятельства, направившія жизнь Мельникова по другому руслу. Прежде всего, его посѣтила тоска по родинѣ. Потомъ стало тормозиться дѣло переправы газеты въ Россію. Все труднѣе и труднѣе стало находить контрабандистовъ, которые бы рисковали переправлять запрещенное изданіе. Къ этому времени онъ узналъ, что по дѣлу распространенія «Слова Правды» арестованъ его братъ Василій. Наконецъ, у него на рукахъ была обуза въ 600 экземпляровъ напечатанной въ Браиловѣ книги Н. Н. Дурново: «Церковные вопросы въ Россіи». Ее также нужно было переправить въ Россію. Тогда Мельниковъ рѣшилъ—будь, что будетъ—ѣхать на родину и перевезти газету и книгу. Съ нимъ увязался нѣкій Богомоловъ-Поддерегинъ, который бѣжалъ сюда изъ Черниговской губерніи и имѣлъ за собой уголовное преступленіе. Мельниковъ послѣ жестоко раскаялся, что взялъ его.

Была страшная жара. Дунай широко разлился—береговъ не видать. Въ лодкѣ ѣхали двое контрабандистовъ, Мельниковъ и Поддерегинъ. Кому-то вздумалось выкупаться. Остановились. Вдругъ видятъ по берегу ѣдетъ русская пограничная стража.

— Стой,—а то будемъ стрѣлять,—кричатъ.

Контрабандисты крикнули Мельникову и Поддерегину:

— Ложитесь.

Сами начали быстро грести. Загремѣли выстрѣлы, но по счастливой случайности пули никого не задѣли. Спаслись тѣмъ, что въѣхали въ камыши. Искать въ камышахъ бѣглецовъ считалось опаснымъ. Тутъ дождались ночи. Стали рѣшать, что дѣлать? Ѣхать въ Россію и не попасться едва ли можно—теперь поднята на ноги вся стража. Возвращаться въ Румынію также нельзя: контрабандисты были русскіе и не имѣли заграничныхъ паспортовъ. Наконецъ, рѣшили ѣхать въ Россію. Только что выѣхали изъ камышей, наткнулись на румынскую стражу. Но отъ нея уѣхали. Стражники купались и, видимо, также побоялись гнаться ночью.

Благополучно подъѣхали къ Измаилу. Пріѣхали въ какой-то садъ. Перетаскали книги, а сами добрались до дома контрабандиста Казачкова. Стали выжидать, когда можно будетъ тронуться дальше. Поддерегинъ пошелъ въ тотъ же день купаться. Мельниковъ упрашивалъ его не ходить изъ боязни попасться, но тотъ не послушался. Чрезъ нѣкоторое время Поддерегинъ, испуганный, влетаетъ и говоритъ: «Къ намъ полиція».

Только спустя долгое время Мельниковъ узналъ, что его предалъ Поддерегинъ. Вмѣсто того, чтобъ итти купаться, онъ отправился къ измаильскому миссіонеру о. Воловею, разсказалъ все, а тотъ направилъ на бѣглецовъ полицію.

Мельниковъ было спрятался на чердакъ. Но былъ найденъ. Собралась толпа. Всѣ помнили Мельникова по бесѣдѣ съ о. Крючковымъ. Начался долгій мучительный допросъ. Полковника пограничной стражи очень интересовалъ вопросъ, какъ Мельниковъ могъ переѣхать границу, когда онъ поднялъ на ноги всю стражу. Пришлось ему разсказать. Книги и газеты Мельникова арестовали и впослѣдствіи сожгли. Его отправили въ тюрьму. Онъ просидѣлъ 13 дней. Держали его строго, даже на прогулку не пускали. Кормили отвратительно. Нарядили въ арестантскій костюмъ. Не хотѣли было оставить креста на шеѣ изъ боязни, что повѣсится. Не дозволили носить очковъ.

Постели не давали, онъ клалъ подъ голову шапку и псалтырь, одѣваться было нечѣмъ. Ночью онъ слышалъ крики...

Послѣ онъ узналъ, что измаильская тюрьма одна изъ самыхъ суровыхъ.

Однажды его вызвали въ контору. Оказывается, миссіонеры о. Крючковъ и о. Воловей «сочли долгомъ» посѣтить страждущаго въ тюрьмѣ. Заговорили о Ковалевѣ и о Тираспольскомъ дѣлѣ, которое всѣхъ тогда волновало. Миссіонеры спрашивали, какъ думаетъ объ этомъ Мельниковъ. Увлеклись, поспорили, даже по обычаю поругались. О. Крючковъ въ разговорѣ тонко вставилъ:

— А я бы на вашемъ мѣстѣ въ единовѣріе перешелъ. Васъ бы простили и вы у насъ были бы хорошимъ миссіонеромъ...

— Хоть на каторгу отправляйте, а въ единовѣріе не пойду,—отвѣтилъ рѣзко Мельниковъ.

— Какъ хотите!

Скоро Мельникова отправили по этапу. Измаильскіе старообрядцы узнали о днѣ выхода партіи и устроили ему торжественные проводы. Кто-то распустилъ слухъ, что они будутъ отбивать Мельникова. Конвойные поэтому тревожно посматривали на волнующуюся толпу. Въ этой толпѣ многіе плакали...

Извозчики привозили отъ кого-то мѣшки съ съѣстными припасами, предназначенными для арестантовъ и, главнымъ образомъ, для Мельникова. Мѣшки брали, но арестантамъ ничего изъ нихъ не попало, Мельникова посадили на возъ съ какимъ-то дурачкомъ-арестантомъ. Вмѣстѣ съ нимъ онъ былъ скованъ ручными кандалами.

Въ Бендерахъ позволили видѣться съ старообрядцами, которые дали ему бѣлье. Черезъ нихъ Мельниковъ ухитрился послать письмо. А на слѣдующихъ этапахъ онъ въ хлѣбѣ и затѣмъ въ селедкѣ нашелъ отвѣты отъ брата Василія. Въ Кіевѣ дозволили видѣться съ отцомъ, но черезъ окно, закрытое наглухо. Пришлось кричать отцу. А въ

Гомелѣ конвой допустилъ къ нему отца, мать, брата, котораго уже къ тому времени выпустили изъ тюрьмы.

Передъ Стародубомъ съ послѣдняго этапа пришлось пройти 32 версты пѣшкомъ.

Проф. Субботинъ, описывая этапъ Мельникова, назвалъ его «тріумфальнымъ шествіемъ раскольника». «Начальникъ станціи,—увѣрялъ онъ,—даже задержалъ поѣздъ на 15 минутъ».

Къ Мельникову было предъявлено обвиненіе въ 11 пунктахъ: 1) скрылся отъ солдатчины. Объ этомъ писалъ профессоръ Субботинъ. Но Мельниковъ бѣжалъ въ 1895 году, а призывался въ 1900 году; 2) кощунствовалъ—Ѳедюшинское дѣло; 3) бѣжалъ изъ-подъ суда и слѣдствія; 4) тайно перешелъ границу безъ паспорта туда и 5) обратно; 6) издавалъ «Слово Правды»—газету, которую въ Россіи называли «революціонной»; 7) порицалъ св. Церковь и св. угодниковъ; 8) порицалъ правительственныхъ лицъ; 9) провозилъ въ Россію контрабанду; 10) принялъ иностранное подданство, и 11) проживалъ по чужому паспорту. Обвиненія тяжкія, но когда приступили къ допросу обвиняемаго, то всѣ эти обвиненія пали. Осталось одно Ѳедюшинское дѣло.

Въ стародубской тюрьмѣ онъ сидѣлъ 6 мѣсяцевъ. Къ нему пускали только мать. Помѣстили его въ одну камеру съ православнымъ священникомъ, судившимся за убійство своего духовнаго сына—прихожанина. Въ мартѣ 1898 г. былъ назначенъ судъ. Защитниками были московскій адвокатъ Керзинъ и Успенскій. Но кромѣ нихъ въ качествѣ добровольнаго защитника предъ судомъ предсталъ теперь покойный С.Ф. Шараповъ, издававшій тогда «Русскій Трудъ». Онъ привезъ съ собой стенографистку. Такъ какъ двери суда были закрыты, то ее пропустили въ качествѣ родственницы обвиняемаго. Но какъ только она стала записывать, у ней отняли карандашъ и бумагу. Шараповъ телеграфировалъ было С. Ю. Витте просьбу объ открытіи дверей и о допущеніи стенографистки, но отвѣта на телеграмму не получилъ.

Въ своей рѣчи Шараповъ говорилъ, что старообрядцы правы въ своемъ отношеніи къ господствующей церкви; что Никонъ своимъ деспотическимъ характеромъ вызвалъ расколъ; что въ единовѣріе идутъ только плохіе люди... Предсѣдатель останавливалъ его. Присяжные вынесли такой приговоръ: «Да, виновенъ, но безъ умысла поколебать православную вѣру и заслуживаетъ снисхожденія». Судъ, принявъ во вниманіе то, что Мельниковъ долго сидѣлъ въ предварительномъ заключеніи, оставилъ его безъ наказанія. Прокуроръ протестовалъ. Сенатъ утвердилъ приговоръ суда.

Мельниковъ послѣ того уѣхалъ въ Москву, а отсюда къ еп. Арсенію Швецову въ Уральскъ. Продолжалъ начетничество. Когда онъ призывался, новозыбковскій миссіонеръ сообщилъ властямъ, что онъ притворяется близорукимъ, желая избѣжать воинской повинности. Мельникова освидѣтельствовали, нашли сильно близорукимъ и отъ военной службы освободили. Въ это время въ Новозыбковѣ съ нимъ случилось одно курьезное событіе. Онъ съ братомъ ходилъ славить Христа. Зашли они въ единовѣрческую церковь, когда тамъ шла всенощная. Пѣвчіе были ихъ знакомыми, пригласили ихъ на клиросъ и сказали: «пойте съ нами». Они запѣли и, не отдавая себѣ отчета, помянули своего старообрядческаго архіепископа Сильвестра. Священникъ не обратилъ на это вниманія. Но чрезъ мѣсяцъ Мельниковъ получилъ повѣстку судебнаго слѣдователя. Миссіонеръ, узнавъ о ихъ участіи въ единовѣрческомъ богослуженіи, усмотрѣлъ въ этомъ дѣйствіи «оказательство раскола» и возбудилъ судебное дѣло. Городской судья приговорилъ Ѳедора Мельникова къ мѣсячному аресту. Но случилось какъ-то такъ, что онъ не отбывалъ наказанія. Дѣло долго тянулось и подпало подъ манифестъ.

Но изъ этого дѣла создалось другое судебное дѣло. Миссіонеръ обвинялъ Мельниковыхъ и въ томъ еще, что они пропѣли о Государѣ слово не «Благочестивѣйшій», а по-своему — «Державный». Мельниковъ объяснилъ, что

это правильнѣе. Названіе «Державный» принадлежитъ только одному Государю: державнымъ никого не назовешь. А «благочестивѣйшимъ» можно назвать всякаго. Вотъ за фразу: «благочестивѣйшимъ можно назвать всякаго» Мельникова привлекли къ суду уже по политическому дѣлу— въ «оскорбленіи Величества». Въ свое оправданіе Мельниковъ сказалъ прокурору, что миссіонеръ о. Крючковъ обращается къ публикѣ со словами: «благочестивые слушатели».

— То «благочестивые», а тутъ «благочестивѣйшій»,—отвѣтилъ прокуроръ.

— Такъ неужели вы за одно «шій» будете судить меня?— сказалъ Мельниковъ.

Да.

Но дѣло было прекращено за отсутствіемъ состава преступленія.

Послѣ этого, Ѳ. Е. Мельниковъ жилъ три года въ Петербургѣ въ качествѣ секретаря братства Св. Апостоловъ. Столица ему надоѣла и онъ скрылся въ Клинцевскій монастырь, гдѣ была прекрасная библіотека, собранная Л. Г. Ксеносомъ (Кабановымъ), авторомъ Окружнаго Посланія, раздѣлившаго въ 1862 году поповцевъ на два согласія. Въ газетахъ въ это время кто-то пустилъ слухъ, что «Мельниковъ умеръ отъ разрыва сердца». Г. Ефронъ помѣстилъ даже въ «Историческомъ Вѣстникѣ» некрологъ. Между старообрядцами пошла гулять молва, что «Мельникова отравили»... Кто отравилъ—понятно. Стали искать его и нашли въ Клинцахъ. Потомъ онъ опять былъ въ Петербургѣ, участвовалъ въ 1904 году во всѣхъ старообрядческихъ депутаціяхъ и въ выработкѣ пунктовъ ходатайства, которые потомъ вошли почти цѣликомъ въ манифестъ 17 апрѣля 1905 года.

Онъ помнитъ одно посѣщеніе С. Ю. Витте. Министръ принялъ ихъ ночью въ 11 часовъ 31 декабря 1904 года.

— Теперь отъ насъ всего требуютъ,—сказалъ онъ,— требуютъ даже конституціи...

Министръ говорилъ объ этомъ требованіи такимъ тономъ, что оно невозможно и невыполнимо.

— Мы тогда всѣ совершенно не понимали, что такое конституція,—разсказывалъ мнѣ Мельниковъ,—и вообще не могли разобраться во всемъ этомъ хаосѣ надвигающихся новыхъ, свободныхъ вѣяній...

Депутація, въ которую входили Бугровъ, Сироткинъ, Пуговкинъ, Брилліантовъ, Масленниковъ и Мельниковъ, придя отъ С. Ю. Витте домой, занялась рѣшеніемъ вопроса: какъ имъ быть? Какъ вести себя? Не хотѣлось вооружать противъ себя «красныхъ», такъ какъ неизвѣстно, кто будетъ у власти. Если «красные», то они могутъ сказать: «вы противъ насъ были, нѣтъ вамъ за это никакой религіозной свободы». Масленниковъ говорилъ, что напрасно они не спросили у Витте, лучше будетъ старообрядцамъ при конституціи, или хуже...

Потомъ Мельниковъ участвовалъ въ депутаціи въ Тріестѣ для отысканія гроба митрополита Амвросія. Старообрядцы давно мечтаютъ о перенесеніи останковъ Амвросія, если не въ Россію, то хоть въ Бѣлую Криницу. Но въ свое время Побѣдоносцевъ возсталъ противъ этого. Онъ боялся, что старообрядцы будутъ паломничать въ австрійскую Криницу и терять такимъ образомъ свои патріотическія чувства. Въ Австріи тоже были формальныя препятствія для перенесенія останковъ.

Въ концѣ 1905 года Мельниковъ, въ числѣ другихъ, былъ командированъ старообрядческимъ съѣздомъ для «агитаціи» въ Черниговскую, Могилевскую и Кіевскую губерніи. Съѣздъ боялся, что старообрядцы примкнутъ къ вооруженнымъ возстаніямъ и безпорядкамъ. Мельниковъ былъ посланъ, чтобы силой своего ораторскаго таланта убѣдить ихъ принять свободы спокойно, а, главное, разъяснить, что̀ такое свобода личности, союзовъ и другія свободы. Въ Новозыбковѣ его провели выборщикомъ въ Государственную Думу, при чемъ за него подавали голоса не только старообрядцы, но и православные и евреи. Агитаціонный листокъ съ надписью: «выбирайте Ѳедора Мельникова» былъ выставленъ не только въ старообрядческихъ храмахъ, но и на папертяхъ православныхъ и единовѣрческихъ церквей.

Въ январѣ 1911 года октябристы предложили московскимъ старообрядцамъ выбрать изъ ихъ среды кандидата въ члены Думы на мѣсто Ф. А. Головина. Имя Ф. Е. Мельникова стояло на первомъ мѣстѣ въ числѣ кандидатовъ. Но онъ не имѣлъ въ то время выборнаго ценза.

Если при выборахъ въ четвертую Думу октябристы или какая-нибудь другая партія предложитъ старообрядцамъ выставить ихъ кандидата, Ф. Е. Мельниковъ несомнѣнно будетъ имѣть за собой голоса не только старообрядцевъ-рогожанъ, но и преображенцевъ.

Выдающійся ораторскій талантъ Мельникова поставитъ его въ первый рядъ русскихъ общественныхъ дѣятелей.

Сейчасъ онъ занимаетъ въ Москвѣ постъ фактическаго редактора старообрядческаго журнала «Церковь».

Недавно Мельниковъ выпустилъ обстоятельную и интересную книгу, въ которой доказываетъ, что между старообрядчествомъ и православіемъ глубочайшее разногласіе въ основныхъ догматахъ церковныхъ. Это первый большой трудъ по коренному вопросу старообрядчества. Авторъ «Блуждающаго богословія» разбиваетъ стереотипный взглядъ на старообрядчество, какъ на обрядовѣріе.

Старообрядческій сектантъ.

(Ф. И. Смирновъ).

Лѣтъ 20 тому назадъ въ Петербургѣ въ торговомъ мірѣ былъ на виду купецъ Ѳедоръ Ивановичъ Смирновъ, глава и представитель мясного торгового дома «братьевъ Смирновыхъ».

Ѳедоръ Смирновъ «сидѣлъ на милліонахъ».

Кормилъ полъ-Петербурга своимъ мясомъ. Лѣтъ 20 былъ поставщикомъ петербургскаго военнаго округа. Дворъ Александра III питался его мясомъ.

Годовой оборотъ Смирновыхъ былъ равенъ 12 милліонамъ.

Бывали случаи, когда Смирновъ скупалъ весь скотъ на петербургской «площадкѣ». Это называли тогда—«Смирновъ взорвалъ площадку».

Мясники жаловались на него администраціи.

— Обратите вниманіе. Монополистъ. Взвинчиваетъ цѣны...

«Мясной король»—какъ звали Смирнова въ Петербургѣ,—дѣйствительно, безбожно поднималъ цѣны. Обыватель ахалъ, кряхтѣлъ, проклиналъ «грабителей», но долженъ былъ волей-неволей покупать смирновское мясо.

Однажды вышло распоряженіе:

— Смирнову скупать только полъ-площадки.

Но и этого было довольно, чтобы нажить милліоны.

Фундаментъ милліонамъ былъ положенъ еще отцомъ Ѳедора Ивановича. Это былъ простой ярославскій крестьянинъ старообрядецъ ѳедосѣевскаго согласія. Барышничалъ

скотомъ. Имѣлъ въ Петербургѣ мясную лавку. Когда умиралъ, то оставилъ сыновьямъ небольшое дѣло. Они образовали торговый домъ, въ которомъ Ѳедоръ Ивановичъ имѣлъ половинную долю.

Но другіе братья были въ тѣни. Знали одного Ѳедора Ивановича. Силой его воли, энергіей изъ простой грязной лавки было создано милліонное дѣло.

Ѳедоръ Ивановичъ росъ и ширился въ уровень съ своимъ дѣломъ. Простой, нигдѣ не учившійся, воспитанный въ строгомъ ѳедосѣевскомъ режимѣ, онъ послѣ смерти отца скинулъ съ себя «обличье старообрядческое», остригся и надѣлъ фракъ и цилиндръ. Говорилъ:

— Дѣло этого требуетъ. Ноня не тѣ времена...

Онъ ходилъ по привычкѣ въ моленную «отстоять» службу, даже жертвовалъ туда «харчи», чтобы «знали Смирнова», но духомъ былъ далеко и отъ Бога и отъ старообрядчества.

У него былъ блестящій «выѣздъ», дача на Крестовскомъ. Въ домѣ тропическія растенія и «мірскія», «грѣховныя» картины и изваянія. Лакеи, пріемы...

Онъ бывалъ у С. Ю. Витте и былъ къ нему близокъ. Два умныхъ человѣка уважали другъ друга. Съ градоначальникомъ Грессеромъ былъ на «ты». Имѣлъ массу знакомыхъ въ военной средѣ.

Любилъ со вкусомъ поѣсть, кутнуть. Въ одномъ шикарномъ ресторанѣ былъ кабинетъ—«Ѳедора Ивановича».

Изъѣздилъ Европу. Былъ даже въ Испаніи.

Словомъ, «ничто человѣческое ему не было чуждо»...

Милліоны наживались всѣми способами. Лишь бы нажить.

Въ угарѣ кутежей, въ Испаніи, за самоваромъ въ кругу семьи, и въ моленной на Волковомъ кладбищѣ—вездѣ умный проницательный русскій комерсантъ строилъ новые и новые планы обогащенія. То онъ вздувалъ цѣны, то устраивалъ несостоятельности...

На совѣсти Ѳедора Ивановича цѣлыхъ двѣ несостоятельности. Обѣ неожиданныя для кредиторовъ. Дѣла торговаго дома бр. Смирновыхъ были такъ блестящи. Все гово-

рило о большихъ доходахъ. И вдругъ, какъ громъ въ безоблачный день:

— Смирновы пролетѣли въ трубу.

Ихъ кредиторами были большею частью мелкіе гуртовщики. У многихъ въ гуртѣ, который они продали Смирновымъ, было вложено все состояніе, всѣ надежды и рессурсы жизни. И вдругъ!..

— Смирновъ объявленъ несостоятельнымъ.

Несостоятельности были «смирновскія»,—по милліону каждая. Прибѣгали блѣдные, испуганные люди въ контору Смирновыхъ.

— Гдѣ Ѳедоръ Ивановичъ?

— Въ Испанію уѣхали.

— Разбойникъ... Подъ судъ его.

— Зачѣмъ подъ судъ,—спокойно говорили смирновскіе люди,—миромъ-то лучше уладимъ дѣло. Ну, отдадите подъ судъ, что возьмете? А вы лучше получите 35 копеечекъ и баста... войдемъ въ соглашеніе...

— Ахъ, разбойникъ.

Что дѣлать гуртовщикамъ? Дѣйствительно, судомъ «ославишь» Смирнова, но денегъ не получишь—имущество все давно переписано на другихъ... Поругались всласть и со вздохомъ согласились.

А Смирновъ, уѣхавшій за границу, съ словами, обращенными къ приказчикамъ:

— Разбирайтесь, какъ знаете.

Веселый, спокойный смотрѣлъ бой быковъ въ Мадридѣ, восхищался прелестями юга и ѣлъ устрицы, запивая ихъ шампанскимъ.

Потомъ пріѣзжалъ домой, и облегченный отъ долговъ, начиналъ снова работу обогащенія.

Послѣ второй несостоятельности онъ пріѣхалъ домой, веселый, довольный поѣздкой.

— Ну какъ, всѣ утихомирились?—спросилъ онъ своего приказчика.

— Въ самомъ лучшемъ разѣ, Ѳедоръ Ивановичъ. Не извольте безпокоиться... Сначала-то артачились...

— Ха, ха, ха...—смѣялся Ѳедоръ Ивановичъ,—артачились, говорили?

— Обнаковенно... все, какъ водится. Грозили до самаго сената дойти...

— До сената... Ха, ха, ха...

— А потомъ пріумолкли, согласились по 35 копеекъ взять.

— Еще бы не взять... Раскинули умомъ-то.

— Да... Пятеро только не взяли...

— Не взяли?

— Да... Ну, да съ ними еще лучше—ничего не надо платить...

— Какъ ничего?

— Кончились они, Ѳедоръ Ивановичъ. Извѣстно, народъ глупый... Изъ-за денегъ жизни себя рѣшать. Бога забыли.

— Что ты говоришь? Изъ-за чего кончились?

— Изъ-за этого самаго... Услыхали, что вы, значитъ, объявились несостоятельными и кто какъ—одинъ утопился, другой повѣсился, третій застрѣлился... Въ газетахъ даже было объ эфтомъ...

Ѳедоръ Ивановичъ сидѣлъ блѣдный, съ крупными каплями пота на лицѣ.

— Можетъ, изъ-за чего-либо другого?—переспросилъ онъ, тайно надѣясь.

— Нѣтъ, изъ-за этого. Не вынесли. Въ гуртъ всѣ деньги вложили, сами задолжали... Извѣстно, Бога забыли...

— Это я Бога забылъ, — думалъ про себя Смирновъ.

Остался одинъ и думы одна чернѣй другой поползли въ его взбудораженной головѣ. А полъ уходилъ отъ него куда-то и зіяла темная пропасть, откуда не было возврата.

Одна бѣда всегда ведетъ за собой другую. Случилось другое несчастье, которое окончательно потрясло душу Ѳедора Ивановича. Самый младшій его братъ былъ несчастный человѣкъ. Совершенно спившійся, жалкій босякъ. Все свое наслѣдство онъ пропилъ и въ торговомъ домѣ не участвовалъ. Для Ѳедора Ивановича, который лѣзъ въ

знать и былъ съ Грессеромъ на «ты», онъ былъ вѣчнымъ наказаніемъ:

— Ты нашъ домъ позоришь,—сурово говорилъ онъ ему.

Подъ конецъ онъ выгналъ пропойцу отъ себя.

— Долой съ моихъ глазъ. Чтобы духу твоего не было...

Несчастный пьяница по привычкѣ все-таки ходилъ въ контору и въ лавки Смирновыхъ, но служащіе и приказчики гоняли его оттуда, смѣялись надъ нимъ.

И вотъ однажды Ѳедору Ивановичу сказали:

— Братъ умеръ.

Онъ сначала перекрестился широкимъ крестомъ съ вздохомъ облегченія. А потомъ тревожно спросилъ:

— Гдѣ?

— Подъ заборомъ нашли... на заднемъ дворѣ.

Ѳедоръ Ивановичъ поблѣднѣлъ.

— Безъ покаянія значитъ?

— Какое тамъ покаяніе. Съ вечера пьянаго видѣли, хороводился все, а потомъ легъ и присмирѣлъ... На утро нашли синяго...

— Безъ покаянія. Значитъ, въ адъ?

— По писанію такъ. Отцы учатъ.

Главное, что поразило Ѳедора Ивановича—это невозможность исправить дѣло. Можно было бы молитвой и поминовеніемъ вернуть брату рай. Но по уставу его, какъ умершаго безъ покаянія, поминать нельзя на «имя». Молитва къ Господу Богу будетъ итти вообще, а не за грѣшнаго брата... Таковъ «Канунъ».

Ѳедоръ Ивановичъ вспомнилъ, какъ отецъ его, умирая, благословилъ сыновей и сказалъ имъ:

— Слушайте Ѳедора. Онъ старшій...

Положимъ, покойный Иванъ не хотѣлъ слушать его. Но отецъ передавалъ братьевъ въ руки его одного, велѣлъ ему заботиться о нихъ. И вдругъ меньшой Иванъ умеръ подъ заборомъ, безъ покаянія... Это такой ужасъ. И отецъ это видитъ съ небесъ.

Тяжелый кошмаръ давилъ Ѳедора Ивановича. Блѣдныя тѣни повѣсившихся, застрѣлившихся... синій трупъ

брата, зарытый «какъ собака» гдѣ-то... Все это не давало покоя. Конечно, они забыли Бога... Но вѣдь повѣсились изъ-за него... Онъ въ Мадридѣ бой быковъ смотрѣлъ, а они здѣсь «жизни рѣшались».

— Нужно каяться,—думалъ онъ. Еще не поздно. Мнѣ всего 40 лѣтъ. Я молодъ, здоровъ. Не все еще для меня потеряно. Сколько грѣшныхъ людей покаяніемъ возвращали себя Богу.

Но нужно знать, гдѣ каяться, куда пойти за покаяніемъ. Нынѣ вездѣ новшества и тлетворный духъ времени... Пожалуй, кайся на Волковомъ кладбищѣ, но ничего изъ твоего покаянія не выйдетъ,—потому на Волковомъ отъ старины отстали, строгаго поста нѣтъ.

Отъ дѣтства у него остались въ памяти религіозные споры. Соберутся, бывало, къ отцу по торговымъ дѣламъ филиповцы, ѳедосѣевцы, брачники и начнутъ «учать» другъ друга.

— Наша вѣра истинная, а ваша не отъ Бога... Въ Маргеритѣ-то вотъ что сказано...

И осталось у него въ памяти, что только на Преображенскомъ свято хранятся чистота и благочестіе. А по другимъ мѣстамъ уже ихъ нѣтъ. Значитъ, надо ѣхать на Преображенское.

Пріѣхалъ въ 1890 году. Пошелъ къ духовнымъ отцамъ и спросилъ ихъ:

— Что мнѣ нужно сдѣлать, чтобы стать на путь Христовъ?

— Мірщился ты. Клади началъ шесть недѣль. А послѣ приходи, получишь разрѣшенье, и къ общенію съ нами будешь допущенъ.

Но такъ какъ «отцы» знали, кто такой Ѳедоръ Смирновъ, то и рѣшили сдѣлать ему «уступочку».

— Ты только не разглашай. А то соблазнъ произойдетъ. Можно и не такъ строго, мы разрѣшимъ.

Не понравилось это Ѳедору Ивановичу. Онъ искалъ крѣпкой вѣры, а тутъ одна слабость.

— Уважалъ я допрежде Преображенское,—говорилъ

онъ,—думалъ, что основа тамъ христіанская, постановка дѣла правильная. Но оказалось, что вѣра и тамъ теряется.

И отвернулся онъ отъ Преображенскаго кладбища.

Около Ѳедора Ивановича появились «совѣтчики», указывали, въ чемъ «форменность вѣры».

— Перво на перво отпусти волосы и стриги ихъ въ скобку. Потомъ носи христіанскую одежду.

Джентльменъ Смирновъ оставилъ фракъ, крахмальную сорочку и надѣлъ кафтанъ. Острится по-старообрядчески. Затѣмъ пріѣхалъ въ Петербургъ и приказалъ выкинуть изъ дома всѣ статуи и картины. Увидалъ самоваръ.

— Долой. Чтобы никогда его не было въ моемъ домѣ. Чай—зелiе дьявольское.

Позвалъ скупщика и за безцѣнокъ продалъ ему рояль и всю запряжку.

— Только избавь.

Въ домѣ установился другой порядокъ. Ничего европейскаго—«сатанинскаго». Обѣдъ простой. Тишина. Непрестанные молитвенные вздохи. На кухнѣ шопотомъ говорили:

— Натворилъ грѣха, а теперь думаетъ загладить постной пищей...

За всѣмъ въ домѣ слѣдилъ суровой, тяжелый взглядъ «кающагося». Пришелъ къ нему какъ-то пѣвчiй, одѣтый въ «манишку».

— Не христіанинъ ты,—обрушился на него Смирновъ.— Еретикъ. Нѣтъ тебѣ мѣста въ христіанскомъ домѣ.

И выгналъ пѣвчаго.

Если войдетъ кто и начнетъ молиться, онъ строго окрикнетъ:

— А руки вымылъ? Прежде руки надо помыть, а потомъ уже молиться. Еретики...

И изъ-подъ нависшихъ бровей метнется суровый взглядъ Ѳедора Ивановича.

— Мучитъ онъ насъ своею святостью,—шептались домашнiе, но молча сносили.

Въ началѣ Ѳедоръ Ивановичъ надѣлъ по неопытности

кафтанъ со сборками—въ видѣ поддевки. Но скоро совѣтники ему указали:

— Грѣшно сіе. Соборныя опредѣленія велятъ носить кафтанъ съ фонтами.

Онъ надѣлъ «съ фонтами» и на носящихъ поддевку обрушивался съ укоризной.

Скоро ему указали на основной его грѣхъ.

— Живешь ты съ женой. Развѣ это можно? Ты знаешь, что благодать священства при еретикѣ Никонѣ улетѣла на небо. А нѣтъ священства, нѣтъ и вѣнчанія. И значитъ, ты живешь не въ законѣ, а въ блудѣ. Поэтому всякій женатый тѣмъ самымъ отлученъ отъ церкви. Въ Канунѣ сказано: новожены безъ распутства (безъ развода) ни съ обѣтами, ни съ эпитеміями въ церковь не пріемлются... Разведись, если хочешь спастись и не попасть въ огнь вѣчный, уготованный дьяволу и аггеламъ его.

Ѳедоръ Ивановичъ не остановился и передъ этимъ. Жена добровольно согласилась разойтись съ нимъ. Онъ хорошо обезпечилъ ее и дѣтей и отпустилъ ихъ съ миромъ. Съ дѣтьми онъ послѣ видѣлся, одна дочь даже жила вмѣстѣ съ нимъ, такъ какъ была одного съ нимъ покаяннаго образа мыслей. Но съ женой онъ такъ и не видѣлся до смерти, не хотѣлъ о ней слышать, хотя когда они жили вмѣстѣ, то жили хорошо, дружно.

Дѣти жили съ матерью на другомъ концѣ города. И изрѣдка навѣщали кающагося отца.

Ѳедоръ Ивановичъ переѣхалъ въ Москву на постоянное жительство.

— Петербургъ—нечестивый Вавилонъ,—говорилъ онъ.

Не любилъ онъ Петербурга. Въ немъ протекла его грѣшная половина жизни.

Изъ «дѣла» онъ первое время не выходилъ, хотя переставалъ имъ заниматься и интересоваться.

Но черезъ годъ онъ окончательно покинулъ «торговый домъ Смирновыхъ». Вынулъ изъ предпріятія свои деньги, продалъ свое участье въ торговлѣ. Остался у него лишь альбуминный заводъ въ Москвѣ. И долго оставался—лѣтъ

шесть послѣ переѣзда въ Москву. Но потомъ и отъ альбуминнаго завода онъ отказался въ пользу города.

Въ Москвѣ у него три дома. Стоятъ они прямо противъ воротъ Преображенскаго кладбища. И до сихъ поръ на воротахъ ихъ надпись: «домъ Ѳ. И. Смирнова». Въ одномъ изъ нихъ жилъ самъ Ѳедоръ Ивановичъ. Жилъ онъ, какъ мы говорили, съ дочерью, которая ушла изъ семьи вмѣстѣ съ отцомъ, чтобы «спасаться». На ея рукахъ онъ и умеръ.

Въ Москву переѣхала и его семья, но жила далеко отъ него. Я забылъ сказать, что какъ только Ѳедоръ Ивановичъ началъ каяться, то сейчасъ же взялъ своихъ сыновей изъ учебнаго заведенія:

— Нечестью тамъ ихъ научатъ, а не служенію Богу.

Послѣ одинъ сынъ все-таки вновь поступилъ въ учебное заведеніе. Отецъ долго не зналъ объ этомъ, сынъ приходилъ къ нему не въ формѣ.

Въ Москвѣ Ѳедоръ Ивановичъ подружился съ Т. П. Москвинымъ. Смирнову понравилось въ этомъ человѣкѣ религіозная строгость. Москвинъ былъ такъ называемой «Липовской вѣры» (моленная въ д. Липкахъ, Сычевскаго уѣзда). Липовцы болѣе твердо хранили обычаи старины и старались не отступать отъ устава ни на іоту.

Познакомился онъ съ Москвинымъ при такихъ обстоятельствахъ. Онъ, какъ я говорилъ, пріѣзжалъ изъ Петербурга къ отцамъ Преображенскаго кладбища и искалъ ихъ помощи. Тѣ стали дѣлать ему «уступочки» («хотѣли принять меня даже безъ развода», съ негодованіемъ разсказывалъ Смирновъ), и одного просили:

— Мы тебѣ все сдѣлаемъ. Только ты Тимошкѣ не сказывай.

А Тимошка этотъ и былъ Москвинъ, гроза отцовъ кладбища; строгій ревнитель старины. Онъ постоянно указывалъ отцамъ:—Это не такъ, не по уставу.

Отцы боялись его и не любили.

Смирновъ познакомился съ нимъ и сталъ подъ его руководство. Оба они были въ оппозиціи къ «новшествамъ» Преображенскаго кладбища.

— Позвали меня чай пить, да еще съ сахаромъ, — разсказывалъ Смирновъ о своемъ визитѣ на кладбище.

— Теряется нонѣ вѣра, — говорилъ Москвинъ. Пѣвчіе ходятъ въ пиджакахъ.

— Стриженныхъ подъ польку въ старину молиться не допускали, а теперь уже можно... Вотъ какъ у насъ обращаются съ канономъ.

— Это въ Москвѣ такъ, а въ провинціи приведи въ моленную стриженаго, всѣ разбѣгутся.

— Да, въ провинціи крѣпче... А въ Москвѣ кафтаны шьютъ съ пуговицами. Грѣхъ тяжкій...

Ѳедоръ Ивановичъ совершенно отвернулся отъ Преображенскаго кладбища и ушелъ въ «липовскую вѣру». Въ моленную кладбища не ходилъ. Молился дома.

Но покаяніе его выражалось не въ одной только жизни «по канунамъ». Онъ пришелъ къ мысли, что ему надо расплатиться съ своими кредиторами, которыхъ онъ разорялъ, когда объявлялся несостоятельнымъ. Справился по конторскимъ книгамъ, кому онъ остался долженъ, и началъ имъ возвращать полностью.

Такъ какъ времени съ тѣхъ поръ прошло много и нѣкоторые кредиторы уѣхали съ прежнихъ мѣстъ, а нѣкоторые умерли, то приходилось искать ихъ по Россіи. Около Смирнова собрался кружокъ «своихъ» лицъ, которыя ѣздили, искали и вручали деньги или самимъ кредиторамъ или ихъ наслѣдникамъ. Вручали безъ росписокъ. Поэтому все ли вручали? Слишкомъ былъ великъ соблазнъ оставить часть денегъ у себя...

Смирновъ выплатилъ всѣмъ. Платилъ нѣкоторымъ по 200 тысячъ. И не отдалъ лишь одному владимирцу, который умеръ и свое состояніе оставилъ монастырю.

— Никоніанскому монастырю не заплачу, — сказалъ Смирновъ.

И отдалъ эти деньги на какое-то благотворительное дѣло. Съ деньгами Ѳедоръ Ивановичъ разставался легко.

— Это не мои.

Онъ боялся только умереть до того времени, когда совершенно очистится отъ долга.

Жилъ онъ, особенно послѣдніе годы, уединенно, какъ пустынникъ-аскетъ. Въ 12 ч. ночи вставалъ и молился до 3 — 4 часовъ утра «за кругъ церковный». Потомъ спалъ до 7 — 8 утра, а затѣмъ опять исправлялъ службы. Весь день въ молитвѣ. Изъ дома рѣдко выходилъ.

Носилъ бѣлую рубаху до колѣнъ. Сначала тонкаго полотна. Но нашелъ это не христіанскимъ и сталъ шить рубахи изъ грубаго мѣшкового тканья.

Когда умеръ Т. П. Москвинъ, Ѳедоръ Ивановичъ сталъ приглядываться къ «липовской вѣрѣ» и въ ней нашелъ новшества. Въ концѣ концовъ ушелъ оттуда.

— Лучше спасаться одному, — сказалъ онъ.

И «спасался» у себя дома. Мяса не ѣлъ, хотя «запрета на мясо нѣтъ». Не ѣлъ онъ его по усердію, по строгости. Конечно, ни чая, ни вина не пилъ. Въ понедѣльникъ, среду и пятницу вкушалъ пищу одинъ разъ въ день — и постную; въ остальные дни два — ѣлъ рыбу, молоко, яйца.

На сахаръ смотрѣлъ такъ:

— Онъ не только скоромный, но и поганый.

Сначала ѣлъ молоко отъ своихъ коровъ. Но какъ-то подслушалъ, что его коровницы «ругались» между собою, — продалъ коровъ и разсчиталъ коровницъ.

— Безъ коровъ грѣха меньше. Никто ссориться не будетъ.

Гдѣ-то пришлось ему услыхать, что въ дойникъ кладутъ сахаръ. Провѣрилъ. Оказалось, вѣрно.

— Нельзя ѣсть молоко, разъ въ него попадаетъ сахаръ. Сахаръ поганый.

Пересталъ ѣсть.

Услыхалъ, что пчеловоды кормятъ пчелъ сахаромъ. Пересталъ ѣсть медъ:

— Медъ поганый.

Выбросилъ на этомъ основаніи за окно восковыя свѣчи.

Въ послѣдніе годы всѣмъ сталъ говорить «ты».

— Не по-христіански «вы», въ старину такъ не говорили.

Прожилъ онъ до 60 лѣтъ. Подъ конецъ жизни у него выра-

боталось странное отношеніе ко всѣмъ людямъ, ко всему міру:

— Всѣ живутъ не по-христіански, — говорилъ онъ. — Потерялась вѣра.

О себѣ онъ думалъ, что онъ ближе къ Богу, чѣмъ кто-либо, потому что живетъ въ строгости и чистотѣ старинной вѣры, которая и есть истинная вѣра. Всѣ остальныя «вѣры» — Ересь.

Когда онъ почувствовалъ смерть, то началъ думать.

— Нужно покаяться. Но передъ кѣмъ?

Передъ кладбищенскимъ отцомъ? Но никто изъ отцовъ не соблюдаетъ отеческой святости. Тотъ, кому онъ долженъ покаяться, долженъ быть или чище его по своей нравственности, или, по крайней мѣрѣ, равенъ ему въ этомъ отношеніи. Иначе покаяніе его будетъ недѣйствительно.

— Если я самъ молока не вкушаю, то и тотъ, передъ кѣмъ я буду каяться, долженъ также его не вкушать. Между тѣмъ, всѣ ѣдятъ молоко, не подозрѣвая, что оно поганое...

Когда Ѳедоръ Ивановичъ легъ на смертный одръ, ему сказали:

— Не забылъ ли ты покаяться, отецъ?

Онъ спокойно отвѣтилъ:

— Не передъ кѣмъ. Не вижу людей, достойныхъ принять мое покаяніе.

Завѣщалъ дочери:

— Похорони меня безъ христіанскаго погребенія, ибо нѣтъ въ мірѣ человѣка, который могъ бы приготовить меня къ царству небесному...

И умеръ...

Его зарыли безъ церковнаго обряда на Преображенскомъ кладбищѣ.

„Во имя Бога".

Грязненькій трактиръ, въ которомъ мы сидѣли, былъ полонъ шума и гама окраинскихъ рабочихъ. Чѣмъ болѣе усиливалось сквернословіе, тѣмъ ниже склонялся ко мнѣ Казанковъ, страстнымъ шопотомъ говорилъ о происшедшемъ. Его блѣдное, мистически-испуганное лицо выражало пережитое потрясеніе. Онъ и сейчасъ не можетъ говорить равнодушно.

— Подкатываетъ что-то къ горлу, навожденіе какое-то...

Напротивъ трактира на Александровской улицѣ (за Нѣмецкимъ кладбищемъ) стоитъ его маленькая колоніальная лавка, въ которой и началась его драма.

— Годъ тому назадъ, — разсказывалъ Казанковъ, — сталъ ходить ко мнѣ съ Пантелеевской улицы іоаннитъ кнігоноша Архипъ. О Богѣ я люблю бесѣдовать, у меня библіотека духовныхъ книгъ... Приходитъ Архипъ и каждый разъ страшнымъ судомъ устрашаетъ.

— Пришло послѣднее время, — говорилъ онъ. — Намъ батюшка Іоаннъ открылъ.

Любилъ я батюшку Іоанна Кронштадскаго и повѣрилъ. А Архипъ говоритъ тихо, умилительно, ровно ангелъ.

— Поѣзжай, говоритъ, въ Петербургъ и пріобщись Святыхъ Таинъ въ Іоанновскомъ соборѣ. Брось все, бери семью и уѣзжай, ибо надо тебѣ подумать о душѣ, пришелъ конецъ.

Онъ говорилъ, что онъ также бросилъ все и переѣхалъ по благословенію братца въ Питеръ. Иногда Архипъ запаздывалъ и просился ночевать. Я-то не прочь, но жена видѣть его не могла. Въ Іоанна Кронштадтскаго она мало вѣрила, и

когда Архипъ, бывало, увѣщевалъ меня бросить лавку, то жена противорѣчила. Архипъ подходилъ къ ней, крестилъ и говорилъ:

— «Въ тебѣ бѣсъ! Бѣсъ! Бѣсъ!..»

И я-то сталъ вѣрить, что въ женѣ моей сидитъ бѣсъ. Какъ то она съ дѣтьми уѣхала въ деревню на побывку, я предложилъ Архипу ночевать. Сѣли мы за чай. Онъ вынулъ какой-то пузырекъ съ водой и вылилъ воду въ чайникъ.

— Что это у тебя? — спрашиваю.

— Святая вода, благословеніе батюшки, при живности оставилъ намъ, — говоритъ.

— Я повѣрилъ. Пили чай съ этой водой: и я, и онъ. На утро чувствую слабость и замѣчаю сразу, что половыя желанія мои кончились... какъ оборвалось что-то во мнѣ. Съ тѣхъ поръ я вообще сталъ чумовымъ...

Я помню одного эѳиромана. Онъ при мнѣ нюхалъ эѳиръ и когда возвращался къ сознанію, то разсказывалъ о своихъ ощущеніяхъ тяжелымъ, путающимся языкомъ. Такъ говорилъ и Казанковъ.

— ...Архипъ заходилъ ко мнѣ, лилъ свою воду и мнѣ, и себѣ, и женѣ моей, и дѣтямъ. Лилъ въ чай, въ селедку, во все. Я уже былъ въ его власти и не протестовалъ. Думалъ, святая вода похоть уничтожила и съ женой заставила жить какъ съ сестрой. Вмѣстѣ съ Архипомъ стали заходить и другіе іоанниты. Всѣ въ одинъ голосъ улещали:

— «Кончай торговлю, забирай жену и дѣтей и поѣзжай въ Питеръ. Самъ будешь книгоношей, жена будетъ дѣлать вѣнки, а дѣтей отдашь въ іоаннитскій пріютъ».

Явился однажды ко мнѣ казакъ, съ двумя георгіевскими крестами Василій Воробьевъ (или Вороновъ). Это былъ очень начитанный человѣкъ. Поразилъ меня. И я рѣшилъ поѣхать въ Питеръ пока безъ семьи. Онъ также подливалъ мнѣ воду въ чай. Уговорилъ меня сходить къ московскимъ іоаннитамъ въ д. Грязнова, въ Сокольникахъ. На одномъ дворѣ со мной живетъ портной Н. В. Поляковъ. Онъ также увѣровалъ въ іоаннитовъ; ему тоже подливали воду въ чай. Мы съ этимъ портнымъ и пошли въ домъ Грязнова. Тамъ было человѣкъ

16 мужчинъ-книгоношъ. Старшій Ѳедоръ Лукьяновъ. Сѣли пить чай, насъ окурили ладаномъ. Сталъ Ѳедоръ говорить:

— «Поѣзжай въ Питеръ къ гробу батюшки, отъ него идутъ исцѣленія»...

Поѣхали мы съ портнымъ. Сопровождалъ насъ Василій Воробьевъ. На вокзалѣ проситъ онъ у насъ денегъ. Мы не дали, — не было у насъ. Онъ настаивалъ, чтобы мы взяли побольше денегъ. Но мы только на проѣздъ обезпечились.

Въ Петербургѣ Василій повезъ насъ къ Михаилу Степановичу Уткину въ домъ іоаннитовъ, наМосковской улицѣ, около Московской заставы. Тамъ окуривали насъ ладаномъ. Такъ какъ у меня болѣла голова, то я попросилъ воды помочить темя. Михаилъ Степановичъ сказалъ:

— «Бери откуда хочешь, у насъ вездѣ святая вода, и въ ушатахъ, и въ рукомойникѣ. Это у тебя въ головѣ бѣсовская сила, но отъ воды ты исцѣлишься».

И вѣрно: помочилъ голову, боль утихла. Послѣ всего вышли-было мы съ портнымъ на улицу осмотрѣться, а Василій выбѣгаетъ и говоритъ:

— «Чего смотрѣть! Тутъ все мірское!»

И повелъ насъ назадъ въ домъ. Потомъ у насъ попросили «на баранки пріютскимъ дѣтямъ». Дали. Михаилъ Степановичъ просилъ вообще пожертвовать. Я обѣщался выслать 100 рублей и заказалъ вѣнокъ за 50 рублей. Вечеромъ передъ сномъ всѣ молились. Клали по 1000 поклоновъ. Василій положилъ 2000. Рубаха на немъ стала мокрая... Ночью повели насъ въ Іоанновскій соборъ. Пріобщились мы Святыхъ Таинъ, но теплотой запитъ намъ не дали. Потомъ у Ѳедора Васильевича Пустошкина, ихъ нáбольшаго, пили чай. Пришелъ какой-то священникъ съ крестомъ на шеѣ. Всѣ къ нему подошли подъ благословеніе. Онъ сказалъ:

— «Я обогрѣваю васъ, я духовная печка»...

Вся обстановка сильно подѣйствовала на Казанкова.

— Думаю я, — говоритъ онъ, — кто этотъ священникъ? И сталъ вѣрить, что это самъ батюшка Іоаннъ воскресъ... Не могу оторваться отъ этой мысли, да и только...

Потомъ насъ повезли въ Кронштадтъ къ отцу Назарію.

Провожалъ опять Василій. Пустошкинъ далъ 50 рублей Василію, — это за меня тѣ деньги, которыя я долженъ былъ выслать на вѣнокъ, — и сказалъ: «Отдай о. Назарію». На пароходѣ съ нами ѣхала одна женщина. Мы разговорились.

— «Вотъ батюшкѣ Назарію везу триста рублей», говорила она.

Дорогой Василій зачѣмъ-то просилъ не говорить въ Кронштадтѣ на духу о томъ, что мы причащались въ Питерѣ. Въ Кронштадтѣ исповѣдались и причастились. Но исповѣдь была машинальная, кое-какъ. Потомъ насъ повели къ о. Назарію. На дворѣ стояло человѣкъ 20 нищихъ. Василій, указывая на нихъ, сказалъ:

— «Вотъ куда идутъ ваши деньги!»

О. Назарій нѣкоторыхъ выгналъ отъ себя, а насъ съ портнымъ и женщину съ 300 руб. принялъ. Женщина отдала ему закрытый пакетъ съ деньгами. Василій передалъ 50 руб.

— «Но вамъ, можетъ-быть, жалко этихъ денегъ?»—спросилъ меня о. Назарій.

Потомъ онъ далъ мнѣ и женщинѣ по апельсину, а Василію крымское яблоко. Портному же ничего не далъ. Сталъ говорить съ нами. Мы съ портнымъ просили благословить насъ бросить торговлю и ремесло и уйти къ іоаннитамъ. Онъ благословилъ.

— «Вамъ теплоту не давали?» — спросилъ онъ.

И вынесъ намъ теплоты.

— Какъ онъ узналъ, что намъ не давали теплоты? — спрашивали мы другъ друга и удивлялись.—Потомъ поѣхали въ Ораніенбаумъ. Портному на дорогу дали просвирку, а женщинѣ бутылку святой воды.

— «Только скрой отъ городовыхъ», — говорили ей.

Въ Ораніенбаумѣ приложились къ гробу какой-то ученицы о. Іоанна. «Отъ гроба, — говорили іоанниты, — идутъ исцѣленія». Затѣмъ поѣхали въ Петербургъ, къ Пустошкину, а оттуда въ Москву, куда насъ просили доставить пудовъ семь ихъ книгъ. Вечеромъ по пріѣздѣ я разрѣзалъ апельсинъ о. Назарія на четыре части, съѣлъ одну часть самъ, другую съѣла жена, а двѣ остальныхъ — дѣти. Потомъ сталъ я мо-

литься. Долго молился. Взялъ портретъ о. Іоанна и силой заставилъ жену поцѣловать портретъ. Опять сталъ молиться. И явилось мнѣ воображеніе... Послышался голосъ:

— «Прощаешь ли ты такихъ-то лицъ?».

Я говорю:

— «Прощаю».

— «Теперь, разѣвайте ротъ, примите причастіе!»

Я чувствовалъ, какъ ложка лѣзла ко мнѣ въ ротъ. Когда я раскрылъ ротъ, голосъ произнесъ:

— «Вы теперь готовы къ смерти».

Я упалъ и сразу понялъ, что ко мнѣ идетъ смерть... Все ближе и ближе... Тогда я закричалъ:

— «Я еще не готовъ, я еще не наболѣлъ, я сыръ еще!»

— «Ну, поживите»,—отвѣтилъ голосъ. Около меня стояла испуганная жена, прибѣжали сосѣди, а я кричалъ имъ, чувствуя смерть:

— «Позовите священника!»

На утро я чувствовалъ страшную боль въ животѣ.

— Отчего же это? — спрашиваю я.

— Отъ апельсина.

— Еще дорогой изъ Петербурга, — разсказывалъ Казанковъ, — со мной случился припадокъ. Я молился въ вагонѣ и расшибъ себѣ лобъ. Кричалъ: помогите! Спасите! А всѣ говорили: —вотъ сумасшедшій!

На третій день по пріѣздѣ пришелъ къ нему Василій:

— Деньги давай, — говоритъ.

— Подожди, — отвѣчаю.

Онъ ушелъ къ портному, а я потихоньку отперъ сундукъ, взялъ всѣ деньги — 250 р., вызвалъ затѣмъ въ сѣни Василія и отдалъ ему. Какъ только отдалъ, Ѳедоръ изъ Сокольниковъ позвалъ меня духомъ. Слышу, какъ онъ зоветъ меня притти къ нему на квартиру. Жена, было, начала удерживать, но я ушелъ въ Сокольники. Прихожу въ домъ Грязнова.

— «Ты меня требовалъ?» — спрашиваю Ѳедора.

— «Да», — отвѣчаетъ.

— «Зачѣмъ?»

— «Что же ты мнѣ деньги не отдаешь?»

— «Я отдалъ».

— «Чего ты тамъ отдалъ?»

— «Какъ это ты духомъ меня звалъ?» — спрашиваю.

— «Я молился Богу, чтобы тебѣ было легче».

— «Когда же мнѣ будетъ легче?»

— «Когда ты отдашь всѣ деньги».

— «Завтра отдамъ, — говорю ему, — возьму изъ банка 500 р. и принесу».

Утромъ опять сильная боль въ животѣ. Я прошу у жены сберегательную книжку.

— Переведу на тебя деньги, — обманываю ее.

Она не даетъ.

— Мы съ портнымъ пойдемъ, — говорю ей.

Портному она повѣрила. Отдала ему книжку и вексель на 280 р., — по нему мнѣ слѣдовало въ тотъ день получить переводомъ въ банкѣ. Но по векселю деньги не пришли. Беру 500 р. изъ банка. Портной просилъ чиновниковъ банка не давать:

— Онъ сумасшедшій, — говорилъ онъ.

Но они говорятъ:

— Не видимъ, говоритъ здраво, пишетъ какъ слѣдуетъ.

Дали. Я одинъ, безъ портного, побѣжалъ въ Сокольники и въ воротахъ одинъ-на-одинъ встрѣтилъ Ѳедора.

— «Давай», — говоритъ онъ.

Я отдалъ.

—«Теперь тебѣ полегчаетъ», — говоритъ онъ.

Онъ хотѣлъ уѣхать въ Петербургъ на двѣ недѣли, а меня просилъ понемногу распродавать имущество... Пришелъ я домой, и сразу же съ меня навожденіе спало, стало легче. На утро я понялъ, что меня обманули. Одумался и бросился въ участокъ...

Былъ составленъ протоколъ. Начали искать, но никого не нашли. Въ домѣ Грязнова Казанковъ былъ съ полиціей.

— Выставили мнѣ всѣхъ книгоношъ, — разсказывалъ Казанковъ. — Смотрите, узнавайте, который? Смотрю, ни Ѳедора, ни Василія между ними нѣтъ. Спрашиваю: гдѣ Ѳедоръ? Такого у насъ не было, —отвѣчаютъ. Посылалъ въ

Петербургъ въ адресный столъ справку о Ѳедорѣ. Тамъ тоже его не оказалось. Схватили Архипа, нашли у него воду. Онъ говоритъ: «это отъ Пантелеймона». Разрѣшеніе у него на книжную торговлю оказалось на чужое имя. Подержали его и отпустили — вѣдь, не ему я деньги давалъ.

— А теперь вы вѣрите въ іоаннитовъ? — спрашиваю я Казанкова.

— Если бы они, взявши деньги, не исчезли, я бы продалъ лавку и уѣхалъ съ семьей къ нимъ, — такъ я имъ вѣрилъ. Портной и до сихъ поръ вѣритъ. Въ нашемъ краѣ іоанниты и посейчасъ работаютъ. Василій ходилъ къ А. И. Легкову— есть у насъ такой человѣкъ — лилъ ему воду во все; тотъ уже хотѣлъ продать домъ, но мой обманъ его остановилъ. Н. И. Коробкова, богатаго человѣка, они тоже уговариваютъ продать домъ. Но жена не даетъ — на ея имя записанъ домъ. Коробковъ безъ ихъ святой воды уже жить не можетъ. Много они повыманили денегъ у него. А когда меня охаживали, то все спрашивали:

— Нѣтъ ли у тебя богатыхъ знакомыхъ?

Я вспомнилъ газетную замѣтку.

— Изъ Москвы іоанниты привезли 7½ тыс. рублей денегъ, пожертвованныхъ купцами...

Бурханизмъ.

Въ самый разгаръ нашей освободительной эпохи, — въ маѣ 1906 года,—въ газетахъ появились коротенькія замѣтки о какомъ-то политическомъ движеніи среди алтайскихъ калмыковъ. Замѣтки были неясныя, сбивчивыя. Отъ нихъ осталось одно общее впечатлѣніе:

— Даже до Алтая и до его дикарей докатилась освободительная волна...

И только. А фактъ представлялся въ формѣ бунта калмыковъ противъ тамошней администраціи. Можетъ-быть, только немногіе обратили вниманіе на то, что движеніе калмыковъ относится къ 1904 году и, значитъ, никакого отношенія къ русской освободительной эпохѣ не имѣетъ. Въ 1906 же году состоялся уже судъ надъ бунтовщиками, который отвергъ политическую подкладку и оправдалъ ихъ.

Я познакомился съ однимъ лицомъ, прожившимъ долгое время на Алтаѣ. Онъ разсказалъ мнѣ правду о калмыцкомъ движеніи. Эта поэтическая сказка-быль о томъ, какъ возникла на Алтаѣ новая религія

Въ 50-хъ годахъ прошлаго столѣтія появилась на Алтаѣ православная миссія. Фанатизмъ шаманства, котораго издавна придерживались калмыки, поставилъ ей сильнѣйшія препятствія. Миссія была первымъ поводомъ для появленія общей враждебности калмыковъ ко всему русскому. Усиленію недоброжелательныхъ отношеній къ русскимъ способствовалъ земельный вопросъ. Алтайцы открыто заявляли, что они стѣснены русскими поселками,

подъ которые отобраны у нихъ самыя лучшія земли. Имъ со скотомъ приходится ютиться по склонамъ горъ. Въ западномъ Алтаѣ земельный вопросъ былъ особенно остръ, поэтому здѣсь созрѣла рѣшимость просить русское правительство объ удаленіи съ Алтая всѣхъ русскихъ, а позже—объ урегулированіи земельнаго вопроса. Они посылали съ этою цѣлью двѣ депутаціи въ Государственную Думу. На этой обостренной почвѣ и возникъ въ западномъ Алтаѣ бурханизмъ.

Нужно сказать, что сами миссіонеры, не сознавая, проложили ему дорогу. Они внѣдрили въ алтайцахъ убѣжденіе, что шаманизмъ—вѣра устарѣвшая, что нужно ее перемѣнить. Но недоброжелательство къ русскимъ было препятствіемъ для замѣны шаманизма христіанствомъ. Еще задолго до бурханизма алтайцы были сильно настроены противъ христіанства. Доля вины въ этомъ падаетъ, на миссіонеровъ... Подъ вліяніемъ всего этого среди алтайцевъ возникло броженіе, которымъ прекрасно воспользовались сосѣди ихъ—монголы—и перенесли къ нимъ своеобразное буддійское вѣроученіе, окрестивъ его заманчивыми политическими перспективами. Въ головѣ алтайцевъ воскресли давно уснувшія надежды на возрожденіе ойротовскаго царства, т.-е. «золотого вѣка», когда всѣ будутъ счастливы. И вотъ, въ одно прекрасное время старый шаманизмъ былъ замѣненъ бурханизмомъ.

Случилось это въ обстановкѣ прямо фантастической, напоминающей древнія саги о рожденіи новыхъ религій, въ особенности же похожей на возникновеніе Моисеевой религіи.

Въ одинъ изъ іюльскихъ дней 1904 года калмыкъ Четъ-Чалпанъ объявилъ по Алтаю, что наканунѣ къ нему явился бѣлый всадникъ на бѣломъ конѣ въ бѣломъ одѣяніи. Вскорѣ появились еще два всадника. Первый всадникъ сталъ говорить что-то Чалпану на непонятномъ ему языкѣ. Другіе два переводили его рѣчь на искаженный калмыцкій языкъ. Вотъ что говорилъ таинственный всадникъ:

«Я былъ и буду во вѣки вѣковъ.

«Я—глава ойротовъ, что и объявляю вамъ, ибо время близко.

«Ты, Четъ, человѣкъ грѣшный, а дочь твоя безгрѣшна.

«Черезъ нее я возвѣщу всѣмъ алтайцамъ свои заповѣди.

«Заповѣди мои слѣдующія:

Табаку не курите, а если кто не можетъ воздержаться,—пусть къ табаку подмѣшиваетъ двѣ части березовой коры.

«Убейте всѣхъ кошекъ и никогда впредь не пускайте ихъ въ свои юрты.

«Не рубите сырой лѣсъ.

«Не колите въ пищу молодого скота.

«Не ѣшьте крови животныхъ.

«При встрѣчѣ говорите другъ-другу: якши (хорошо) и не спрашивайте о новостяхъ, какъ это дѣлалось у васъ раньше.

«Каждое утро и каждый вечеръ брызгайте вверхъ и на всѣ четыре стороны молоко.

«Поставьте внутри юрты, у дверей, и въ передней части юрты четыре берестовыя кадильницы и четыре березки.

«Жгите въ кадильницахъ верескъ (можжевельникъ).

«Не угощайте при встрѣчѣ другъ-друга табакомъ, а вмѣсто трубки давайте вѣточку вереска и говорите при этомъ: якши.

«Бубны шамановъ сожгите, потому что они не отъ Бога, а отъ шайтана.

«Съ христіанами изъ одной посуды не ѣшьте.

«Дружбы съ русскими не водите, и зовите ихъ: тонконогіе.

«Высока сѣверная бѣлая гора! Долго вы склоняли голову передъ ней.

«Но настало время, когда бѣлая гора намъ больше не владыка.

«Когда-то всѣ мы были подданные Ойрота, и теперь будемъ знать его одного.

«Будемъ смотрѣть на русскихъ какъ на своихъ враговъ. Скоро придетъ имъ конецъ. Земля не стерпитъ ихъ, разступится, и всѣ они провалятся подъ землю.

«Мы же будемъ смотрѣть на солнце и луну какъ на своихъ братьевъ.

«Повѣсьте на березкахъ ленты пяти разныхъ цвѣтовъ въ знакъ существующихъ на землѣ пяти главныхъ племенъ и пяти главныхъ религій.

«Главное ваше знамя—бѣлый и желтый цвѣта. Эти цвѣта носите на своихъ шапкахъ.

«У кого есть русскія деньги,—расходуйте ихъ скорѣе на покупку пороха, свинца и товара у русскихъ же, а оставшіяся отъ покупки деньги принесите всѣ ко мнѣ.

«Не утаивайте отъ меня ни копейки; утаившій провалится вмѣстѣ съ русскими».

Всадники возвѣстили свои заповѣди и исчезли. А Четъ-Чалпанъ послалъ во всѣ концы Алтая гонцовъ съ приглашеніемъ собираться въ долину Тере, къ горѣ Кырлыкъ, для общаго поклоненія Бѣлому Бурхану. Здѣсь съѣхавшіеся во множествѣ алтайцы три дня молились и ждали Бурхана. Дочь Челпана каждый день уходила на вершину горы, чтобы бесѣдовать съ Бурханомъ. Вечеромъ возвращалась и передавала народу новое ученіе и предсказывала о готовящихся совершиться чудесахъ. Потомъ къ народу явился одинъ изъ младшихъ Бурхановъ, въ сопровожденіи молодой, красивой дѣвицы. Онъ привѣтствовалъ народъ: «якши». Затѣмъ сказалъ:

— Кто вѣритъ,—гляди на солнце и луну! Почитайте Ойрота! Онъ былъ, есть и будетъ, онъ безсмертенъ. Ойротъ скоро придетъ къ вамъ, если будете въ него вѣрить и исполнять, что я вамъ скажу. Прежде всего, выберите изъ своей среды князя, пусть онъ возьметъ съ васъ клятву въ послушаніи... Деньги и порохъ отдайте мнѣ для уничтоженія. Среди васъ въ обращеніи будутъ другія деньги...

По данному Бурханомъ знаку, дѣвица трижды ударила плетью о камень и достала изъ-подъ камня горсть серебряныхъ монетъ съ изображеніемъ на нихъ дракона.

Въ толпѣ были алтайцы изъ обращенныхъ въ христіанство. Они сказали:

— Русскіе актеры лучше этого могутъ сдѣлать...

За это ихъ привязали къ деревьямъ и пороли плетями до тѣхъ поръ, пока они не отказались отъ христіанства и не приняли благословенія отъ Бурхана.

Затѣмъ толпа выбрала княземъ богатаго калмыка Кейтыкъ Елбу-ина. На другой день на вершинѣ горы, гдѣ былъ Бурханъ, раздался оглушительный взрывъ, земля дрогнула, и всѣ увидали густой столбъ дыма.

Кажется, въ этотъ моментъ толпу окружило кольцо изъ русскихъ властей и поселенцевъ. Произошло побоище. Въ калмыковъ стрѣляли. Чалпанъ и нѣсколько другихъ калмыковъ попали въ тюрьму и на скамью подсудимыхъ, но были, черезъ годъ послѣ пребыванія въ бійской тюрьмѣ, оправданы судомъ.

Новая религія на Алтаѣ все-таки основалась. Бурханизмъ представляетъ собою осколки буддизма и монгольскаго ламаизма, но по своему содержанію это новое вѣрованіе представляетъ собой особый видъ религіи, не встрѣчавшійся еще въ жизни народовъ. Шаманизмъ подъ вліяніемъ ея исчезаетъ. Алтайцы прежде приносили жертвы Ерлику-Номусуцесову, котораго они считали своимъ владыкой. Теперь бухарнисты стали во враждебное отношеніе къ злымъ духамъ.

Любопытна во всей этой прелестной по всей фантастичности и дикости исторіи одна сторона: всѣ многолѣтнія усилія православной миссіи не сдѣлали Алтай христіанскимъ, а пріѣхалъ дикій монголъ на бѣломъ конѣ, и алтайцы съ радостью и довѣріемъ приняли его ученіе...

И теперь на Алтаѣ поютъ не христіанскія молитвы, а поэтическія пѣсни, посвященныя Бурхану:

Алтай мой подобенъ бѣлымъ цвѣтамъ,
А Бурханъ солнцу и лунѣ.
Съ бѣлымъ молокомъ встрѣчаю его.
Аза (дьяволъ) меня съ моимъ солнцемъ не разлучитъ.

Или другая несложная, примитивная, но поэтическая пѣсня:

Шестикрылая гора—наше мѣсто молитвы.
Ее невидимо освѣщаютъ шестьдесятъ два солнца.
Ты, мать моя, луна:
Ты разгоняешь тьму въ осеннія ночи.
Всѣмъ повелѣваетъ Бѣлый Бурханъ,
Онъ управляетъ солнцемъ и луной.
Мы, родъ священный, держимъ арчинъ.
Онъ подобенъ золоту и серебру.
А золото и серебро—солнце и луна.
Въ арчинѣ мы видимъ заповѣдь истины.
Она дана намъ шестьюдесятью Ойротами и свѣтлымъ Бурханомъ.
Бѣлое молоко—скромный даръ—
Приносится въ даръ Бурхану.
Акъ-Бурханъ, повелитель солнца и луны,
Я и мой разношерстный скотъ встрѣчаемъ тебя:
Я счастливъ, что мои мысли—мысли золотого Ойрота.
О, ты, шестигранный и разноцвѣтный мой Алтай,
Я встрѣтилъ тебя, какъ женихъ чистую невѣсту!
Пусть, какъ яркое золото,
Пусть, какъ блескъ серебра,
Твой народъ будетъ славенъ и свѣтелъ, и чистъ.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Отецъ Матѳей.

I.

Отецъ Матѳей Константиновскій...

Мрачный, демоническій персонажъ въ личной драмѣ Н. В. Гоголя.

Какими только темными красками ни рисуютъ ржевскаго протопопа!

Невѣжественный, изувѣръ, фанатикъ, святоша, лицемѣръ.

— Прислужникъ «власть имущихъ», мужикъ села Есько,—говорилъ г. Щегловъ въ «Новомъ Времени».

— Не особенно умный,—рекомендуетъ г. Мережковскій.

Онъ, какъ «тать въ нощи», подкрался къ больной, впечатлительной душѣ великаго писателя и вырвалъ ее изъ рукъ Россіи. Въ его холодныхъ объятіяхъ живой талантъ Гоголя превратился въ «мертвую душу».

Писатель пересталъ жить. Остался подавленный сильной волей о. Матѳея больной человѣкъ. Но и онъ скоро умеръ, такъ какъ для Гоголя «не писать — значило не жить».

О. Матѳей убилъ Гоголя.

Г-нъ Мережковскій считаетъ непреложной истиной печальное участіе о. Матѳея въ душеубійствѣ Гоголя.

Какова исходная точка о. Матѳея? По Мережковскому, она такова:

— Не любите міра, ни того, что въ мірѣ; все въ мірѣ— похоть плоти, похоть очей и гордость житейская... Весь міръ лежитъ во злѣ.

Это—смыслъ нашего чернаго, монашескаго христіанства. Къ нему-то и звалъ Гоголя о. Матѳей.

— Бѣги прелестей міра! Брось имя литератора и уйди въ монастырь!

Гоголь долго защищался:

— Не знаю, брошу ли я,—писалъ онъ,—имя литератора, потому что не знаю, есть ли на это воля Божія!

Но о. Матѳей упорно стремился къ «угашенію духа» Гоголя.

За двѣ недѣли до смерти Гоголя о. Матѳей былъ у него. «Конечно, то, что произошло между ними, — говоритъ г. Мережковскій,—и было причиной смерти».

— По всей вѣроятности,—говоритъ г. Мережковскій,— о. Матѳей въ послѣдній разъ потребовалъ отвѣта, желаетъ ли онъ бросить литературу и сдѣлаться монахомъ. Гоголь возмутился и «оскорбилъ» его. Но какъ только о. Матѳей уѣхалъ, онъ послалъ ему свое послѣднее письмо, въ которомъ просилъ извиненія и благодарилъ за что-то.

Мережковскій предполагаетъ: если бы Гоголь не согласился на отреченіе отъ литературы и міра, то о. Матѳей сказалъ бы ему, какъ схимникъ въ «Страшной мести» колдуну:

— Иди, окаянный грѣшникъ! Не могу о тебѣ молиться,— нѣтъ тебѣ помилованія! Еще никогда въ мірѣ не было такого грѣшника!

Эта анаѳема носилась предъ Гоголемъ всю жизнь; онъ боялся ея и былъ готовъ на все, чтобы только не подвергнуться ей.

Послѣ отсылки письма о. Матѳею, началось ужасное умираніе Гоголя.

Физически онъ былъ здоровъ. Но сталъ поститься, совсѣмъ отказываться отъ пищи и сна, похудѣлъ и таялъ.

За девять дней до смерти сжегъ всѣ рукописи и, между ними, рукопись второго тома «Мертвыхъ душъ».

Его стали лѣчить. Приходилъ приходскій священникъ, ѣлъ черносливъ и убѣждалъ Гоголя ѣсть. Но тотъ отказывался. Приходили доктора, ставили піявки и горчичники, обливали холодной водой, клали ледъ на голову и затылокъ, обкладывали тѣло горячимъ хлѣбомъ. Гоголь стоналъ, пронзительно кричалъ отъ боли и повторялъ: «не надо! не тревожьте меня, ради Бога!»

Наконецъ, истощенный, онъ умеръ.

Я вчитывался въ эти страшныя страницы страданій Гоголя, перечитывалъ письма его къ о. Матѳею, и во мнѣ родилось сомнѣніе.

— Дѣйствительно ли во всемъ проишедшемъ такъ виновенъ о. Матѳей?

Писемъ о. Матѳея къ Гоголю не сохранилось. Не сохранилось и разсказовъ очевидцевъ о томъ, что произошло между ними. Объ ихъ отношеніяхъ мы знаемъ по письмамъ Гоголя къ о. Матѳею. Вѣрнѣе,—не знаемъ, а догадываемся и предполагаемъ. Даже самое важное въ этомъ отношеніи письмо изъ Остенде, отъ 24 сентября 1847 г., хотя и говоритъ о монастырѣ и оставленіи литературнаго поприща, но въ довольно неопредѣленныхъ, загадочныхъ чертахъ.

Слишкомъ ярко и твердо было убѣжденіе самого Гоголя въ ненужности и даже «небожественности» оставленія поприща литератора, чтобы ему безпрекословно подчиниться неосновательному требованію о. Матѳея.

А если такъ, то дѣйствительно ли о. Матѳей требовалъ отъ него, во имя спасенія души, этого отреченія?

О монастыряхъ Гоголь опредѣленно говорилъ:

— Въ монастыряхъ тотъ же міръ, тѣ же искушенія...

Не могъ не знать этого и о. Матѳей, котораго Гоголь называетъ «умнѣйшимъ человѣкомъ изъ всѣхъ, какихъ онъ доселѣ зналъ».

Поэтому—звалъ ли дѣйствительно о. Матѳей Гоголя въ монастырь?

О. Матѳей былъ извѣстный проповѣдникъ. Зналъ, что значеніе печатнаго слово, когда оно несетъ людямъ нравственное поученіе, огромно. Поэтому—отъ всѣхъ ли произ-

веденій онъ требовалъ отказаться? И почему непремѣнно овсѣмъ отказаться отъ литературнаго, своего рода—проповѣдническаго, поприща, кагда онъ силою своей воли и вліянія на писателя могъ направить талантъ Гоголя въ сторону проповѣди церковно-религіозныхъ идей?

А весь послѣдній, религіозно-мистическій періодъ жизни Гоголя, развѣ онъ не говоритъ, что на Гоголѣ, помимо всякихъ сторонніхъ вліяній, легла тяжелымъ пластомъ какая-то «страшная тайна смерти». Что эта тайна преобразила его и отняла у Россіи художника-Гоголя гораздо раньше, чѣмъ сталъ на него имѣть вліяніе о. Матѳей.

Всѣ письма къ о. Матѳею или умоляютъ:

— Молитесь, молитесь, молитесь за меня!

Или разбиваютъ доводы о. Матѳея.

О «побѣдѣ» о. Матѳея надъ Гоголемъ можно говорить,— и то конечно, предположительно,—только въ тотъ моментъ, когда что-то произошло при послѣднемъ личномъ свиданіи ихъ. Это было за двѣ недѣли до смерти Гоголя.

Между тѣмъ, Гоголь, начиная со времени «Переписки», совсѣмъ пересталъ походить на прежняго Гоголя—автора «Ревизора». Геніальный «смѣхъ сквозь слезы» куда-то исчезъ, замѣнившись односторонностью мистика и неоригинальнаго моральнаго реформатора. Протествующая противъ плѣсени общественныхъ формъ нота замѣнилась самымъ безпросвѣтнымъ міросозерцаніемъ, которымъ оправдывалось крѣпостное право, какъ учрежденіе глубоко народное и христіанское, и утверждалось, что вселенское православіе спасутъ живущіе по «Домострою»Сквозники-Дмухановскіе.

Гоголь, геніальный писатель, умеръ до о. Матѳея. Ржевскому протопопу остался Николай Гоголь—больной человѣкъ. Трупъ генія съ разломомъ въ міровоззрѣніи и полнымъ душевнымъ хаосомъ. Испуганный«страхомъ смерти»,— болѣзнью, которой страдалъ и отъ которой умеръ отецъ Гоголя.

У него еще остались, какъ пережитки, мнѣнія прежняго

Гоголя, но волевая почва подъ нимъ становилась все мягче и мягче, пока совсѣмъ не исчезла.

Какъ характерна эта постоянная мистически-страшная просьба-мольба:

— Молитесь! Молитесь! Молитесь за меня!

Просьба смертельно больного, уже заглянувшаго въ бездну небытія, человѣка. Такъ могъ молить Іуда или колдунъ въ «Страшной мести». Но какой грѣхъ тяготѣлъ надъ Гоголемъ? Кажется, никакого особеннаго. А, между тѣмъ, онъ, отправляясь въ Палестину, пишетъ, что «не будетъ ли оскорбленіемъ святыни мой пріѣздъ и поклоненіе мое?»

Это нравственное уничиженіе не что иное, какъ нервная подавленность человѣка, зависящая отъ его начавшагося физическаго недомоганія...

Итакъ, кто же убилъ Гоголя?..

И кто такой о. Матѳей?

Простой православный священникъ!

Но тогда онъ долженъ былъ бы убѣждать Гоголя скушать чернослива, а не поститься до изнеможенія силъ.

«Каменный кряжъ православія»,—какъ говоритъ Мережковскій. Но тогда онъ не лицемѣръ, святоша и прислужникъ «сильныхъ міра сего», а праведникъ.

О. Матѳей—загадка...

Я ѣздилъ въ Ржевъ, гдѣ онъ провелъ послѣднія 20 лѣтъ своей жизни. Городъ еще полонъ памяти о немъ. Остались лица, знавшія его лично. Живъ внукъ его—Л. Н. Грешищевъ.

Тамъ изъ разспросовъ предо мной обрисовалась величественная, но совсѣмъ не мрачная фигура «душеубійцы» Гоголя.

II.

— Помнишь ли, бабушка, отца Матѳея?

Предо мною лежала въ позѣ покойницы древняя старуха-старообрядка. Заостренный носъ, пергаментное лицо.

Извозчикъ въ Ржевѣ завезъ меня къ ней:

— Она вамъ все разскажетъ.

— Гонитель былъ,—пробормотала старуха.

Потомъ вдругъ поднялась, выпрямилась и съ необычной для ея лѣтъ живостью заговорила:

— Когда отбирали у насъ моленную, какъ сейчасъ помню, попъ Матѳей съ солдатами сбивалъ замки... А Богъ наказалъ его за гоненіе: трехъ денъ не выжилъ,—умеръ... Вотъ и въ сказаніи у насъ говорится...

И старуха начала декламировать:

...Какъ пріѣхалъ попъ Матѳей,—
Всѣ замки сбили съ дверей,
Только въ двери онъ вошелъ,
Чуть живой назадъ пошелъ,
Оглянулся на насъ Богъ,—
Попъ Матѳей тогда издохъ.

О. Матѳей умеръ не черезъ три дня, а черезъ два мѣсяца послѣ того.

Это было въ 1857 году. Девяностолѣтній звонарь соборной колокольни Раѳаилычъ, который звонилъ еще при о. Матѳеѣ и звонитъ сейчасъ, передавалъ мнѣ объ этомъ фактѣ такъ:

— Вышелъ указъ отнять у старовѣровъ моленную. А они не даютъ... Вызвали солдатъ. Отецъ Матѳей былъ, почитай, при смерти... Однако, всталъ и пошелъ черезъ силу. И не нужно ему было, а пошелъ. Я его держу подъ руки. Идемъ сквозь строй солдатъ. А изъ всѣхъ домовъ кричатъ: «Антихристы! Ироды! Гонители! Бога въ васъ нѣтъ!» Камнями бросаютъ... А протопопъ идетъ,—и мы съ нимъ. Жутко, но пріятно,—за вѣру терпимъ поношенія. Сбили замки съ моленной, протопопъ вошелъ и тутъ же упалъ отъ слабости. Мы его вынесли на рукахъ.

А старикъ-старообрядецъ-севастополецъ добавлялъ къ этой картинѣ:

— Сгрудилась мы около моленной: не дадимъ! А насъ изъ пожарной кишки водой и пескомъ обдаютъ. Мокрые стоимъ. Терпимъ за вѣру. Потомъ все-таки выгнали насъ и заперли въ сараяхъ и домахъ...

Живая, красочная картина: умирающій старикъ встаетъ

со смертнаго одра, чтобы сдѣлать послѣднее въ земной жизни «Божье дѣло». Идетъ на насиліе, какъ на Голгоѳу.

Свобода совѣсти—идея нашего времени. Тогда же гнали людей «во славу Божію».

Жизнь о. Матѳея необычная. Ржевъ при немъ жилъ общиной апостольскаго времени.

Проповѣдь слова Божія была задачей жизни о. Матѳея. Онъ ходилъ, какъ апостолъ, по деревнямъ, собиралъ народъ по ночамъ въ церковь, бесѣдовалъ у себя на дому. Неустанно, непрерывно всю жизнь проповѣдовалъ Евангеліе. Къ старообрядцамъ ходилъ въ дома, но не грозилъ имъ ничѣмъ, кромѣ суда Божія. Полицейскими мѣрами не пользовался и земной властью не стращалъ.

Даръ проповѣди имѣлъ рѣдкій. Впечатлѣніе отъ нея—потрясающее. Въ храмѣ рыдали, когда онъ говорилъ. Слово его было «со властью», а воля непреклонна.

Никогда ничего не имѣлъ.

— На землѣ живемъ въ гостяхъ,—зачѣмъ намъ деньги?

Ему массу давали, но онъ все раздавалъ. Отдавалъ и свои деньги. Собрали ему денегъ на домъ, а онъ роздалъ нищимъ. Собрали вновь и уже отдали его женѣ.

У него былъ странноприимный домъ, всегда полный бѣдноты. Нищимъ за столомъ прислуживалъ иногда онъ самъ. Его обвиняли, что онъ укрываетъ бѣглыхъ отъ преслѣдованій начальства. Онъ сказалъ въ отвѣтъ:

— Я принимаю меньшого брата Христа. И буду принимать, какъ велитъ Евангеліе...

На него доносили завистники-попы, что онъ «смущаетъ» народъ своими проповѣдями и распространяетъ ересь. Одинъ изъ архіереевъ грозилъ ему заточеніемъ.

Онъ отвѣтилъ:

— Не вѣрю, потому что считаю себя недостойнымъ счастья пострадать за Христа!

Всю жизнь провелъ въ молитвѣ и строгомъ постѣ. Ѣлъ столько, чтобы «сердцу всегда близки были слезы». Жилъ болѣе въ храмѣ, чѣмъ дома.

Изъ семинаріи хотѣлъ бѣжать въ пустыню. По оконча-

ніи семинаріи стремился въ монахи. Но мать упросила, и онъ пошелъ въ дьяконы. Женился и имѣлъ дѣтей. За нѣсколько лѣтъ до смерти потерялъ жену, но въ монахи все-таки не пошелъ.

Онъ не былъ мрачнымъ отшельникомъ, ненавидящимъ міръ. Грознымъ судьей. Его праведность носила мірской характеръ,—онъ шутилъ и часто улыбался. Это передаетъ звонарь Рафаилычъ, который жилъ съ нимъ бокъ о бокъ и видѣлъ его ежедневно.

Любовно, по-мірски смотрѣлъ о. Матѳей на міръ. Никого не проклиналъ, никому не грозилъ.

— Даже не осуждалъ никого никогда,—говорилъ Рафаилычъ.

Сынъ о. Матѳея, тоже священникъ, теперь умершій, говорилъ о своихъ юношескихъ годахъ:

— Молодой любилъ я веселиться, много спать и лѣнивъ былъ къ церковной службѣ. Отецъ видѣлъ все, но никогда ничего не говорилъ. Развѣ зайдетъ и мимоходомъ броситъ: «А сегодня будетъ торжественная служба!..»

Всѣ говорили, что этотъ его сынъ похожъ на отца. А, между тѣмъ, сынъ былъ жизнерадостенъ. Его любили въ особенности арестанты.

О. Матѳей любилъ голубую рясу. Когда здоровье его стало разстраиваться, онъ сталъ пить кофе для поддержанія силъ. Предъ смертью лѣчился и принималъ всѣ лѣкарства.

Популярность его была огромна. Это былъ Іоаннъ Кронштадскій Ржевскаго уѣзда.

— Помѣщики побросали свои имѣнія и переселились во Ржевъ,—разсказываетъ Рафаилычъ.

Толпа ходила за о. Матѳеемъ. Всѣ хотѣли видѣть въ немъ святого, ждали пророчествъ, но онъ всегда съ этимъ боролся.

Рафаилычъ разсказываетъ о кометѣ съ хвостомъ, появившейся однажды.

На всѣхъ напалъ страхъ. Бросились къ о. Матѳею:

— Скажи, отецъ, что̀ это такое? Конецъ міра?

А тотъ шутливо отвѣтилъ:

— Поставьте лѣстницу и посмотрите... Я-то почемъ знаю?

Придетъ, бывало, мягкотѣлая святоша-дворянка и разсказываетъ сонъ:

— Къ чему это, батюшка?

А онъ:

— Спишь, спишь цѣлый день, чего-нибудь и выспишь. А ты Богу помолись, ерунда въ голову и не полѣзетъ.

Въ легендѣ народной о. Матѳей остался безъ чудесъ и только съ однимъ случаемъ провидѣнія. Это—рѣдкость для такого популярнаго человѣка, какимъ былъ онъ. Его борьба съ невѣжественной фантазіей толпы обличаетъ въ немъ человѣка недюжиннаго ума и воли. А главное—рѣдкой честности.

Остался вѣренъ себѣ о. Матѳей и въ отношеніяхъ съ сильными міра сего. Онъ страшно не любилъ лести и самъ не любилъ льстить.

Еще будучи дьякономъ, онъ выступилъ въ церкви со словомъ обличенія противъ помѣщика—главнаго прихожанина. Это въ крѣпостное-то время!..

А обличалъ онъ помѣщика за то, что тотъ смѣялся и разговаривалъ въ храмѣ. Помѣщикъ поклялся отомстить, но ничего не могъ сдѣлать.

Его отношенія къ гр. Адлербергъ, Тертію Филиппову, гр. Толстымъ были чужды униженія. Какъ и вездѣ, онъ былъ проповѣдникомъ и въ ихъ семьяхъ и живымъ образцомъ высокой жизни христіанина. И только.

О Тертіи Филипповѣ Рафаилычъ разсказывалъ:

— Студентомъ званивалъ со мной на колокольнѣ. Отецъ протопопъ его и въ люди вывелъ: сказалъ гр. Толстому, прокурору Синода, что хорошій человѣкъ....

Самъ Тертій Филипповъ говорилъ объ о. Матѳеѣ:

— Черезъ него я Бога позналъ.

Таковъ былъ о. Матѳей, священникъ Бога живаго. Рѣдкой духовной высоты человѣкъ, для котораго слово органически сливалось съ дѣломъ. А дѣло заключалось въ Евангеліи.

Понималъ же онъ Евангеліе просто, по-православному,—несомнѣнно, узко. Но зато искренно проникался имъ и готовъ былъ итти за убѣжденія на костеръ. Но это не темный фанатизмъ...

III.

Теперь о Гоголѣ.

Могъ ли о. Матѳей быть душеубійцей его?

Могъ ли онъ грозить ему анаѳемой, когда «никого ни когда не осуждалъ»?

Да за что анаѳему? За то, что онъ занимался литературой?

Могъ ли «вѣчный молитвенникъ за всѣхъ» отказать одному Гоголю въ молитвѣ? Да за какую вину? Опять за литературу?...

Г-нъ Мережковскій слишкомъ увлекся. Одной черной краской своего настроенія онъ разрисовалъ живую картину. Ему вообще пріятенъ демонизмъ, а страшный конецъ Гоголя навѣваетъ самыя мрачныя объясненія. И онъ съ легкимъ сердцемъ рядитъ въ мефистофельскій костюмъ о. Матѳея.

Могъ ли о. Матѳей обратиться съ требованіемъ къ Гоголю—

— Сбрось имя литератора и уйди въ монастырь!

Самъ о. Матѳей не былъ монахомъ, хотя и могъ быть имъ. Онъ вовсе не суровый Симеонъ Столпникъ, не ненавидящій міръ. И въ монастырѣ онъ не могъ видѣть идеала земной жизни.

Но оставить литературное поприще онъ могъ посовѣтовать Гоголю.

Сынъ Н. Д. Квашнина-Самарина, Д. Н. Квашнинъ-Самаринъ, передавалъ мнѣ такую мысль своего отца. Послѣдній зналъ о. Матѳея по разсказамъ близкихъ ему людей.

—О. Матѳей былъ настолько умный человѣкъ, что могъ цѣнить художественныя произведенія Гоголя. Но когда великій писатель сталъ рѣшать моральныя проблемы и мнилъ быть пророкомъ и спасителемъ Россіи, чуткій хри-

стіанинъ о. Матѳей сказалъ ему: «Сперва самъ возвысся духовно, а потомъ и поучай!» Такъ какъ Гоголь не проявлялъ склонности возвратиться на прежній путь, то о. Матѳей и посовѣтовалъ ему: «Лучше сбрось имя литератора! А то ты больше навредишь, чѣмъ пользы окажешь».

Рафаилычъ разсказывалъ о предвидѣніи о. Матѳея:

—Волю предсказалъ и огненную колесницу, то-есть желѣзную дорогу.

—А какъ онъ самъ относился къ волѣ?

—Онъ видѣлъ истязанія крестьянъ помѣщиками и только радоваться волѣ...

Это какъ разъ тогда, когда Гоголь оправдывалъ крѣпостное право и называлъ его учрежденіемъ христіанскимъ.

Видѣлъ это болѣзненное искривленіе умный о. Матѳей и сказалъ:

—Лучше оставь литературу!

Но это было только совѣтомъ, о чемъ ясно говоритъ спокойный отвѣтъ Гоголя въ письмѣ изъ Остенде:

—Богъ да наградитъ васъ за ваши добрыя строки!

И при послѣднемъ свиданіи ничего *демоническаго* не произошло,—о чемъ ясно говоритъ спокойное же послѣднее письмо Гоголя съ благодарностью о. Матѳею.

Гоголь убилъ себя самъ. Или, вѣрнѣе, его убила прогрессировавшая *болѣзнь* «страха смерти»...

БИБЛИОТЕКА

КНИГИ ТОГО ЖЕ АВТОРА:

ИЩУЩІЕ БОГА. (Очерки современныхъ религіозныхъ исканій).

КНИГА ПЕРВАЯ.

Яма.— Первые сектанты.— Евангелистъ.— Безсмертники.— Святодуховецъ.— Пророкъ Іезекіиль.— Миссіонеръ.— Рабочій толстовецъ.— Два Парамона.— Народные проповѣдники.— Московскій братецъ Іоаннъ.— Петербургскій братецъ.— Торговецъ-пророкъ М. А. Курамшинъ.— Неплюевское братство.—«Свободное христіанство»: епископа Михаила, И. М. Трегубова, Московское «свободное христіанство».— Новый Израиль.— Студенты-христіане.— Адвентисты.— Сіонянка.— Старообрядцы: поповцы, безпоповцы, бѣглопоповцы, единовѣрцы.— Религіозные портреты.

Цѣна 1 рубль.

ПРОДАЕТСЯ ВО ВСѢХЪ МАГАЗИНАХЪ.

Выписывающіе отъ автора за пересылку не платятъ. Москва, Тверская, д. Найденова, 10. А. С. Панкратову.

ГОТОВЯТСЯ КЪ ПЕЧАТИ:

ПОТОМКИ ИВАНА СУСАНИНА.

(Къ юбилею дома Романовыхъ).

МИЛЛІОНЫ ВЪ ЗЕМЛѢ.

(Очерки русской жизни).

КНИГА ПЕРВАЯ.

На голодѣ.— Разбои на Кавказѣ.— Въ «Заборовскихъ гаяхъ» (на могилѣ М. Д. Скобелева.— Въ «Вишнѣ» (на могилѣ Н. И. Пирогова).—Послѣдній петрашевецъ (Н. С. Кашкинъ).—Убійство П. А. Столыпина.— Милліоны въ землѣ (поѣздка на Ухту).— Въ Почаевской лаврѣ.— Городъ чудесъ.— Въ Кашинѣ. И т. д.

Т-ВО СКОРОПЕЧ. А. А. ЛЕВЕНСОНЪ, МОСКВА.